
Вампирюга

К. Е.

Вампирюга

«Автор»
2026

Е. К.

Вампирюга / К. Е. — «Автор», 2026

Леру давно прозвали вампирюгой: она умела довести человека до белого каления одной колкой фразой. Парни не выдерживали её провокаций, просили «не делать мозг» и уходили. Лера привыкла считать, что иначе и быть не может.Пока не встретила Мишу. Когда она снова ждёт ссоры, он вместо ответа обнимает её и смеётся: «Ты же мой вампирчик». Но можно ли отношения исправить одним ласковым прозвищем? Пока Лера и Миша учатся говорить прямо и слышать друг друга, «Чердаку» грозит закрытие, а старые обиды напоминают о себе.

© Е. К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Прозвище 5
Глава 2. Звук на проверке 14
Глава 3. На красной отметке 24
Глава 4. Не репетируй ссору 38
Глава 5. Чужие истории 54
Глава 6. Работа в паре 71
Глава 7. Пять дней до комиссии 87
Глава 8. Когда погас свет 105
Конец ознакомительного фрагмента. 108

К. Е.
Вампирюга

Глава 1. Прозвище

— Ты вообще умеешь разговаривать с людьми, не оставляя после себя трупов?

Я подняла глаза от пластикового стакана. Напротив стоял парень в белой рубашке, которую он, кажется, гладил прямо на себе. На воротнике блестела капля чего-то красного. Клюквенный морс, если верить запаху. Или кровь, если верить его выражению лица.

— Умею, — сказала я. — Просто сегодня не захотела.

За его плечом кто-то хохотнул. Парень скривился, будто именно этого и ждал: публики. Удивительно, сколько людей начинают разговор только ради того, чтобы потом рассказать друзьям, как их обидели.

— Ну да. Тебе же нравится делать мозг.

— Только тем, кто сам его приносит.

Смех стал громче. Я улыбнулась — ровно настолько, чтобы это приняли за победу. Парень качнул головой, пробормотал что-то про «вампирюгу» и ушёл к столу с пиццей.

Вот и всё. Ещё один вечер, ещё один человек, который решил, что если я не улыбаюсь ему в ответ, то обязана выдать подробное объяснение. Вокруг продолжали греметь колонки, кто-то спорил о плейлисте, кто-то снимал сторис. Я сделала глоток морса и обнаружила, что он тёплый.

— Тебя когда-нибудь утомляет быть последним словом в разговоре? — спросила Аня, появившись рядом.

— Нет. Я же не произношу последнее слово вслух. Оно просто возникает у людей в голове, когда они понимают, что проиграли.

— Конечно. Поэтому у тебя за спиной сейчас половина факультета шепчется.

— Завидуют.

Аня посмотрела на меня с выражением человека, который уже слышал все мои объяснения и не собирался покупать новые. Она была в чёрном комбинезоне и с серебряными тенями на веках. На вечеринку пришла как будто по делу, хотя никакого дела здесь быть не могло. Мы обе учились на втором курсе медиакоммуникаций, и вечеринка была устроена в честь конца первой учебной недели. Праздновать было нечего, но студенты умели отмечать и менее убедительные поводы.

— Я не спорю, — сказала Аня. — Тебя замечают. Это одно из твоих талантов. Но, может, хоть иногда попробуешь не кусаться?

— Не могу. Клыки выросли.

— У тебя их нет.

— Ты не проверяла.

Аня закатила глаза, но улыбнулась. Она всегда улыбалась, когда я начинала вести себя так, будто меня невозможно задеть. Наверное, потому что знала: это не так. С подругой у меня плохо получалось притворяться, но я продолжала практиковаться.

Телефон завибрировал. Сообщение от Кирилла: «Вампирюга снова в ударе?»

Я перечитала его дважды. Потом заблокировала экран и сунула телефон в карман.

— Кто? — спросила Аня.

— Никто.

— Лер.

— Бывший никто.

Она не стала спрашивать дальше. За это я была ей благодарна. За это же иногда хотелось на неё накричать: когда человек не лезет с вопросами, приходится самой решать, хочу ли я что-то сказать.

Я попыталась переключиться на вечеринку. В зале было жарко, хотя октябрь только начался. Окна запотели, в углу кто-то перекрикивал басы, а возле колонки две девушки снимали видео, где синхронно показывали на подпись «мы после первой пары». У одной из них на рукаве прилипла блёстка. Я почему-то смотрела именно на неё: маленькая серебряная точка, которую можно было стряхнуть, если заметить.

— Ты опять считаешь трещины на стене? — спросила Аня.

— Ищу выход.

— Он за тобой.

— Тогда ищу запасной.

Она протянула мне тарелку с кусочком пиццы. Я взяла, хотя есть не хотелось. Соус был слишком сладкий, сыр тянулся длинными нитями. Мы ели молча, и это было лучше любой попытки «развеселить меня». Аня умела не выталкивать меня из плохого настроения насильно. Она просто оставляла рядом место, если я вдруг захочу выбраться сама.

— Кстати, — сказала она спустя минуту, словно разговор о «Чердаке» был деловой частью вечера. — Завтра пойдёшь со мной?

— Куда?

— На «Чердак».

— Я и так туда иногда захожу.

— Ты там покупаешь кофе и ворчишь на афиши. Это не считается.

«Чердак» был студенческим пространством в старом корпусе: маленькая сцена, несколько комнат для репетиций и кофе, который мог бы стать причиной обращения в суд. Там проходили открытые микрофоны, показы короткометражек и концерты местных групп. Я любила это место, но говорить об этом вслух было бы слишком похоже на признание.

— Что случилось? — спросила я.

— Руководство пересматривает финансирование. Если осенний фестиваль не соберёт людей, «Чердак» могут закрыть.

Я поморщилась.

— Это шантаж.

— Это бюджет.

— Бюджет — шантаж с таблицей.

— Вот и скажи это на встрече команды. Им нужна помощь с рекламой.

— Я не обещала.

— Ты уже сказала «что случилось», это почти согласие.

— Не льсти себе.

Аня наклонилась ближе:

— Тебе там понравится. Будет с кем поспорить.

— Ты пытаешься заманить меня обещанием конфликта?

— Я знаю, что работает.

Она ушла за пиццей, оставив меня с тёплым морсом и сообщением Кирилла, которое я будто бы не замечала. Я достала телефон. В строке ответа набрала: «Скучал?» Потом удалила. Набрала: «Тебе заняться нечем?» Тоже удалила.

Наконец выключила экран.

Не потому, что мне было всё равно. Просто если сказать это вслух, оно перестанет быть правдой.

Кирилл не был первым человеком, который назвал меня сложной. Он был первым, чьё мнение я зачем-то решила принять всерьёз. В первый месяц он говорил, что ему нравится моя

прямота. Во второй — что со мной невозможно соскучиться. А потом однажды вечером, когда мы сидели на кухне у его друзей, он спросил, чего я боюсь больше всего. Я ответила честно: что однажды расскажу кому-то что-то важное, а он потом использует это как шутку.

Через неделю Кирилл именно это и сделал. Не один на один. При компании, под видом анекдота. Все смеялись, и никто не заметил, что я перестала есть. Я тоже смеялась, громче остальных. Удобно: если ты смеёшься первой, никто не спросит, почему у тебя дрожат пальцы.

Мы расстались не в ту ночь. Ещё несколько недель я пыталась убедить себя, что это мелочь, что он не понял, что я слишком чувствительная. Потом он сказал, что я «вечно делаешь мозг», когда я попросила не повторять эту историю при людях. Я ответила, что ему лучше найти кого-нибудь попроще. Он нашёл. Я ушла первой, хотя на тот момент уже давно знала, что мы расстанемся.

Новый парень с морсом, очевидно, не имел к Кириллу никакого отношения. И всё-таки я узнала знакомый тон: раздражение, которое человек считает доказательством моей неправоты. Я знала, как от него защищаться. Слишком хорошо.

— Ты пойдёшь завтра? — Аня снова оказалась рядом.

— Я подумаю.

— То есть пойдёшь.

— Это значит, что я подумаю.

— Я знаю, что ты думаешь. Ты составляешь список причин не идти, а потом замечаешь, что первая из них звучит глупо.

— У тебя очень высокое мнение о моей логике.

— У меня очень точное мнение о твоих отговорках.

Я хотела сказать, что она не понимает. Но это было бы нечестно. Аня понимала больше, чем я готова была ей объяснить. Вдобавок она никогда не пыталась выиграть спор со мной. Это бесило, потому что лишало меня привычной развязки.

— Во сколько? — спросила я.

Она улыбнулась, но не стала праздновать победу.

— В три. В старом корпусе.

— Я зайду ненадолго.

— Я запомню именно эту версию.

В тот вечер я ушла до того, как включили следующую подборку песен. По дороге до остановки дождь закончился, оставив асфальт чёрным и блестящим. Я достала телефон проверить расписание автобусов. Сообщение от Кирилла всё ещё было на экране уведомлений, хотя я уже закрыла его. Одно короткое предложение — и целый набор старых сцен, который я не просила открывать.

Я не ответила. Написала Ане: «Если ты в три не будешь там, я уйду». Она ответила мгновенно: «Буду в 2:55. Принесу кофе». Я набрала: «Без сахара». Посмотрела на экран и стёрла. Откуда ей знать, что у меня сегодня закончился кофе дома, а привычный заказ я уже три дня пила без сахара? Она и так знала.

Пока Аня отвечала на сообщение, из зала донёсся голос девушки — тихий, но упрямый. Кто-то репетировал стихотворение. Я узнала интонацию раньше слов: в конце каждой строки она оставляла короткую паузу, словно прислушивалась, не передумала ли сказать это вслух.

— Это Ника, — сказала Аня. — Она первокурсница. Сегодня у неё первая репетиция.

— И что она читает?

— Не знаю. Она никому не сказала.

Мы заглянули в зал. Девушка стояла на сцене в джинсовой куртке, с листком бумаги, который заметно дрожал у неё в руках. Перед ней сидели всего трое: парень с гитарой, девушка в красной шапке и какой-то человек, который перебирал в телефоне плейлист. Ника сбилась на третьей строке, замолчала, скомкала бумагу и начала заново.

— Может, ей помочь? — спросила Аня.

— Если спросить, она решит, что мы считаем её слабой.

— А если не спросить, она может просто уйти.

Я поставила кофе на подоконник и вошла в зал. Не к сцене — к заднему ряду, где на полу валялся удлинитель. Подняла его и размотала. Это заняло секунд двадцать. Ника успела начать сначала.

На этот раз она прочитала до конца. Слова были про женщину, которая каждый вечер ждёт автобус на остановке, хотя уже давно знает, что он не придёт. Не слишком оригинально, но в последней строке она сказала «я всё равно оставлю свет», и голос у неё не дрогнул.

Когда она закончила, никто не зааплодировал. В комнате просто стало тихо. Потом парень с гитарой сказал:

— Вот это оставь. Остальное можно переписать, если хочешь.

Ника посмотрела на бумагу и кивнула. Она не улыбнулась, но плечи опустились. Я вернулась к двери и забрала кофе.

— Ты могла просто похвалить, — сказала Аня.

— Я не умею хвалить незнакомых людей, когда не знаю, за что.

— Ты только что дослушала её до конца.

— Я проходила мимо.

— Ты разматывала удлинитель в пустом зале.

— Он мешал.

Аня ничего не сказала. Ей не нужно было. Она умела замечать поступки, которые я предпочитала не считать своими.

Мы остались в коридоре, пока Ника складывала листок. Та самая лампа над дверью мигала, и я подумала, что если оставить её так, в какой-то момент она погаснет окончательно. Я снова мысленно добавила пункт в список: «проверить лампу». Туда же отправилась оторванная афиша и треснувшая дверная ручка.

— Ты записываешь всё, что здесь сломано? — спросила Аня.

— Только то, что можно починить.

— А если нельзя?

— Тогда нет смысла записывать.

Я сказала это легко, как шутку, но Аня перестала улыбаться. Я сделала вид, что не заметила.

— Пошли, — сказала она. — Марина Сергеевна ждёт.

В комнату мы вошли уже после начала встречи. Я заняла крайний стул у окна и открыла ноутбук. На экране было пустое поле документа. Я напечатала «Фестиваль. План», и первые слова встали на место лучше, чем мысли.

На следующий день я пришла в старый корпус в 14:58. Аня была у лестницы, с двумя стаканами в руках и шарфом, который постоянно сползал с плеча.

— Ты пунктуальная, когда угрожают кофе, — сказала она.

— Я пришла проверить, насколько он плохой.

— Справедливо.

Мы поднялись по лестнице. На втором пролёте было холоднее: отопление в старом корпусе включали по внутреннему календарю, который, вероятно, составлял человек с ненавистью к студентам. На стенах висели афиши, некоторые поверх других. Под одной торчал край листка с объявлением о продаже учебника по статистике. «Чердак» занимал левую часть этажа, за тяжёлой дверью, которую нужно было приподнимать, чтобы она не цеплялась за пол.

Внутри кто-то двигал стулья. Сцена была освещена только настольной лампой, и её жёлтое пятно казалось домашним. Я знала это место достаточно хорошо, чтобы замечать мелкие перемены: новый скотч на полу, другой плакат у входа, трещина на подоконнике, которая стала

длиннее. Кофе здесь действительно был ужасным. Но стаканы всё равно были тёплыми, и никто не спрашивал, почему ты сидишь одна.

— Ты же говорила, что приходишь только за кофе, — заметила Аня.

— Так и есть.

— Ты только что осмотрела комнату, как человек, который боится, что у неё что-то заберут.

— Я проверяла афиши.

— Конечно.

Она передала мне стакан. Я сделала глоток и решила, что кофе сегодня чуть лучше. Или я была голодна.

— Марина Сергеевна уже здесь? — спросила я.

— В комнате с аппаратурой. Встреча начнётся через минуту.

— Я думала, мы просто посмотрим помещение.

— Мы посмотрим. После встречи.

— Ты могла предупредить.

— Я предупреждала, что будет встреча.

— Ты сказала «пойдёшь со мной на Чердак».

— И сказала, что нужна помощь.

— Я услышала только часть про кофе.

— Это заметно.

В комнате за сценой собрались люди. Я узнала двоих с нашего факультета и девушку, которая однажды читала стихи про лифт. Было ещё несколько незнакомых лиц. Никто не выглядел так, будто мечтает провести субботу за обсуждением бюджета. Впрочем, я тоже.

Марина Сергеевна представилась, раздала листы с задачами и коротко объяснила ситуацию: на следующий семестр финансирование пока не подтвердили. Осенний фестиваль должен был показать, что пространством пользуются и оно необходимо студентам. На подготовку оставалось шесть недель.

— А если не покажем? — спросила я.

— Тогда помещение передадут под учебные аудитории. Это не окончательное решение, но вероятность высокая.

На несколько секунд все замолчали. Я открыла ноутбук и создала документ «Фестиваль. План». Если мне нужно переживать, я предпочитала сначала сделать таблицу.

— Нам нужна программа, продвижение, звук, свет, волонтёры, — продолжила Марина Сергеевна. — Лера, Аня сказала, ты занимаешься видео и текстами?

— Иногда.

— Тогда возьмёшь короткие ролики и афиши. Аня поможет с соцсетями.

— Сколько роликов?

— Сначала три. Потом посмотрим по отклику.

— Кто отвечает за съёмку?

— Михаил. Он у нас звукорежиссёр, но с камерой тоже умеет работать.

— Камерой я умею пользоваться, — сказал голос от двери. — Но если вы хотите, чтобы она ещё и звук записывала, придётся купить ей кофе.

Я обернулась.

Парень держал в одной руке катушку чёрного кабеля, в другой — два бумажных стакана. На нём была тёмная футболка, рукава закатаны до локтей. Волосы чуть влажные, будто он попал под дождь или только что мыл голову. Он поставил стаканы на стол и посмотрел на меня.

— Лера, это Миша, — сказала Аня.

— Мы знакомы? — спросила я.

— Пока нет, — ответил он.

— Хорошо. Я бы запомнила.

— Надеюсь, не из-за кабеля.

Он сел напротив. Я подняла бровь. Это был первый нормальный ответ за последние сутки.

Марина Сергеевна раздала список задач. Я пролистала его и дошла до пункта «подготовить тестовый ролик о пространстве». Рядом стояла фамилия Миши.

— Значит, будем работать вместе, — сказала я.

— Похоже на то.

— Ты всегда такой разговорчивый?

— Только когда задают вопросы, на которые можно ответить одним предложением.

— Удобно.

— Иногда.

Я ждала, что он улыбнётся, покажет, что за спокойствием прячется раздражение. Но он просто открыл блокнот. На его странице были выписаны даты, фамилии, стрелочки и какие-то схемы. Он даже не пытался казаться интереснее, чем был.

Это почему-то раздражало.

— Для ролика нам нужно помещение, люди и звук, — сказала я. — Есть идеи?

— Есть. Сначала надо проверить микрофоны и выяснить, кто согласен сниматься.

— А если никто не согласится?

— Тогда будем снимать тех, кто согласится.

— А если они будут скучными?

— Тогда придётся хорошо снимать.

Я посмотрела на него. Он наконец улыбнулся, совсем немного.

Аня кашлянула, скрывая смешок.

— Ладно, — сказала я. — После встречи покажешь мне помещение. И не трогай мой сценарий без спроса.

— Я ещё его не видел.

— Это профилактика.

— Тогда и ты не трогай пульт без спроса. Он дороже моего сценария.

— Сомневаюсь.

— Проверим?

— Я бы не стала ставить на это деньги.

На этот раз улыбка появилась у него в глазах. Не насмешка. Скорее, интерес. Я не очень любила интерес. Он обычно быстро превращался в ожидания.

Перед расписанием Марина Сергеевна попросила каждого назвать одну вещь, которую он хотел бы видеть на фестивале. Это быстро превратилось в спор о том, нужен ли нам хедлайнер, если на него уйдёт половина бюджета.

— Если мы позовём известную группу, люди придут, — сказал парень с гитарой.

— А если она возьмёт весь бюджет, нам будет нечего ставить на сцену, — ответила девушка в красной шапке.

— Без группы это будет школьная ярмарка.

— Не обязательно. Можно собрать несколько маленьких выступлений.

Они говорили друг с другом, но уже начинали повышать голос. Я постучала ручкой по столу.

— Можно я предложу чудовищную вещь?

— Давай, — сказала Марина Сергеевна.

— Не решать это сейчас. Сначала выяснить, сколько стоит группа, сколько зрителей она реально приведёт, а потом сравнить с ценой нескольких местных исполнителей. Если цифры одинаковые — будем спорить дальше. Если нет — спорить будет не о чем.

Парень с гитарой хотел возразить, но посмотрел на лист задач.

— Я могу сегодня написать знакомому организатору, — сказал он. — Узнаю расценки.

— А я посчитаю, сколько билетов нам нужно продать, если делать вход платным, — предложила девушка.

Марина Сергеевна записала это. Никто не поблагодарил меня, и я была рада: благодарность почему-то всегда превращала обычную мысль в услугу, за которую теперь нужно отвечать.

Аня наклонилась ко мне:

— Ты только что помогла команде.

— Я только что остановила спор.

— Это и есть помощь.

— Не преувеличивай.

— Я не преувеличиваю. Я просто не делаю вид, что ты случайно оказалась полезной.

Я не нашла ответа, который не прозвучал бы грубо, поэтому открыла документ и записала пункт: «расценки, варианты программы». Иногда лучший способ не спорить — сделать вид, что тебе нужно печатать.

Мы перешли к расписанию. Оказалось, у каждого уже была своя причина заниматься фестивалем: кому-то нужен был зал для выступления, кто-то хотел набрать опыт, а девушка со стихами просто не хотела, чтобы «Чердак» превратился в ещё одну аудиторию, где разрешают только слушать. Мне не хотелось объяснять, почему я согласилась. Я сказала, что умею делать короткие видео и что у меня есть свободный вечер.

— Не каждый вечер, — уточнила Аня.

— Я сказала «есть свободный вечер», а не «отдаю вам жизнь».

— Запишем как «есть один вечер», — сказала Марина Сергеевна и отметила это в списке.

— Я могу делать сценарии и тексты, но не буду отвечать за публикации, — добавила я. — Не потому что не умею. Просто если одновременно отвечать за всё, потом выяснится, что я виновата даже в погоде.

— Хорошо, — сказала Марина Сергеевна. — Тогда роли распределим отдельно.

Мне понравилось, что она не стала уговаривать. Я иногда заранее готовилась к борьбе, даже если никто не собирался спорить. Когда этого не происходило, оставалось непонятно, что делать с приготовленным оружием.

После встречи Миша показал мне зал и коридорные комнаты. Мы прошли мимо сцены, где на полу остались кусочки блёсток от прошлогоднего концерта. В маленьком помещении стояли три стула и сломанная лампа. В другой комнате кто-то оставил на подоконнике кружку с чайным пакетиком, давно превратившим воду в непрозрачную лужицу.

— Здесь можно снимать интервью, — сказал Миша. — Тише всего.

— Но темно.

— Есть две лампы.

— Одна сломана.

— Значит, одна лампа.

— Звукорежиссёр с одним источником света. Смело.

— Я думал, ты пишешь сценарии, а не оцениваешь освещение.

— Если картинка будет как видео с камеры наблюдения, сценарий никого не спасёт.

— Тогда снимем у сцены.

Он открыл шкаф и достал переносной свет. Когда он подключил его, лампа мигнула и залила стену резким белым пятном.

— А это точно работает? — спросила я.

— Работает. Вопрос в том, что именно.

— Отличное описание техники.

Мы несколько минут переставляли свет и проверяли, где не появляется тень от камеры. Миша не суетился, но и не отдавал мне задачу целиком. Когда я предложила перенести стул ближе к окну, он проверил звук и согласился. Когда я предложила положить цветную ткань на стену, он спросил, где мы её возьмём. Мне пришлось признать, что пока нигде.

— Ты всегда так быстро соглашаешься, когда идея нормальная? — спросила я.

— Обычно.

— А когда плохая?

— Спрашиваю, что она должна решить.

— Например?

— Если ты предлагаешь ткань, я хочу понять, что тебе не нравится в стене. Если ответ «она выглядит как кабинет стоматолога», значит, нам нужна ткань. Если ответ «мне просто хочется, чтобы ты пошёл искать ткань», тогда нет.

— И какой ответ сейчас?

— Пока не знаю. Ты не сказала.

Он произнёс это без подозрения, просто ожидая ответа. Я могла бы сказать, что хотела увидеть, как он среагирует. Но тогда получилась бы игра, которую он и так уже заметил. Я пожала плечами:

— Стена правда похожа на кабинет стоматолога.

— Тогда найдём ткань.

Он записал это в блокнот. Я вдруг поняла, что мне не нравится, как легко он не принимает мои слова на свой счёт. Я проверяла его на раздражение, а он оставлял мне выбор: продолжить или просто заняться делом. Слишком честное предложение. Я не знала, что с ним делать.

К концу встречи у нас были сроки, список участников и договорённость встретиться в понедельник. Миша поднялся первым и забрал катушку кабеля.

— В шесть в аппаратной? — спросил он.

— В пять пятьдесят девять.

— Чтобы не опоздать на минуту?

— Чтобы проверить, насколько ты серьёзно относишься ко времени.

— Я буду в шесть.

— Посмотрим.

Он вышел, оставив на столе бумажные стаканы. Один из них был мой. На крышке маркером было написано: «Без сахара. Кажется».

Я не помнила, чтобы заказывала кофе.

— Он взял тебе тоже? — спросила Аня.

— Наверное, перепутал.

— Конечно.

— Не начинай.

Я взяла стакан. Кофе был без сахара. Именно такой, какой я пила.

На улице уже темнело. Я сделала глоток и не стала спрашивать себя, откуда Миша это знал. Наверное, услышал раньше. Наверное, случайно. Наверное — самое удобное слово на свете, когда не хочется думать о том, что кто-то мог обратить на тебя внимание.

По дороге домой я открыла документ с планом. Три коротких ролика, одна съёмка, текст афиши, список участников. Я расставила даты и добавила напоминание про ткань. Потом заметила, что всё это уже выглядит как обязательство, и хотела удалить файл. Вместо этого отправила его Ане.

Она ответила: «Горжусь тобой». Я написала: «Не делай из этого событие». Потом добавила смайлик, чтобы она знала, что я не злюсь.

Дома я разогрела вчерашнюю пасту и посмотрела половину серии какого-то детектива, не запомнив ни одного подозреваемого. Телефон лежал рядом экраном вниз. Я не проверяла, написал ли Кирилл. Не проверяла. Просто переворачивала телефон каждые несколько минут, чтобы убедиться, что он молчит.

Перед сном я открыла заметки и записала фразу для ролика: «Здесь можно остаться». Посмотрела на неё, удалила. Потом вернула. Иногда мне казалось, что я умею делать вид, будто слова ничего не значат, потому что сама не верю ни одному из них. Но эта фраза застряла.

Я закрыла заметки и выключила свет. В темноте вспомнила, как Миша сказал: «Если узнаю, сообщу». Не обещал, не подмигивал, не пытался продать мне собственную загадочность. Просто оставил фразу лежать между нами. Я не была уверена, что это лучше, чем спор. Но почему-то поймала себя на том, что жду понедельника.

Глава 2. Звук на проверке

В понедельник Миша был в аппаратной в шесть ровно.

Я пришла в пять пятьдесят девять и обнаружила, что дверь заперта. Постучала. Изнутри донёсся короткий щелчок, потом ещё один, будто человек по ту сторону решал, открывать ли мне вообще.

— Если это ты, Лера, можешь заходить, — сказал Миша.

— А если не я?

— Тогда пусть подождёт.

Я толкнула дверь. Он стоял за пультом и распутывал кабель. На столе лежали наушники, блокнот и отвертка. В углу мигал старый усилитель.

— Это всё часть твоего рабочего процесса или ты просто создаёшь атмосферу подвала?

— Пятьдесят на пятьдесят.

— А кофе?

— Если принесёшь, будет шестьдесят на сорок.

Я сняла куртку и осмотрела комнату. Аппаратная была тесной и без окон. С одной стороны — пульт, с другой — стойка с аппаратурой. На стене кто-то приклеил бумажку: «Не трогать красную кнопку». На самой кнопке красовалась надпись «НЕ ТРОГАТЬ».

— Что будет, если её нажать?

— В идеале ничего.

— А в реальности?

— В реальности я тебя выгоню.

— Значит, она всё-таки работает.

— В основном на моё терпение.

Я подошла ближе к пульту, но руки держала при себе. Миша заметил это и кивнул на складной стул у стены.

— Сядь, я покажу, как звук пойдёт в зал.

— Ты уверен, что готов доверить мне такую власть?

— Я готов доверить тебе стул.

Я села. Он подключил микрофон, повернул регулятор и попросил меня сказать что-нибудь.

— Что-нибудь.

— Убедительно.

Из колонок в соседнем зале раздалось моё «что-нибудь», слегка огрублённое и непривычное. Я подняла голову.

— Голос звучит лучше, чем в жизни.

— Это потому, что пульт фильтрует лишнее.

— У тебя есть чувство самосохранения.

— Я работаю с проводами. Самосохранение — часть профессии.

Он убрал микрофон и предложил проверить запись. Мы включили тестовый файл: голос Ани, записанный на прошлой неделе, и гитарный аккорд, который обрывался на середине. Я надела наушники.

— Тут шум, — сказала я.

— Вентиляция. Попробую убрать.

— Не надо полностью. Оставь немного. Если сделать звук стерильным, будет ощущение рекламы зубной пасты.

Миша посмотрел на меня поверх пульта.

— Ты это сейчас сказала как человек, который действительно слышит звук, или чтобы произвести впечатление?

— А ты спрашиваешь как звукорежиссёр или чтобы произвести впечатление?

— Как звукорежиссёр.

— Тогда да. Оставь чуть-чуть комнаты. Людям хочется понимать, что они находятся внутри, а не в вакууме.

Он послушал запись ещё раз и кивнул.

— Хорошая мысль.

— Я иногда их выдаю.

— Зафиксирую в журнале.

Мы работали почти час. Миша объяснял настройки, я предлагала, какие вопросы задать участникам. Он не перебивал, когда я говорила, и не соглашался автоматически. Когда идея была слабой, он говорил почему. Это раздражало меньше, чем должно было.

Я спрашивала его, зачем он вообще занимается звуком. Он ответил, что в школе играл в группе на басу, но быстро понял: ему интереснее не стоять в центре, а собирать звук так, чтобы каждый инструмент был слышен. Я сказала, что это подозрительно похоже на метафору. Он спросил, хочет ли она попасть в ролик. Я отказалась, хотя не была уверена, что отказала именно ему или самой себе.

— Ты играешь сейчас? — спросила я.

— Иногда.

— Это значит «нет».

— Это значит «иногда».

— Очень информативно.

— Ты тоже говоришь «иногда» про видео.

— Я хотя бы умею делать это убедительно.

Он усмехнулся и вернулся к уровню громкости. Я смотрела, как он работает: пальцы не торопились, движения были уверенными, но не демонстративными. Он объяснял, что делает, когда я спрашивала, и не объяснял, когда я просто смотрела. В этом было что-то приятное. И опасное — потому что спокойствие легко принять за отсутствие интереса, а отсутствие интереса меня не пугало.

К половине восьмого у меня закончилась батарея на ноутбуке. Я потянулась за зарядкой, задела локтем край пульта и услышала неприятный треск в колонках.

Миша сразу нажал на кнопку отключения.

— Я же сказала, что ничего не трогаю.

— Ты задела разъём.

— Я могла бы сделать это специально.

— Не могла. Ты бы выбрала что-то эффектнее.

Я посмотрела на него. Он произнёс это без улыбки, как будто действительно знал, какой способ устроить хаос я бы выбрала. На секунду мне захотелось спросить, откуда. Вместо этого я сказала:

— Не делай вид, что уже меня раскусил.

— Не делаю. Я просто видел, как ты выбираешь ракурс для ролика.

— И что?

— Ты сначала сняла старую афишу, потом меня, потом снова афишу. Ты хотела, чтобы я спросил, почему ты меня снимаешь.

— Может, я собирала материал.

— Может.

— И ты не спросил.

— Нет.

— Почему?

Миша снял наушники и положил их на стол.

— Потому что не хотел устраивать сцену в первый же день.

— То есть ты всё-таки заметил.

— Да.

Я не знала, что ответить. Обычно люди либо пропускали мои провокации, либо подхватывали их. Миша не делал ни того ни другого. Он видел их — и отказывался играть.

— Ты всех так анализируешь? — спросила я.

— Нет. Только тех, кто пытается анализировать меня первым.

— Я тебя не анализирую.

— Хорошо.

— И не пыталась тебя вывести.

— Конечно.

Он не стал спорить. Его «конечно» было хуже любого обвинения.

Я закрыла ноутбук и сунула зарядку в сумку.

— Всё, на сегодня хватит.

— Мы ещё не записали общий звук.

— Запишем завтра.

— Завтра у меня лекции до пяти.

— Значит, после шести.

— Хорошо.

Я встала и направилась к двери. Миша не остановил меня. Уже на пороге я обернулась:

— Ты всегда такой спокойный?

— Нет. Просто не каждый повод заслуживает реакции.

— А какой заслуживает?

— Если узнаю, сообщу.

— Я буду ждать.

— Не сомневаюсь.

На улице шёл мелкий дождь. Я застегнула куртку и пошла к остановке, злясь на то, что разговор не закончился привычной ссорой. Не на него. На себя — за то, что мне хотелось, чтобы он всё-таки разозлился. Тогда бы я точно знала, что делать дальше.

Дома я вытащила из сумки ноутбук и включила его, хотя зарядка так и осталась в боковом кармане. У меня было два часа до сна, а список задач распухал быстрее, чем я успевала его редактировать. На экране появилась афиша старого фестиваля. Я увеличила её, чтобы разобрать, как там были расставлены надписи. Потом открыла фотографию зала, которую сделала вчера. На ней Миша стоял боком, проверяя кабель, и смотрел куда-то за камеру.

Я удалила фотографию.

Через минуту открыла корзину и восстановила.

Это ничего не значило. Я собирала материал. Материал имеет свойство включать людей в кадр. Никакого преступления.

В тот вечер я всё-таки открыла папку с материалами, которые мы собрали. Там было несколько коротких фрагментов без музыки и один дубль, где Аня смеялась до того, как поняла, что камера уже включена. Я пересмотрела его дважды. Не потому, что он был смешным. Он был смешным, но я бы никогда не призналась в этом в переписке.

Я создала монтажный файл и расставила кадры по порядку. Сначала общий план сцены, потом руки, двигающие стулья, затем лица участников. На последнем месте поставила пустой зал. Это казалось честным: если позвать людей, они должны увидеть не только красивые лампы, но и то, что пространство становится живым благодаря им.

С музыкой я застряла. У меня было три варианта, и каждый делал ролик либо слишком грустным, либо слишком бодрым. Я написала Мише: «Что бы ты поставил сюда?» — и прикрепила черновик. Потом добавила: «Это вопрос по работе. Не делай выводов».

Он ответил не сразу. Я успела убрать телефон, помыть чашку, открыть окно и закрыть его, потому что с улицы тянуло холодом. Через десять минут пришла ссылка на аудиофайл.

«Набросал сам. Если не подходит — выброси», — написал он.

В записи не было мелодии в привычном смысле. Только низкий гул, пара мягких ударов и короткий звук, похожий на скрип сцены. Это не звучало как приглашение на праздник, зато совпадало с пустым залом и светом над сценой.

Я слушала, пока не поняла, что уже улыбаюсь.

«Это подходит», — написала я.

Потом добавила: «Ты сам это записал?»

«Да».

«Ты сказал, что иногда играешь».

«Я сказал правду».

«Это был ответ, который ничего не объясняет».

«Тогда спроси нормально».

Я села на край кровати. Спросить нормально было несложно. Сложнее было понять, почему я этого избегала.

«Почему ты перестал играть в группе?»

Ответ пришёл через минуту: «Поссорились с вокалистом. Он хотел, чтобы все звучали как он. Я устал спорить».

Я узнала в этом что-то слишком знакомое и не стала писать, что понимаю. Вместо этого отправила: «Жаль. Трек хороший».

«Спасибо».

Разговор на этом закончился. Он не попытался использовать вопрос, чтобы перейти к чему-то личному, а я не стала выжимать из него историю. Неожиданно это оказалось удобнее, чем обычный флирт, где каждое сообщение словно должно вести к следующему.

На следующий день я пришла пораньше. Хотела показать Мише монтаж, пока в комнате никого нет. Сказала себе, что это из-за сроков. В расписании у нас был запас, но совсем небольшой.

Он ещё не был на месте. Я поставила ноутбук на стол, подключила наушники и включила черновик. На экране замер кадр с лестницей, где краска облупилась у перил. Я подумала, что нужно переснять. Потом решила, что не нужно: эту краску видели все, кто сюда приходил. Она тоже часть места.

Когда дверь открылась, я обернулась быстрее, чем собиралась.

— Ты рано, — сказал Миша.

— Ты опоздал.

Он посмотрел на часы.

— Я пришёл на три минуты раньше.

— Для тебя это поздно.

— Мы не договаривались о встрече.

— Я могла договориться мысленно.

— Я не умею читать мысли.

— Очень удобно.

— Иногда.

Он поставил сумку возле стены и заметил на экране монтаж.

— Уже собрала?

— Черновик. Пока без финального звука.

— Можно посмотреть?

— Можно. Но сначала скажи, чего ты от него ждёшь.

Он нахмурился.

— Ты спрашиваешь, что я хочу увидеть?

— Да. Чтобы потом не услышать «надо было сделать иначе».

— Я хочу понять, узнаю ли я здесь «Чердак». Не красивое место, а то, ради чего сюда возвращаются.

Я ожидала чего-то вроде «чтобы было динамично». Вместо этого он сказал то же самое, что я сама думала, только без объяснений про обшарпанную стену.

— Тогда смотри.

Он сел на соседний стул и надел наушники. Я стояла за его плечом, уткнувшись в экран. В какой-то момент он остановил видео и попросил вернуть кадр с афишей.

— Зачем здесь столько пустого места?

— Потому что на афише нет текста. Это пауза.

— Ты специально оставила её?

— Да. Потом добавлю название фестиваля.

— Хорошо.

Он сказал это не как оценку и не как подбадривание. Просто понял, что я сделала. Я почувствовала странное облегчение — будто мне не пришлось защищать собственный выбор.

Когда ролик закончился, он снял наушники.

— Музыка нужна тише. Тогда будет слышно, что происходит в зале.

— Я тоже так решила.

— Значит, мы согласны.

— Пока по одному вопросу.

— Запишу в журнал.

Я потянулась к ноутбуку, чтобы закрыть файл, и наши руки встретились на тачпаде. Я отдёрнула свою первой. Миша не пошутил и не сделал вид, что ничего не заметил. Он просто отодвинулся на несколько сантиметров, оставив мне пространство.

Я сказала себе, что это вежливость. Вежливость — хорошее объяснение. Оно не требует ничего решать.

Во вторник мы встретились после моих лекций. Я пришла на «Чердак» после последней пары. Миша уже был там и разговаривал с парнем из студенческой группы. Я увидела, как он показывает тому, где поставить микрофон, и услышала его спокойное: «Не торопись. Сначала послушаем зал».

Не то чтобы я специально наблюдала. Я просто задержалась у входа, потому что там стояла коробка с проводами.

Когда парень ушёл, я прошла в аппаратную.

— Ты пришла вовремя, — сказал Миша.

— Похоже, ты удивлён.

— Я просто отметил факт.

— Не записывай его в журнал.

— Уже записал.

Я положила сумку на стул и достала лист с вопросами для коротких интервью.

— Я придумала структуру. Сначала люди говорят, что впервые увидели здесь, потом — почему вернулись. В конце каждый приглашает зрителя на фестиваль.

— Неплохо.

— Ты сегодня очень щедр на комплименты.

— Это не комплимент. Это оценка плана.

— Ты мог бы хотя бы притвориться, что я гениальна.

— Ты бы не поверила.

Он был прав, и это было особенно неприятно.

Мы начали снимать в зале. Первой согласилась Аня. Она рассказала, что пришла на «Чердак» на открытый микрофон, потому что опоздала на автобус и решила переждать дождь. Потом выступила со стихотворением, которое никому не показывала. Это было мило. Я не сказала этого вслух.

Следом мы записали двоих первокурсников, которые спорили, можно ли считать микроволновку музыкальным инструментом. Миша умел ждать, пока люди перестанут нервничать перед камерой. Он не подсказывал им готовые ответы и не заставлял смотреть прямо в объектив. Просто задавал вопрос, слушал и не торопил.

На третьей записи случилась заминка. Девушка из театрального кружка согласилась сняться, но когда камера включилась, начала зачитывать текст с телефона, который явно был написан не ею. Она путалась в словах и краснела. Я уже хотела сказать, что можно переписать, как Миша опустил камеру.

— Давай без текста, — предложил он. — Расскажи, что здесь было в первый день, когда ты пришла.

Девушка выдохнула. Сначала сказала, что заблудилась. Потом рассказала, как перепутала комнаты, попала на репетицию и случайно осталась помогать с декорациями. Она смеялась, вспоминая, как чуть не унесла чужой зонт. История вышла короче, зато в ней было что-то настоящее.

Когда мы закончили, она спросила, можно ли посмотреть запись до публикации. Миша подтвердил, что да. Я заметила, что он не торопился хвалить её за «смелость» и не делал вид, будто это великое событие. Он просто отнёсся к её просьбе как к нормальной.

— Ты хорошо это делаешь, — сказала я, когда девушка ушла.

— Что именно?

— Не мешаешь людям говорить.

— Это часть работы.

— Не у всех получается.

Он посмотрел на меня, как будто хотел спросить, говорю ли я о нём или о себе. Я отвернулась к камере.

— Теперь можно снять меня, — сказала я.

— Ты хочешь быть в ролике?

— Нет. Но если я заставляю всех остальных сниматься, будет нечестно.

— Согласен.

Я встала у стены, где висели афиши. Миша настроил свет и поднял камеру.

— Что сказать?

— Почему ты пришла на «Чердак».

— Я сюда кофе пить хожу.

— Это ты сказала в первый раз.

— Значит, запишем правду.

Он нажал запись. Я посмотрела в объектив и почувствовала, как улыбка сама собой исчезает.

— Я пришла сюда, потому что однажды мне некуда было идти, — сказала я. — А потом поняла, что здесь можно остаться.

Миша не остановил запись. Я сглотнула и продолжила:

— Если «Чердак» закроют, будет жаль. Поэтому приходите на фестиваль. Здесь иногда случается что-то хорошее.

— Отлично, — сказал он за камерой.

— Это звучало слишком искренне.

— В этом и смысл.

— Ты уверен?

— Да.

Он выключил камеру. Я забрала куртку и проверила телефон. Новых сообщений от Кирилла не было. Почему-то это не принесло облегчения.

— Завтра смонтирую черновик, — сказал Миша. — Скину тебе ссылку.

— Не выкладывай ничего без моего согласия.

— Не выложу.

— И если я передумаю насчёт своего фрагмента...

— Уберём.

— Даже если он хороший?

— Особенно если он хороший. Хороший материал не важнее твоего согласия.

Я посмотрела на него. Не потому, что он произнёс что-то невероятное. Просто, видимо, я привыкла считать, что людям нужно напоминать о таких вещах.

— Ладно, — сказала я. — Тогда до завтра.

— До завтра, Лера.

Я вышла в коридор. На этот раз мне не хотелось придумывать последнюю реплику. Это было непривычно и, если честно, немного страшно.

В среду Миша прислал ссылку на черновик. Я увидела уведомление в автобусе и оставила его непрочитанным до самого дома. Потом до того, как разуться. Потом до того, как включить чайник. Я могла открыть видео в любой момент. Телефон был у меня в руке. Но если я посмотрю, мне придётся решить, нравится ли мне там моя собственная фраза.

Я нажала на ссылку уже на кухне. В ролике не было музыки, только звук помещения: лёгкое шуршание, смех первокурсников, шум вентиляции. Кадр с Аней был немного темнее остальных. На интервью с девушкой из театрального кружка Миша оставил секунду тишины перед её ответом, и в этой секунде она успевала улыбнуться себе, будто решала, говорить или нет.

Мой фрагмент стоял последним. Я смотрела в камеру и казалась себе чужой. Не потому, что плохо выглядела. Просто я почти никогда не видела себя в кадре без выражения «я сейчас что-нибудь скажу». Тут я просто стояла под лампой и пыталась не отвести взгляд.

«Я пришла сюда, потому что однажды мне некуда было идти. А потом поняла, что здесь можно остаться».

Я выключила видео до конца.

Через минуту включила снова.

Миша написал: «Посмотри, пожалуйста, до завтра. Если хочешь что-то убрать — скажи». Я открыла чат и набрала «всё нормально». Удалила. Набрала «мой кусок убрать». Удалила и это. В конце концов отправила: «Покажи ещё раз в общем варианте, но ничего не выкладывай пока».

Он ответил: «Хорошо».

Не спросил почему. Не стал убеждать, что видео хорошее. Не написал, что я слишком много думаю. Я посмотрела на его короткий ответ и почувствовала, как внутри отпустило что-то маленькое, почти незаметное.

Позже Аня прислала сообщение: «Ты посмотрела?» Я ответила: «Да». Она поставила сердечко. Я сразу написала: «Не начинай». Она отправила гифку с котом, который прячется под одеялом. Я засмеялась и впервые за вечер перестала проверять телефон.

На следующий день я снова пришла на «Чердак». На этот раз без повода задерживаться у двери. Миша показывал запись Марине Сергеевне. Увидев меня, он поставил на паузу.

— Есть решение? — спросил он.

— Я хочу посмотреть весь ролик ещё раз. Не отдельно свой кусок.

— Давай.

Мы сели в зале. На стене висела ткань, которую Миша нашёл в кладовой. Она была тёмно-бордовая, с небольшим пятном у нижнего края. Я сказала, что пятно можно закрыть афишей. Он ответил, что афиша не должна быть шире ткани. Мы потратили пять минут, споря о ширине, хотя оба понимали, что разница в пару сантиметров никому не будет заметна.

Потом включили ролик. Я досмотрела до конца. Сцена с моими словами звучала честно, но не жалостливо. Просто как будто я говорила то, что думала, и не собиралась просить разрешения на собственную память.

— Оставляем, — сказала я.

— Хорошо.

— Но финальную музыку надо чуть тише. Она давит на голос.

— Согласен.

— И первый кадр с афишей можно обрезать. Там виден скотч.

— Я могу убрать его и оставить кадр.

— Нет, обрежь. Скотч мне нравится.

Он посмотрел на меня с вопросом.

— Почему?

— Потому что он держит афишу. Это буквально его задача.

Миша улыбнулся. Не широко, но без сомнения. Я вдруг поняла, что в комнате больше никого нет. Марина Сергеевна ушла звонить, Аня задерживалась на паре. Мы сидели рядом, и наши плечи почти касались. Я чуть отодвинулась, чтобы проверить, заметит ли он. Он заметил, но ничего не сказал.

Это было не поражение. Не победа. Просто маленькая проверка, которую он не стал превращать в игру.

Я посмотрела на экран, где ролик остановился на последнем кадре: пустая сцена, на полу катушка кабеля и пятно света от лампы. «Чердак» выглядел не как место из рекламного буклета, а как пространство, где недавно кто-то был и скоро появится снова.

— Это можно выкладывать, — сказала я.

— Хорошо.

— Но я не подписываю разрешение на все следующие ролики автоматически.

— Я знаю.

— И не называй меня в титрах «креативный директор». Это звучит так, будто я хожу с папкой и увольняю людей.

— Как насчёт «тексты и сценарий»?

— Нормально.

— Ты всегда так тщательно выбираешь слова?

— Только когда они останутся в интернете.

— Понятно.

— А ты всегда слушаешь людей так внимательно?

— Только тех, кто просит.

Я подняла взгляд. Он не отвёл глаз, но и не приблизился. Между нами оставалось достаточно места, чтобы я могла решить, что это ничего не значит.

Мы ещё немного посидели в зале, пока Миша собирал оборудование. Я листала список участников и пыталась найти человека, который мог бы помочь с титрами. На одном из кадров вместо афиши была видна половина чужой куртки. Я обвела фрагмент красным и показала ему.

— Это можно переснять, — сказала я.

— Можно.

— Ты не будешь спорить?

— Ты права. Там куртка закрывает название.

— Иногда ты слишком легко уступаешь.

— А иногда люди говорят по делу.

— И как понять, когда я говорю по делу?

— Послушать.

Он ответил так просто, что я не смогла превратить это в шутку. Я села на край сцены и опустила ноги на пол. Миша продолжал сворачивать провода, аккуратно складывая каждый отдельно. Я спросила, он всегда так делает или только когда за ним наблюдают.

— Всегда. Если бросить их кучей, в следующий раз будешь тратить время на распутывание.

— Звучит как жизненный принцип.

— Это просто кабели.

— Ты точно не любишь метафоры?

— Я не против метафор. Просто не всё обязано быть метафорой.

Я подумала о своей привычке превращать любую реплику в двойное дно. Может, если всё можно прочитать как вызов, никто не сможет застать тебя врасплох. Даже добрая фраза становится подозрительной, если долго искать, что за ней скрыто.

— Ты сам давно на «Чердаке»? — спросила я.

— С первого курса. Сначала просто приходил на концерты, потом помогал таскать аппаратуру. Однажды человека, который отвечал за звук, не было, и мне пришлось разбираться.

— И ты остался.

— Да.

— Почему?

Он закончил сматывать кабель и на секунду задумался.

— Здесь никто не требует, чтобы ты сразу знал, кем будешь после университета. Можно просто сделать что-то сегодня. Настроить микрофон. Записать выступление. Помочь человеку не бояться сцены.

— Это почти звучит как ответ для ролика.

— Тогда не используй. Я не давал разрешение.

— Поняла.

Он улыбнулся. Я не стала спрашивать, почему он сам так быстро понял, что меня нужно останавливать не силой, а прямыми словами. Может, потому что ему не нужно было выигрывать. Может, потому что он видел меня насквозь. Второй вариант я сразу отвергла: люди не видят друг друга насквозь, они просто иногда угадывают.

— Пойдём? — спросил он.

— Ты меня выгоняешь?

— Нет. Просто корпус скоро закроют.

Мы вышли вместе. У двери он придержал её, а я прошла первой. На лестнице пахло мокрой шерстью и старой краской. Внизу кто-то играл на гитаре, сбиваясь на одном и том же аккорде. Миша остановился послушать.

— Ты знаешь эту песню? — спросила я.

— Нет.

— А выглядишь так, будто сейчас скажешь, как её надо играть.

— Я думаю, ему просто неудобно держать медиатор.

Мы постояли ещё несколько секунд. Парень наконец сменил хват и попал в аккорд. Миша кивнул, будто тот услышал его совет.

Я вдруг поняла, что не тороплюсь уходить. Это не было ни свиданием, ни особенным моментом. Просто лестница, музыка, чужая куртка у меня на руке и человек рядом, который не спрашивал, почему я молчу.

Потом у меня завибрировал телефон. Я прочитала уведомление и убрала его, не открывая. Миша заметил, но не спросил кто написал. Я была благодарна ему за это и тут же разозлилась на себя за благодарность.

— До завтра? — спросил он.

— До завтра.

— Я пришлю черновик.

— Я посмотрю.

— Хорошо.

Мы разошлись у входа. Я направилась к остановке одна, но впервые за несколько дней не ощущала, будто меня оставили. Просто шла домой.

Я решила не решать.

Уже на улице я достала телефон и открыла нашу переписку. Миша прислал ещё одну ссылку — на исправленный звук. Я послушала прямо на ходу: теперь шум комнаты остался, но не перебивал голоса. У перекрёстка загорелся красный, и я остановилась, чтобы дослушать до конца. Незнакомая женщина рядом посмотрела на меня, когда я едва заметно качнула головой в такт. Я сделала вид, что просто проверяю сообщение.

«Стало лучше», — написала я.

«Согласен», — ответил он.

На зелёный я перешла улицу. Никакой особенной музыки вокруг не было, только шины по мокрому асфальту и чей-то звонок из магазина. Но я продолжала слышать в голове тот короткий звук сцены, который он записал. Он был похож на место, где можно начать говорить, даже если не знаешь, чем закончишь.

Я убрала телефон и пошла домой, не оборачиваясь на корпус.

Глава 3. На красной отметке

В пятницу утром мне приснилось, что «Чердак» уже закрыли.

Во сне всё выглядело до обидного буднично: на двери висел листок с напечатанным расписанием занятий, кто-то оставил у входа коробку с ненужными проводами, а на подоконнике стоял стакан с остывшим кофе. Никаких замков, охраны и драматической музыки. Просто помещение перестало быть нашим, потому что кто-то так решил, а мы не успели придумать убедительную причину возразить.

Я проснулась за минуту до будильника и долго смотрела на потолок. Потом, конечно, сказала себе, что сон ничего не значит. Это была разумная версия. Неразумная заключалась в том, что я уже мысленно проверяла список задач и пыталась понять, можно ли перенести фестиваль в актовый зал.

В университете меня ждала пара по медиапланированию. Преподавательница показывала примеры рекламных роликов, где люди радостно открывали банки с газировкой, будто всю жизнь мечтали именно об этом. Я записывала ключевые слова, хотя в голове крутилась цифра: шесть недель. Столько оставалось до фестиваля. На полях тетради я нарисовала маленький прямоугольник и написала внутри «Чердак». Потом обвела его. Потом ещё раз. На третьем круге бумага порвалась.

— Ты сейчас уничтожишь тетрадь, — прошептала Аня.

Она села рядом за минуту до начала пары, ещё запыхавшаяся после лестницы. От неё пахло холодным воздухом и мятной жвачкой. На стол она положила две булочки, одну из которых без слов придвинула ко мне.

— Я ничего не уничтожаю.

— Ты протёрла ручкой лист.

— Он был неудачный.

— Лера, это лист. У него нет судьбы.

Я отломила кусочек булочки. Есть не хотелось, но спорить с выпечкой было труднее, чем с людьми.

— Сегодня надо решить, кто будет снимать короткие ролики, — сказала я. — И кто их согласует. И где взять нормальный свет. И как объяснить людям, что им не придётся изображать счастливую семью из рекламы газировки.

— Ты могла бы просто сказать: «Приходите, мы вас не заставим изображать счастливую семью из рекламы газировки».

— Это не звучит как приглашение.

— А как звучит?

— Как предупреждение.

— Вот видишь, ты уже придумала слоган.

Я повернулась к окну. На стекле дрожал мутный прямоугольник отражённого света. За окном люди перебегали двор, подняв воротники, и каждый выглядел так, словно опаздывал в более важное место, чем университетская пара. Мне хотелось быть одним из них: пройти мимо, не открывать таблицу, не думать о помещении и о том, как легко его отдать тем, кто умеет составлять документы без помарок.

Телефон тихо завибрировал. Сообщение от Миши: «Сегодня в шесть будем писать звук. Возьмёшь черновик вопросов?»

Я напечатала: «Возьму». Добавила: «Если микрофон опять будет шипеть, я обвиню его в личной неприязни». Перечитала и стёрла вторую фразу. Потом вернула. Потом отправила только первое слово.

— Ты ему отвечаешь так, будто каждое сообщение будет зачитано на заседании, — заметила Аня.

— Лучше, чем если его зачитают при свидетелях.

— У вас уже есть свидетели?

— У нас есть микрофон. Это хуже.

Она улыбнулась и не стала продолжать. Иногда Аня делала вид, что принимает мои шутки за полноценный ответ. Это было удобно. Я могла спрятаться в них и не объяснять, почему короткое сообщение от Миши теперь занимало место в голове, где обычно лежали совсем другие вещи: дедлайны, список покупок, Кириллово имя, которое я старалась не произносить вслух.

После пары мы встретились с Мариной Сергеевной в библиотеке. Там пахло пылью, бумагой и отоплением, которое включили слишком рано. Она пришла с папкой, в которой лежали распечатки, и с выражением лица, обычно предшествовавшим просьбе о дополнительной работе.

— У нас есть новости по бюджету, — сказала она.

— Хорошие? — спросила Аня.

— Они не плохие.

— Это не ответ, — сказала я.

Марина Сергеевна сняла очки, протёрла их краем шарфа и снова надела.

— Деньги на аренду сцены и часть оборудования могут подтвердить только после предварительной оценки активности. Им нужны не обещания, а цифры. Посещаемость прошлых событий, заявки участников, охваты публикаций. Сейчас у нас есть только список выступающих и примерный план.

— А срок? — спросила я.

— Понедельник.

Я посмотрела на Аню. Она не закатила глаза, не произнесла ничего драматичного и не стала спрашивать, почему нельзя было сказать об этом раньше. Она просто открыла заметки в телефоне.

— Значит, до понедельника собираем подтверждения, — сказала она. — Сколько минимум заявок?

— Десять на выступления и около пятидесяти предварительных регистраций гостей. Не билетов. Просто регистраций, чтобы показать интерес.

— А сколько у нас сейчас? — спросила я.

Марина Сергеевна помолчала.

— Четыре выступающих и семнадцать человек, которые нажали «интересно» на странице старого сообщества.

— Это не регистрация, — сказала я.

— Я знаю.

Мне захотелось спросить, кто вообще решил, что семь дней достаточно, чтобы из почти пустого пространства сделать событие с цифрами. Но ответ ничего бы не изменил. Я переложила ручку с одной стороны стола на другую.

— Можно собрать опрос, — сказала я. — Не обещание прийти, а короткую форму: что люди хотят увидеть, в какое время удобно, готовы ли выступить. Если правильно сформулировать, это можно показать как интерес.

— Это уже не будет просто цифра из старой страницы, — сказала Аня. — И звучит честнее.

— Главное — не написать «мы проводим фестиваль, потому что иначе нас выселят», — заметила я.

— А почему нет? — спросила Марина Сергеевна.

Я подняла глаза.

— Потому что это звучит так, будто мы просим пожалеть помещение.

— Мы просим людей им воспользоваться, — ответила она. — Это не одно и то же.

Она сказала это спокойно, без нажима. Мне не понравилось, что фраза была хорошей. Хорошие фразы труднее отвергнуть.

Я открыла ноутбук и создала новую форму. Вопросы располагались один под другим, аккуратно и без прилагательных. «Какой формат вам интересен?» «Пришли бы вы на мероприятие в пятницу вечером?» «Хотите ли вы принять участие?» Последний пункт я набрала, посмотрела на него и стёрла.

— Почему убрала? — спросила Аня.

— Слишком общее. Человек не поймёт, что именно мы от него хотим.

— Тогда спроси конкретно.

Я добавила варианты: выступить, помочь с организацией, предложить идею, прийти зрителем. В строке «предложить идею» остановилась. Идеи люди любили предлагать. Потом они уходили, а воплощать всё приходилось тем, кто не успел отказаться.

— Не надо собирать обещания, — сказала Марина Сергеевна, будто прочитала мои мысли. — Собирай ответы. Если человек захочет помочь, мы поговорим отдельно.

Я кивнула. Это было разумно. Я записала в таблицу: «опрос, без обязательств». Несколько раз подчеркнула последние слова.

Пока мы работали, в библиотеке успели смениться две группы студентов. Кто-то смеялся у окна, кто-то шуршал пакетиком, кто-то тихо ругался на ноутбук. Звуки складывались в ровный фон, на котором можно было сосредоточиться. Я успела набросать короткий текст для страницы, убрать из него три восклицательных знака и заменить «незабываемый вечер» на «вечер с выступлениями, музыкой и открытым микрофоном». На последнем варианте Аня сказала, что он звучит как объявление в лифте.

— Зато честное, — ответила я.

— Честное и скучное могут быть одновременно.

— Это не отменяет честность.

— Не отменяет. Просто человеку может захотеться закрыть страницу, прежде чем он дойдёт до честной части.

Я снова перечитала текст. Он действительно был похож на объявление о собрании собственников. В конце добавила: «Если вы хотя бы раз задерживались здесь после занятий, расскажите, почему». Потом убрала. Потом добавила снова.

— Вот это хорошо, — сказала Аня. — Тут есть человек.

— Тут есть вопрос.

— Одно другому не мешает.

Я не ответила. В последний год я привыкла считать, что личное в работе мешает: стоит показать, что тебе что-то важно, как кто-нибудь обязательно берёт эту важность и поворачивает против тебя. Возможно, это было несправедливо к людям. Но у меня уже имелся опыт, который казался убедительнее любых рассуждений.

В пять пятьдесят я закрыла ноутбук и направилась к старому корпусу. За окном библиотеки начался дождь. Не сильный, но неприятный: мелкий, косой, такой, который не кажется дождём, пока не обнаружишь мокрые рукава. На лестнице я встретила двух первокурсников с картонной коробкой. Они пытались удержать её вместе и одновременно открыть тяжёлую дверь. Я придержала дверь локтем.

— Спасибо, — сказал один.

— Не за что.

— Вы из «Чердака»? — спросила девушка.

Я посмотрела на коробку. На боку кто-то написал маркером «микрофонная стойка», хотя стойки внутри, судя по звуку, не было.

— Иногда.

— Мы видели объявление про фестиваль. Там можно выступить?

— Можно. Что вы делаете?

Девушка помялась и взглянула на своего друга.

— Мы хотели читать короткие тексты. Но если для этого нужна запись или отбор, то мы не обязательно…

— Отбора не будет. Вы приходите, показываете, что хотите прочитать, а дальше решаем, сколько времени есть в программе. Никто не будет оценивать, достаточно ли у вас хорошее стихотворение.

Сказав это, я почувствовала, как внутри поднимается знакомая резкость, будто я отвечала не этим двоим, а кому-то другому, кто давно не стоял передо мной. Девушка подняла голову. Её друг чуть заметно выдохнул.

— А заявку где оставить? — спросил он.

— Сейчас скину ссылку. Там пока просто интерес. Ничего не обещаете.

— Хорошо.

Они ушли по лестнице, а я задержалась у двери. «Не обещаете». Я сказала это им, но слова почему-то зацепились за меня. За последние пару недель я несколько раз соглашалась на то, чего не хотела, только потому, что не сумела вовремя остановить разговор. Потом злилась на людей, хотя вслух обычно говорила, что всё нормально. Иногда я хотела, чтобы они сами догадались. Когда не догадывались, считала это доказательством, что им всё равно.

В «Чердаке» свет был включён только в коридоре. Из аппаратной доносился шум, похожий на далёкий поезд. Миша сидел на полу рядом с раскрытой коробкой кабелей и разбирал её содержимое. На этот раз я заметила, что у него на запястье осталась тонкая чёрная полоска от изоленты.

— Ты опять устроил раскопки? — спросила я.

— Здесь копать не надо. Всё лежит на виду.

— Это и есть самое тревожное.

Он поднял голову и посмотрел на меня. Я ждала улыбки, но он только отодвинул коробку ногой, освобождая проход.

— Список вопросов есть?

Я положила ноутбук на стол и достала листы.

— Есть. И ещё форма для потенциальных участников. Мы выяснили, что к понедельнику нужны цифры, а не старое «интересно» на странице.

— Сколько нужно?

— Десять выступающих и пятьдесят регистраций.

— Сколько есть?

— Четыре и семнадцать сомнительных кликов.

— Нормально.

— Ты сейчас специально сказал «нормально», чтобы я не начала паниковать?

— Нет. Я сказал «нормально», потому что у нас есть люди, которым можно написать, и ещё несколько, которые хотели выступить, но не знали, что можно.

— Это не то же самое, что пятьдесят регистраций.

— Я знаю.

— И ты не думаешь, что срок идиотский?

— Думаю. Но он от этого не изменится.

Я посмотрела на него. В его голосе не было бодрости и не было раздражения. Просто констатация. Я ненавидела, когда человек не подхватывал моё возмущение. Если он спорил, я

могла отвечать. Если соглашался, но ничего не менял, тоже. А если принимал факт и переходил к делу, мне приходилось самой решать, что делать с энергией, которую я уже приготовила для ссоры.

— Ты всегда так разговариваешь? — спросила я.

— Как?

— Как будто тебе не хочется ни победить, ни уступить.

Он внимательно посмотрел на меня, затем перевёл взгляд на кабель.

— Иногда хочется и того и другого. Но обычно это не помогает подключить микрофон.

— А людям?

— Смотря что нужно людям.

Мне хотелось сказать, что ответ уклончивый. Я не сказала. Вместо этого подвинула ему распечатки.

— Сначала запишем вопросы, потом проверим звук. А ещё надо снять короткий ролик с пустым залом, пока сюда не пришёл кто-нибудь с идеей переставить все стулья.

— Стулья тоже можно снять.

— Мы не будем превращать рекламный ролик в документальный фильм о мебели.

— Жаль. У стульев много историй.

Я посмотрела на него, ожидая, что он продолжит шутку или хотя бы начнёт спорить. Но Миша уже включил ноутбук.

— С чего начнём? — спросил он.

— С людей. Если собирать только пустой зал, он будет выглядеть как пустой зал.

— Значит, нужны люди.

— Ты умеешь следить за мыслью.

— Стараюсь не отставать.

В аппаратную вошёл парень с длинными волосами и футляром от скрипки. Он поздоровался с Мишей, бросил на меня осторожный взгляд и положил футляр на стул.

— Это Лера, она отвечает за сценарии, — сказал Миша.

— Я не отвечаю за всё, что происходит вокруг сценария, — сказала я.

— Это она отвечает за сценарии, — повторил Миша, не меняя тона.

Парень усмехнулся.

— Даня. Я могу помочь с музыкой, если надо. Только я не очень хочу в кадр.

— Не обязательно, — сказала я. — Нам сейчас нужны люди, которые не против, чтобы их голос попал в запись. Лица можно не снимать.

— А если я скажу что-нибудь не то?

— Тогда мы вырежем. Или переспросим. Никакой записи без твоего согласия не выложим.

Даня посмотрел на Мишу, словно проверяя, действительно ли это так. Миша кивнул.

— Мы пришлём каждому черновик, — сказал он. — Можно будет попросить убрать свой кусок.

— Даже если он хороший? — спросил я.

— Особенно если он хороший, — ответил Миша. — Хороший материал не даёт нам права оставить чужое «нет» без внимания.

Я повернулась к нему. Он произнёс это так буднично, что я не сразу нашла, к чему придраться.

— Записала, — сказала я. — Можно эту фразу в титры?

— Нет.

— Вот видишь, у тебя уже есть граница.

— Она была и раньше.

— Просто ты её не показывал?

— Я не обязан превращать каждую в презентацию.

Он сказал это без колкости. Я почувствовала, как у меня на языке появляется ответ и тут же застревает. Даня открыл футляр, достал скрипку и стал проверять струны. Его первый звук вышел слишком высоким, почти жалобным. Я вздрогнула.

— Вот это можно оставить, — сказала я.

— Для ролика? — спросил Даня.

— Для момента, когда человек понимает, что пришёл не туда.

— Тогда я могу сыграть ещё хуже.

— Не надо. У нас уже есть звукорежиссёр.

Миша поднял голову.

— Я это слышу.

— На то и расчёт.

На следующем часу в «Чердак» пришла Ника. Она принесла два листа, скреплённые согнутой скрепкой. На этот раз не дрожала, но держала бумаги обеими руками, будто они могли улететь. Я подвинула ей стул. Миша снял наушники и оставил на столе свободное место.

— Я думала, — сказала Ника, — что можно сделать часть фестиваля с короткими выступлениями, не только песни. Чтобы люди, которые не играют, тоже могли выйти.

— Это и есть открытый микрофон, — сказала я.

Она покраснела.

— Я знаю. Просто я не видела, чтобы тут так делали.

— Можно сделать отдельный блок на десять минут. По три минуты каждому. Без предварительного отбора. Только записаться заранее, чтобы мы понимали, сколько людей.

— А если кто-то не успеет договорить?

— Тогда я буду тем неприятным человеком, который поднимет карточку с цифрой три.

Ника улыбнулась.

— Это нормально.

— Нет, я всё равно буду неприятным.

— Тогда пусть Миша поднимает.

— Миша — звук. Он не должен одновременно управлять временем.

— Можно взять кухонный таймер, — предложил Миша. — Такой красный, который звонит. Его будет слышно даже без микрофона.

— Ты хочешь устроить литературное чтение с таймером для яиц? — спросила я.

— Это может стать частью стиля.

— Я подумаю. Но если он прозвенит на сильном месте, я обвиню тебя.

— Договорились.

Ника положила свой лист передо мной. Она прочитала текст целиком, без спешки, но несколько раз остановилась на запятых. Он был короткий и неловкий, написанный о дороге от общежития до корпуса, о мокрых кроссовках и том, как человек боится опоздать в новое место. Я слушала, не перебивая. Когда она закончила, Миша спросил, хочет ли она услышать запись. Ника кивнула.

Он включил микрофон, а я отодвинула стул, чтобы встать за камерой и не смотреть на неё слишком прямо. На первом дубле она сбилась. На втором дочитала до конца, но забыла последнюю строку. На третьем сказала всё, а потом сразу попросила стереть запись.

— Хочешь сначала послушать? — спросил Миша.

— Я знаю, как звучит мой голос.

— Может быть, в записи он звучит иначе.

— Я не хочу.

Он кивнул и удалил файл при ней.

У меня внутри всё привычно дёрнулось: сейчас Ника передумает, Миша скажет, что запись была хорошая, я начну убеждать её не бросать, а она согласится только потому, что мы оба на неё смотрим. Но никто не стал этого делать. Ника убрала лист в папку, несколько секунд смотрела на пустое место перед собой, а потом спросила, можно ли ей просто помочь с афишами.

— Конечно, — сказала я. — Если хочешь.

Она кивнула, будто это «если хочешь» было важнее, чем сам ответ. Когда она вышла, я долго смотрела на окно программы, где оставалось пустое место удалённого файла.

— Ты мог бы сказать, что ей нужно хотя бы дать себе шанс, — произнесла я.

— Мог бы.

— Почему не сказал?

— Потому что она попросила удалить запись.

— Она могла передумать из-за страха.

— Могла. Но это всё равно её запись.

Я закрыла блокнот.

— Иногда людям нужно, чтобы кто-то настоял.

— Иногда. Ты хочешь, чтобы я настоял?

Вопрос прозвучал так спокойно, что я не сразу поняла, о чём он. Он мог спросить о Нике, о себе, обо мне. Я почувствовала, как момент раскрылся, и тут же попыталась его закрыть.

— Я хочу, чтобы ты проверил микрофон.

Миша посмотрел на аппаратуру.

— Он работает.

— Тогда проверь ещё раз.

— Лера.

— Что?

— Если хочешь спросить о чём-то, можешь спросить.

Я улыбнулась. Получилось резко.

— А если я не хочу?

— Тогда не спрашивай.

— И ты не будешь выяснять?

— Нет.

— Даже если будет очевидно, что я хочу?

— Особенно если будет очевидно только тебе.

Я замерла. Несколько секунд в комнате слышалось только жужжание вентиляции. Потом я открыла ноутбук и сделала вид, что ищу файл.

— Ненавижу, когда люди говорят что-то разумное в неподходящий момент.

— Могу перенести на подходящий.

— Поздно.

— Хорошо.

Он не стал улыбаться, не стал спрашивать, что именно поздно. Я не знала, радоваться этому или злиться. Кажется, я выбрала оба варианта.

Мы записали три коротких фрагмента: пустая сцена, руки Дани на струнах, Ника у окна — только силуэт, потому что она разрешила снять её со спины, но не лицо. Для ролика не хватало одной реплики. Я хотела поставить в конце приглашение вроде «Здесь есть место каждому», но слова казались слишком большими для комнаты с покосившейся дверью и вечной проблемой с отоплением.

— Может, не надо обещать всем место, — сказал Миша, когда я показала ему черновик. — У нас сцена маленькая.

— Аудитория тоже маленькая.

— Тогда можно сказать именно это.

— «У нас маленькая сцена и маленькая аудитория»?

— Нет. Что-то вроде: «Приходи посмотреть, что здесь происходит».

— Это звучит так, будто мы сами не знаем.

— Мы и правда пока не знаем.

Я хотела возразить, но фраза мне понравилась. Она не притворялась, что фестиваль станет событием года. Не обещала, что человеку понравится всё. Она просто оставляла дверь открытой.

— «Приходи посмотреть, что здесь происходит», — повторила я. — И дата.

— И время.

— Время ещё не утверждено.

— Тогда без времени.

— Люди любят знать, куда и когда приходить.

— Тогда дождёмся времени.

— Тебе нравится оставлять незакрытые вопросы?

— Нет. Но я не умею закрывать их раньше, чем появляется ответ.

Я записала фразу в таблицу, хотя собиралась только сказать её вслух. Получилось, что Миша снова оставил мне что-то, что я могла взять или не брать. Никакого нажима. Никакой попытки сделать вид, что он знает лучше. Я могла сказать нет, но всё чаще не хотела.

К семи часам мы отправили форму в три студенческих чата и на страницу «Чердака». Аня попросила не ставить в тексте восклицательные знаки, и я не поставила ни одного. Даня скинул знакомым музыкантам сообщение о фестивале. Ника попросила подержать телефон, пока она фотографировала афиши на стене. Получилось одиннадцать ответов за первые двадцать минут.

— Уже одиннадцать, — сказала я.

— Значит, завтра будет больше, — ответила Аня.

— Или не будет.

— И это тоже можно пережить.

— Не уверена.

Она накрыла ладонью мой блокнот, не давая мне поставить ещё одну галочку.

— Не превращай цифру в обещание.

Я посмотрела на её пальцы. Она держала блокнот легко, и всё же не убирала руку, пока я не перестала тянуться к ручке.

— Я не обещаю, что не буду переживать.

— Я и не прошу.

В тот вечер, когда мы расходились, Миша вышел вместе со мной до остановки. Дождь прекратился, но асфальт остался мокрым. Из-за облаков показалась полоска светлого неба — такая узкая, что её можно было принять за отблеск витрины.

— Ты часто остаёшься после занятий? — спросила я.

— Да.

— Потому что тебе нравится «Чердак»?

— Потому что там есть чем заняться.

— Это не ответ.

— Это мой ответ.

Я переступила через лужу.

— Ты никогда не говоришь, что тебе нравится.

— Говорю.

— Когда?

— Когда мне нравится.

— Очень информативно.

— Ты спрашиваешь так, будто заранее решила, что ответ будет плохой.

Я остановилась. На другой стороне улицы автобус медленно подъехал к остановке. В его окнах отражались фары, лица и дождливые деревья.

— А ты отвечаешь так, будто я обязана тебе поверить.

— Не обязана.

— Тогда зачем отвечать?

— Потому что ты спросила.

Я отвернулась к автобусу. Он остановился, двери открылись и выпустили нескольких человек. Мне не нужно было садиться на этот, но я шагнула к нему, чтобы прекратить разговор. Миша не остановил меня.

— Увидимся завтра, — сказал он.

— Если микрофон не обидится на меня окончательно.

— Он уже привык.

Я поднялась в автобус и только там заметила, что улыбаюсь. Это было неудобно: улыбка не объясняла ничего, зато делала невозможным убедить себя, что мне всё равно.

На следующий день форма собрала тридцать два ответа. Двадцать семь человек отметили, что пришли бы на фестиваль. Пятеро выбрали «может быть», и я долго смотрела именно на них, будто эти пять человек могли лично отменить помещение.

Я распечатала результаты и принесла их Марине Сергеевне. Она сказала, что для предварительной оценки этого достаточно, но попросила приложить ссылки на публикации и список тех, кто готов выступать. Я отдала ей страницу с именами, предварительно дважды проверив, что Ника не указана в графе «выступающие».

— Она пока помогает с афишами, — сказала я.

— Хорошо, что ты уточнила.

— Я не хочу, чтобы мы случайно записали человека в программу, а потом объясняли, что он не может отказаться.

Марина Сергеевна посмотрела на меня поверх очков.

— Ты очень внимательно следишь за тем, чтобы никто ничего не обещал.

— Люди обещают, а потом выясняется, что им было неудобно отказываться.

— А ты сама?

— Что я?

— Ты обещаешь только то, что хочешь делать?

Я перевернула лист с результатами формы. На обороте проступали цифры.

— Я учусь.

— Это полезное занятие.

— Оно слишком долгое.

Она не улыбнулась, но уголок губ у неё дрогнул.

— Тогда продолжай без спешки.

Мне не понравилось, что она говорила со мной так, будто это не очередной организационный разговор, а что-то личное. Я сложила бумаги в папку и спросила, когда подтвердят зал. Марина Сергеевна сказала, что даст знать после встречи с деканом. Это было всё, что она могла обещать.

Вечером мы с Мишей собирали черновой ролик в маленькой комнате рядом с аппаратной. Там помещался стол, два стула и старый принтер, который печатал только если по нему постучать сбоку. Миша принёс ноутбук и наушники. Я села у стены, поджав одну ногу под себя, и открыла текст.

— У нас есть тридцать секунд, — сказала я. — Если сделать дольше, никто не досмотрит.

— А если короче, не успеем показать людей.

— Люди могут появиться быстро.

— Мы не показываем товар.

— Я не говорила, что товар.

— Ты сказала «люди могут появиться быстро».

— Это монтажный термин.

— Не самый ласковый.

— Ты хочешь, чтобы у каждого в ролике был отдельный портрет, музыкальная подложка и подпись с именем?

— Я хочу, чтобы они не выглядели случайными кадрами между афишей и дверью.

— Тогда надо снять ещё. У нас сейчас один человек со скрипкой, одна девушка со спины и пустая сцена.

— Есть Аня.

— Аня не любит сниматься.

— Она может рассказать про открытый микрофон без лица.

— Спросим.

— А если она откажется?

— Тогда не будем снимать.

Я закрыла документ и повернулась к нему.

— Ты всегда так легко принимаешь «нет»?

— Не всегда легко. Но принимаю.

— И не пытаешься выяснить, почему?

— Если человек хочет рассказать, расскажет.

— Это очень удобно для человека, который хочет ничего не знать.

Миша снял наушники.

— Я не сказал, что мне всё равно. Я сказал, что не буду вытягивать объяснение, которого мне не дали.

— Иногда людям надо помочь произнести его.

— Тогда пусть они попросят помочь.

— А если не умеют просить?

— Тогда можно предложить. Один раз. Не делать вид, что ты лучше знаешь, что им нужно.

Я отвернулась к экрану. В верхнем углу мигал курсор. Мне захотелось спросить, кто научил его таким формулировкам. Потом я поняла, что мне не нужен ответ. Я хотела, чтобы он сказал что-нибудь неловкое, чтобы можно было снова вернуть разговор в привычное русло.

— Ты бы мог быть не таким правильным, — сказала я.

— Я не правильный.

— Тогда что?

— Уставший.

— От чего?

— От того, что люди объясняют чужие границы за них.

Он вернулся к монтажу. Я посмотрела на свои руки. На пальце осталось чернильное пятно от ручки. Я потёрла его ногтем, но оно только размазалось.

— Я не всегда объясняю, — сказала я.

— Знаю.

— Откуда?

— Ты слушала Нику.

Это было всё. Не «ты хорошая», не «ты замечательная», не пустая похвала, которую надо было бы либо принять, либо отшутить. Просто факт. Я не знала, что с ним делать, поэтому сказала:

— А ты слушал, как она читала.

— Это тоже часть работы.

— У тебя всё часть работы?

— Нет. Но так проще отвечать.

Мы продолжили монтаж. Ролик начинался с двери: она открывалась медленно, словно сама сомневалась, пускать ли зрителя. Потом шёл короткий кадр сцены, скрипка, стулья, снятые со спины люди. В конце оставалось пустое место под дату, которой у нас всё ещё не было.

Я несколько раз переставляла кадры. Миша не мешал, но каждый раз спрашивал, что именно я хочу изменить. Иногда это раздражало сильнее, чем спор. Если бы он сказал: «Ты опять передумала», можно было бы доказать, что он не прав. Вместо этого он ждал, пока я сама назову причину.

— Здесь слишком много пустого зала, — сказала я.

— Это твоя идея.

— Идеи могут устаревать.

— Тогда заменим.

— Ты не хочешь спросить почему?

— Хочу. Но ты всё равно скажешь.

— Не обязательно.

— Тогда не скажешь.

Я уставилась на экран. В финале пустой зал выглядел не пустым, а оставленным. Чего-то не хватало, и я не могла понять, чего именно. Я уже открыла папку, чтобы убрать кадр, когда Миша спросил:

— Там кого-то не хватает?

— Может быть.

— Кого?

— Не знаю.

— Тогда оставь. Иногда отсутствие тоже видно.

— Не всё, что видно, нужно показывать.

— Согласен.

Я снова посмотрела на него. В этом ответе не было ни любопытства, ни попытки вытащить из меня подробности. Он просто согласился с самой фразой, не присваивая её.

— Ты вообще умеешь не отвечать? — спросила я.

— Умею.

— Продемонстрируй.

Он молча повернулся к экрану.

Я подождала секунд пять.

— Это была плохая демонстрация.

— Почему?

— Потому что ты специально молчишь.

— Ты попросила.

— Я просила показать, а не выполнять буквально.

— В следующий раз уточни условия.

Я взяла бумажный стакан с кофе, сделала глоток и поморщилась. Напиток оказался холодным и горьким. Миша заметил, но не спросил, нравится ли мне. Он просто подвинул к себе кружку, чтобы освободить место для мыши.

— Это мой кофе, — сказала я.

— Я знаю.

— Ты собирался его забрать?

— Нет.

— Тогда зачем двигаешь?

— Он стоял на коврике.

— Ты мог сказать.

— Мог.

— Но решил действовать молча.

— Решил не пролить.

— А если я хотела пролить?

— Тогда ты бы пролила.

Я не удержалась и рассмеялась. Смех получился короткий, почти случайный. Миша взглянул на меня, но не стал делать из этого событие. Он лишь продолжил работать, будто я не выдала ничего важного.

К девяти мы собрали версию на двадцать семь секунд. Она была неровной, без привычной музыки и без того эффекта, после которого хочется сразу переслать ролик всем знакомым. Но в ней слышалось, как кто-то проходит по коридору, как Ника переворачивает лист, как Даня настраивает струну и как в аппаратной щёлкает выключатель.

— Не похоже на рекламу, — сказала я.

— Хорошо.

— Ты хочешь сказать, что реклама плохая?

— Я хочу сказать, что мы не рекламируем кофе.

— А что мы рекламируем?

— Место, куда можно прийти и не знать заранее, что ты там будешь делать.

Я посмотрела на экран. Это было точнее, чем мой текст. Возможно, слишком точное. Точность иногда ранила сильнее неудачной шутки.

— Запиши, — сказала я.

— Куда?

— В отдельный файл. Чтобы я потом могла поспорить.

Он создал заметку и назвал её «Фразы, которые Лера оспорит». Я наклонилась к ноутбуку.

— Удали.

— Это техническое название.

— Поменяй на «слоган». Так хотя бы не звучит, будто у тебя на меня досье.

— У меня нет досье.

— Пока.

Он переименовал файл. Я не заметила, как улыбнулась, пока не увидела своё отражение в тёмном участке экрана.

Перед уходом мы отправили черновик Ане и Марине Сергеевне. Миша написал, что это предварительная версия, и попросил не пересылать. Я добавила: «Комментарии приветствуются. Удаление собственных кадров тоже». Потом перечитала сообщение и решила, что оно звучит слишком официально.

— Нормально, — сказал Миша.

— Ты не обязан соглашаться со всем, что я пишу.

— Я и не соглашаюсь со всем.

— Но с этим согласен?

— Да.

Я отправила.

У входа в корпус мы столкнулись с Кириллом. Он стоял у автомата с кофе, держа телефон в одной руке и пластиковый стакан в другой. На нём была та же светлая куртка, в которой он обычно ходил, даже когда на улице было холоднее, чем следовало. Он увидел меня, улыбнулся так, будто мы расстались вчера и всё между нами оставалось простым.

— Лер. Давно не виделись.

Я остановилась. Миша тоже замедлил шаг, но не приблизился и не ушёл.

— Мы виделись на прошлой неделе.

— Я имел в виду нормально.

— А это было ненормально?

Кирилл посмотрел на Мишу.

— Вы вместе?

— Мы работаем над фестивалем, — сказала я.

— Ясно. Ты всё ещё в «Чердаке»?

— Да.

— Слышал, его могут закрыть.

— Поэтому мы и делаем фестиваль.

— Тебе всегда надо кого-то спасать?

— Я не спасаю. Я помогаю организовать мероприятие.

Он улыбнулся, но улыбка быстро стала натянутой.

— Не злись. Я же просто спросил.

Вот она, знакомая развилка. Можно было сказать «я не злюсь» и позволить ему самому определить, что со мной происходит. Можно было спросить, почему он решил, что это его дело. Можно было уйти. Я выбрала последнее.

— Мне пора.

— Мы можем как-нибудь поговорить?

— Мы уже разговариваем.

— Ты поняла, о чём я.

— Поняла. Нет.

Он несколько секунд смотрел на меня. Потом отвёл глаза и сделал глоток кофе.

— Всё ещё вампирюга, — произнёс он тихо. — Любой разговор превращаешь в допрос.

Миша не двинулся с места. Не ответил за меня, не шагнул вперёд. Я почувствовала, как внутри поднимается старое тепло — не приятное, а похожее на жар от слишком близкой плиты.

— А ты всё ещё думаешь, что называя меня смешным словом, можно отменить то, что ты сказал, — ответила я.

Кирилл пожал плечами.

— Я не хотел ссориться.

— Тогда не начинай.

Он поставил стакан на край автомата.

— Ладно. Удачи с фестивалем.

— Спасибо.

Мы пошли дальше. Миша шёл рядом, не спрашивая. На лестнице я опередила его на несколько ступеней. Мне хотелось услышать, что Кирилл был неправ, что я всё сделала правильно, что не должна была так переживать. Хотелось, чтобы кто-нибудь сказал это без просьбы. И одновременно хотелось, чтобы никто не замечал, как я держу пальцы вцепившимися в ремень сумки.

На улице Миша остановился у двери.

— Тебе нужно, чтобы я что-нибудь сказал? — спросил он.

Я посмотрела на него.

— Например?

— Могу спросить, хочешь ли ты поговорить. Могу не спрашивать. Могу просто пойти до остановки.

— Ты всегда предлагаешь меню?

— Когда не знаю, что человеку нужно.

— А если я сама не знаю?

— Тогда можно не выбирать прямо сейчас.

Я хотела ответить что-нибудь колкое, но слова не сложились.

— Просто иди до остановки, — сказала я.

— Хорошо.

Мы пошли. По дороге он рассказал, что в аппаратной снова перегорела лампа. Я слушала, не очень понимая, почему он говорит о лампе именно сейчас. Возможно, он давал мне возможность не говорить о Кирилле. Возможно, он просто думал о лампе. Оба варианта были одинаково вероятны, и мне стало спокойнее от того, что я не обязана угадывать.

У остановки приехал мой автобус. Я поднялась, обернулась и увидела, что Миша поднял руку — не прощаясь театрально, просто отмечая, что заметил мой взгляд.

Я села у окна. Через стекло я видела, как он достал телефон, прочитал сообщение и убрал его обратно. Он не проверял, смотрю ли я. Не ждал, что я обернусь ещё раз. Когда автобус тронулся, я подумала, что, возможно, именно это и было самым странным: рядом с ним мне не приходилось всё время доказывать, что я уже ухожу.

Дома я открыла чат с Аней и написала: «Кирилл опять назвал меня вампирюгой».

Она ответила быстро: «Хочешь, чтобы я сказала, что он идиот, или чтобы просто посидела рядом?»

Я смотрела на экран, пока буквы не начали расплываться.

«Просто посиди завтра», — написала я.

Аня прислала сердечко, не добавив ни слова.

Я не стала его удалять.

Глава 4. Не репетируй ссору

В воскресенье я пришла на «Чердак» с новой версией текста, двумя пакетами печенья и твёрдым намерением вести себя как человек, которого нельзя задеть одним словом.

Печенье было для всех. Нам предстояло провести первую общую репетицию: собрать выступающих, записать несколько фрагментов, проверить расписание и решить, кто возьмёт на себя афиши. Я купила его по дороге, потому что решила, что люди лучше разговаривают, когда у них заняты руки. Это была не теория, а наблюдение, сделанное на большом количестве скучных встреч.

Миша уже сидел в аппаратной и раскладывал микрофонные стойки. На столе стояли два бумажных стакана. Один был пустой, второй накрыт крышкой.

— Это мне? — спросила я.

— Если ты хочешь кофе.

— А если не хочу?

— Тогда он останется кофе.

Я подняла крышку. В стакане был чёрный кофе без сахара.

— Ты откуда знаешь, как я пью?

— В прошлый раз ты сказала, что без сахара.

— Я могла пошутить.

— Могла.

— И ты всё равно купил?

— Да.

— Это рискованно.

— Там есть вода.

Я сделала глоток. Кофе был слишком горячим, но вкус правильный. Я поставила стакан на стол, чтобы не выдать, что мне приятно.

— Я тебе потом переведу деньги.

— Не надо.

— Я не люблю быть должна.

— Тогда купишь мне кофе в следующий раз.

— Это ещё хуже. Теперь у нас есть следующий раз.

— У нас в расписании есть встреча завтра.

— Значит, это не следующий раз, а рабочий процесс.

— Как скажешь.

В коридоре заговорили голоса. Аня появилась первой, за ней Даня и Ника. Двое первокурсников с коробкой микрофонной стойки тоже пришли — теперь я знала, что их зовут Саша и Илья. Они принесли бумажный пакет с самодельными значками, на которых криво, но старательно было написано «Чердак». Один значок я сразу приколола к сумке.

— Это не официальный мерч, — предупредил Саша.

— Тем более.

— Ты не обязана его носить.

— Я знаю.

Он посмотрел на меня так, будто в этом «знаю» было что-то важное. Я поняла, что снова сказала привычную фразу, которую сама хотела услышать, и спрятала её за улыбкой.

Аня открыла печенье. Даня сел на подоконник и достал скрипку. Ника устроилась у двери, оставив между собой и остальными свободный стул. Я решила не пересаживать её и не предлагать место. Она выбрала его сама.

Мы начали с расписания. У каждого выступающего было по пять минут, но Саша хотел показать короткий ролик, а Ника — почитать текст. Дане нужно было настроить инструмент перед выступлением. Аня собиралась вести открытый микрофон, если мы найдём ещё ведущего. Я записывала всё в таблицу.

— А кто будет встречать людей у входа? — спросила Марина Сергеевна, заглянув в комнату.

— Мы распределим после того, как будет понятен список, — ответила я.

— Уже пятьдесят четыре регистрации.

— Настоящие? — спросила я.

— Люди оставили имена и почту.

— Это ещё не значит, что они придут.

— Нет. Но это значит, что они заинтересовались.

Я внесла число в таблицу и выделила ячейку зелёным. Потом, не подумав, обвела её красным.

— Зачем красным? — спросила Аня.

— Чтобы не забыть, что это предварительная цифра.

— Ты обвела зелёную ячейку красным, чтобы не забыть, что она предварительная?

— Да.

— Логично.

— Не начинай.

— Я только уточнила.

— Уточнение уже прозвучало как начало.

Миша, стоявший у двери, посмотрел на нас.

— Если вы закончили спорить о цвете, у нас готов звук.

— Мы не спорили, — сказала я.

— Вы спорили о том, спорите ли вы.

— Это отдельная дисциплина.

— Тогда я не буду мешать.

Он не улыбнулся, хотя мог. Аня хмыкнула, и разговор рассыпался сам собой. Я почувствовала лёгкое разочарование: обычно после удачной реплики кто-нибудь обязательно отвечал. На этот раз не ответил никто.

Первым мы записали Даню. Он сыграл короткий кусок, который хотел использовать в начале выступления. Миша попросил его повторить, потому что микрофон поймал шум пальцев по струнам. Даня переспросил, надо ли убрать шум полностью. Я сказала, что без него будет стерильно, и Миша кивнул. Они обсуждали звук несколько минут, но не повышали голос. Я сидела за столом и отмечала, какие кадры можно снять.

Потом выступали Саша и Илья. Они сделали короткую сценку о том, как двое людей пытаются договориться, кто первым признается, что забыл зарядить телефон. В середине один из них начал смеяться и сбился. Я решила, что эту часть нужно вырезать.

— Нет, — сказал Миша.

— Почему?

— Там всё становится живым.

— Там никто не говорит.

— Они смеются.

— Смех не заменяет реплику.

— Иногда заменяет.

Саша повернулся к нам.

— Мне оставить смех или лучше переснять?

— Оставим оба варианта, — ответила я. — Потом выберем.

— Хорошо.

Миша ничего не сказал. Он не победил в споре и не стал торжествовать. Просто положил обе версии в папку.

Ника не захотела записываться, но попросила дать ей карточки с цифрами для открытого микрофона. Я нашла красный кухонный таймер в шкафчике и проверила, не сломался ли он. Он действительно звонил — громко и безжалостно.

— Он звучит как требование немедленно покинуть помещение, — сказала Аня.

— Зато никто не пропустит сигнал.

— Может, просто поднять карточку?

— Люди могут увлечься и не заметить.

— Тогда ведущий напомнит.

— И будет выглядеть как человек, который перебивает.

— Он и так будет перебивать, если время закончится.

— Таймер хотя бы не выглядит виноватым.

— Ты хочешь защитить ведущего от чувства вины кухонным таймером?

— Я хочу, чтобы он не был единственным виноватым.

Аня взяла таймер и крутанула его в руках.

— Иногда я думаю, что ты собираешь вещи, чтобы потом не пришлось доверять людям.

Я протянула руку за таймером.

— А иногда я думаю, что ты задаёшь вопросы, чтобы потом не отвечать на мои.

— Может быть.

Она отдала таймер. В её голосе не было обиды. Это было хуже: мне нечего было отбивать.

Встреча продолжалась. Ника познакомилась с первокурсниками, Даня предложил сыграть вместе с ними, Аня согласилась вести часть программы. У нас начали появляться решения — не идеальные, зато настоящие. Я заметила, что перестала ставить галочки. Вместо этого записывала имена рядом с задачами. Так было страшнее: список переставал быть набором строк и становился людьми, которым нужно было ответить.

После репетиции я отправила всем короткое сообщение: «Спасибо. Завтра пришлю черновик расписания. Проверяйте, пожалуйста, свои имена и время выступления. Если хотите что-то поменять, напишите прямо мне». Последнюю фразу я добавила, чтобы не получить вопросы в общем чате. Мне казалось, что так будет меньше шума.

Через минуту Ника подошла ко мне с листом.

— Я увидела себя в черновике программы.

— Ты согласилась помогать с афишами.

— Там написано «чтение — Ника».

Я открыла ноутбук. В таблице действительно было её имя — я перенесла туда список заявок и перепутала две строки. Ника заметила ошибку раньше, чем я сама.

— Прости. Сейчас удалю.

— Я не знаю, хочу ли читать. Я же говорила.

— Знаю. Я просто ошиблась.

— Но если бы я не заметила, вы бы поставили меня в программу?

— Нет. Я бы проверила список перед отправкой.

— А если бы не проверила?

Я ничего не ответила сразу. Можно было сказать, что такого не случилось бы. Можно было объяснить, что я устала. Можно было перевести всё в шутку, чтобы Ника почувствовала себя неловко за серьёзность. Я уже собиралась выбрать одно из этих решений, когда заметила, что Миша смотрит на меня из аппаратной. Он не вмешивался.

— Ты права, — сказала я. — Если бы ты не заметила, это была бы моя ошибка. Я уберу имя сейчас и перед отправкой проверю документ с тобой.

Ника кивнула.

— Спасибо.

— И прости.

— Ладно.

Она отошла к Ане, а я исправила таблицу. Внутри всё ещё хотелось настаивать, что я не собиралась её заставлять. Но намерение не отменяло результата. Это было неприятное открытие, поэтому я решила не задерживаться в нём.

Миша подошёл, когда я закрыла файл.

— Ты могла бы сказать, что это случайность.

— Это случайность.

— Но ты не сказала.

— Я могла ошибиться случайно и всё равно испортить ей вечер.

— Да.

— Не надо говорить «да» так, будто ты меня проверяешь.

— Я не проверяю.

— Тогда зачем ты здесь?

Он посмотрел на меня, немного нахмурившись.

— Мы работаем над фестивалем.

— Я понимаю. Я спросила не про работу.

— А я ответил про работу.

— Удобно.

— Иногда.

Я прищурилась. Вот она, возможность. Можно было прицепиться к этому «иногда», спросить, почему он прячется за рабочими задачами, вывести его на эмоцию. Я уже знала, какие слова сработают. На языке появилось: «Ты всегда такой бесстрастный, потому что тебе всё равно?»

Миша ждал. Не выглядел так, будто боится, что я скажу. Не отвёл глаза. И не бросился спасать разговор.

— Ты сейчас хочешь, чтобы я отреагировал? — спросил он.

— Я хочу понять, что ты думаешь.

— Это не одно и то же.

— А ты опять всё разделяешь.

— Иногда важно разделять.

— Иначе можно случайно сказать что-нибудь честное?

— Можно случайно сказать то, за что потом придётся извиняться.

— Ты боишься меня обидеть?

— Я не хочу обижать тебя специально.

— А случайно?

— Это случается.

— И что тогда?

— Тогда надо извиниться и исправить, если можно.

Я усмехнулась.

— Скучная стратегия.

— Зато работает лучше, чем делать вид, что ты не хотел.

Я отвернулась. Он не сказал ничего ужасного. Не выдал тайну, не принял меня за кого-то другого, не попытался разобрать по костям. Но его ответ задел то место, которое я обычно прикрывала шутками.

— Ты думаешь, я делаю всё специально? — спросила я.

— Иногда.

— Прекрасно.

— Я не сказал, что это всегда плохо.

— А когда хорошо?

— Когда ты точно знаешь, чего добиваешься.

— А когда не знаю?

— Тогда стоит остановиться.

— А если я не умею?

— Можно научиться.

Он произнёс это спокойно, без высокомерия. Мне захотелось наказать его за эту спокойную надежду. Я повернулась к нему и улыбнулась самой неприятной улыбкой, какую смогла изобразить.

— Ты правда думаешь, что меня можно научить?

— Нет.

Я моргнула.

— Нет?

— Я думаю, что ты можешь научиться сама, если захочешь.

— А ты не собираешься помочь?

— Могу помочь, если попросишь.

— А если не попрошу?

— Тогда нет.

— Ты всё время оставляешь решение мне.

— А кому ещё его оставить?

Я почувствовала, что сейчас начну спорить не потому, что он неправ, а потому, что он не сделал того, чего я ожидала. Он не раздражался, не отмахивался, не уходил. И не пытался удержать меня мягкими словами. Оставлял слишком много пространства, в котором я должна была сама понимать, чего хочу.

— Надоело, — сказала я.

— Что именно?

— Вот это. Разговоры по пунктам. Твои вечные «если попросишь», «если захочешь», «если тебе удобно». Ты как будто не со мной разговариваешь, а заполняешь форму согласия.

Миша не ответил сразу. Он положил кабель на стол и выпрямился.

— Ты хочешь, чтобы я перестал спрашивать?

— Я хочу, чтобы ты перестал быть таким…

— Каким?

— Нормальным.

Он чуть приподнял брови.

— Это претензия?

— Пока да.

— Тогда я выслушаю.

Я ждала, что он добавит что-нибудь колкое. Может быть, скажет, что я сама не знаю, чего хочу. Это было бы справедливо и всё равно задело бы. Вместо этого он просто выслушивал. Я ещё раз почувствовала, как поднимается раздражение, и сказала:

— Ты ничего не скажешь?

— Ты не закончила.

— А если закончила?

— Тогда могу спросить, что тебе нужно.

— У тебя есть желание спорить со мной?

— Нет.

— Вообще?

— Не сейчас.

— А потом?

— Посмотрим.

— Ты невыносим.

— Такое уже говорили.

— И что ты делал?

— Обычно уходил. Если человек действительно хотел, чтобы я ушёл.

— А если он не хотел?

— Тогда ему стоило сказать это прямо.

Я хмыкнула. Мне захотелось сказать, что я никогда не говорю прямо. Но это было бы ложью. Иногда я говорила прямо. Просто обычно только после того, как всё испортила.

Аня вернулась с листами для афиш и остановилась в дверях.

— Мне выйти?

— Нет, — сказала я слишком быстро.

— Хорошо. Я только принесла распечатки.

Она положила стопку на стол. Я заметила, что Миша не стал объяснять ей, что произошло. Аня не стала спрашивать. Они оба оставили мне возможность самой решить, продолжать ли разговор.

Это было невыносимо.

— Я не хотела ссориться, — сказала я.

Миша кивнул.

— Я поняла.

Я обернулась.

— Ты поняла? Я вообще-то говорила с ним.

— Я слышала. Но ты сказала это так, будто хотела, чтобы он начал.

— Я не просила тебя переводить.

— Я и не перевожу. Я говорю, что услышала.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Аня открыла распечатки и разложила их по столу. На афише было тёмно-красное пятно, похожее на размазанную каплю краски. Внизу аккуратно стояло название фестиваля, которое мы пока не решили окончательно. Я взяла верхний лист.

— Это красиво, — сказала я.

— Но слишком похоже на концерт группы, которая играет только в подвалах, — заметила Аня.

— Мы и играем в подвале.

— Мы не в подвале.

— У нас даже окна нет в аппаратной.

— Но сцена наверху.

— Тогда это концерт группы, которая играет на чердаке.

— Название уже есть. «Открытая дверь». Это не подвал и не чердак.

Я посмотрела на афишу внимательнее. «Открытая дверь» звучало не как фестиваль и не как обещание, скорее как приглашение зайти. Я подумала о том, что каждый раз, когда поднималась по старой лестнице, сначала слышала музыку и только потом видела людей. Место существовало раньше, чем я решала, хочу ли оставаться.

— Оставим, — сказала я.

Аня улыбнулась.

— Я знала, что ты согласишься.

— Не привыкай.

Миша вернулся к аппаратуре. Резкость в комнате спала, хотя разговор не был закончен. Я собиралась уйти, когда в коридоре громко хлопнула дверь. Кто-то из студентов произнёс моё имя.

Кирилл стоял у входа в комнату с телефоном в руке. Он поздоровался с Мариной Сергеевной и сказал, что хотел передать старые фотографии «Чердака». Мы уже обсуждали это накануне, но ссылки так и не было.

— Я принёс архив, — сказал он. — Там есть афиши прошлых лет. Можно использовать для ролика.

— Отправь Марине Сергеевне, — ответила я.

— Я хотел показать тебе.

— Я посмотрю, если она решит, что это нужно.

— Ты можешь хотя бы не разговаривать со мной так, будто я пришёл просить прощения?

— А ты можешь не приходить с архивом только затем, чтобы начать разговор, который я уже закончила?

Он посмотрел на меня, потом на Мишу.

— Я пришёл с фотографиями.

— Тогда отправь фотографии.

— Ты всегда находишь повод разозлиться.

— А ты всегда говоришь, что я злюсь, когда я не соглашаюсь с тобой.

Я произнесла это без улыбки и без желания сделать фразу красивой. Кирилл помолчал, потом переслал ссылку Марине Сергеевне.

— Готово.

— Спасибо.

Он кивнул и вышел. Никаких громких слов не было. Я всё равно чувствовала напряжение в плечах, но больше не пыталась объяснить ему, почему отказ — это не приглашение продолжать.

Когда он ушёл, в комнате ещё несколько секунд сохранялось его присутствие. Даже звук вентиляции казался тише. Я сложила афиши в стопку, стараясь не смотреть на людей.

— Он не прислал фотографии, — сказала Марина Сергеевна.

— Прислал, — ответила я. — Наверное, позже.

— Если не пришлёт, мы справимся без них.

— Да.

Она вернулась в свою комнату. Аня продолжила сортировать распечатки. Миша проверял уровни звука. Ни один из них не спросил, всё ли со мной в порядке. Я была благодарна и недовольна одновременно.

Через двадцать минут я всё-таки ушла. Дождь снова начался, и остановка была почти пустой. Я встала под козырёк и заметила на рукаве маленькое пятно от краски. Красное, не больше точки. Я потерла его большим пальцем, хотя знала, что оно не сотрётся.

Телефон завибрировал. Кирилл отправил ссылку и написал: «Не хотел снова задеть. Просто не знаю, как с тобой говорить». Я прочитала сообщение и не ответила. Мне хотелось написать: «Начни с того, чтобы не объяснять мне меня». Вместо этого я закрыла чат.

В тот же момент пришло сообщение от Миши: «Ты забрала свой блокнот». Я посмотрела на сумку. Блокнот был внутри. Потом увидела второе сообщение: «Он лежал на столе. Я не хотел, чтобы ты возвращалась за ним». Я набрала: «Спасибо». Добавила: «Я и без блокнота могла бы вернуться». Стерла вторую фразу.

«Спасибо», — отправила я.

Он ответил: «Пожалуйста».

В понедельник я проснулась с ощущением, что весь день уже начался без меня. Никаких пар не было, но я открыла ноутбук сразу после завтрака и проверила таблицу. Результаты

формы выросли до семидесяти двух регистраций. Я обрадовалась на секунду, затем нашла пять человек, которые оставили одинаковые фамилии и похожие адреса почты, и стала проверять, не накрутили ли мы цифры.

Аня позвонила в половине одиннадцатого.

— Ты уже проверяешь, кто из людей фальшивый?

— Я проверяю, нет ли дублей.

— Это почти то же самое, только звучит официальнее.

— Там несколько одинаковых фамилий.

— Может, семья.

— Семья на фестивале?

— Бывает.

— Я не уверена.

— Ты можешь быть не уверена и всё равно оставить цифру.

— Если цифра неправильная, нас поймают.

— Кто нас поймает?

— Люди, которые смотрят на цифры.

— Ты сейчас говоришь о Марине Сергеевне или о страшном жюри, которое живёт у тебя в голове?

— Оба варианта.

— Я зайду через час. Не удаляй ничего до этого.

— Я не собиралась удалять.

— Ты уже навела курсор на кнопку.

Я посмотрела на экран. Курсор действительно стоял над «удалить дубликаты».

— Это не значит, что я собиралась нажать.

— Знаю. Открой дверь через час.

Она отключилась, не дожидаясь ответа.

Мы разобрали регистрации. Три пары действительно были однокурсниками с одинаковой фамилией, а одна запись — дубль. Получилось шестьдесят восемь человек. Я внесла число в таблицу и не стала обводить его красным.

— Видишь? — сказала Аня. — Не умерли.

— Пока.

— Ты очень романтичная.

— Я практичная.

— Романтика практичности. Запишу.

Перед тем как выйти из дома, я открыла общий календарь. Во вторник у нас стояла встреча в шесть: сначала проверить звук, потом записать ещё два коротких фрагмента. Я передвинула её на пять пятнадцать и убрала проверку звука — решила, что Миша сам увидит обновление. Если ему будет неудобно, пусть скажет. Если разозлится, я хотя бы буду знать, что моя выходка до него дошла.

Я понимала, что это плохой способ проверить человека. Всё равно оставила изменение. Потом закрыла календарь и занялась другими делами, словно не ждала уведомления.

Вечером я поехала в «Чердак» проверить черновую программу. Там уже был Миша. Он заменил лампу и сидел на сцене, держа в руках маленький пульт. Когда я вошла, он посмотрел на часы.

— Ты обещала прийти после шести.

— Сейчас шесть ноль две.

— Я не сказал, что ты опоздала.

— Но подумал?

— Подумал, что ты пришла.

— Это не ответ.

— Это факт.

Я положила сумку на стул. Он протянул мне распечатку с новой версией расписания. В ней было меньше выступлений, чем в прошлой. Ника оставалась только в команде оформления, Даня играл два номера, Саша и Илья показывали сценку, Аня вела открытый микрофон.

Вечером Миша протянул мне распечатку с новой версией расписания. Я прочитала верхнюю часть и увидела, что он вернул звуковую проверку на место.

— Ты поменяла завтрашнюю встречу, — сказал он.

— Я поправила время.

— Ты передвинула её на сорок пять минут и убрала звук.

— Мы не успевали.

— Ты хотела меня разозлить?

Я подняла взгляд. В комнате звучал чей-то голос из соседнего зала, потом скрипнул стул. Мне захотелось сказать, что это обычное изменение, что я и правда думала о времени, что он всё принимает слишком близко. Вместо этого я призналась:

— Хотела посмотреть, отреагируешь ли ты.

— То есть расписание стало проверкой?

— Да.

— Ты могла спросить, раздражает ли меня что-то.

— Могла.

— И спросить, удобно ли мне новое время.

— Тоже могла.

— Почему не спросила?

Я провела пальцем по сгибу распечатки.

— Потому что тогда ты мог бы просто ответить. А я хотела увидеть, что ты чувствуешь, не спрашивая.

Миша чуть отодвинулся от стола.

— Я могу сказать тебе, если злюсь. Но не хочу, чтобы ты устраивала ситуацию, в которой я должен доказывать это.

— Я понимаю.

— Ты понимаешь сейчас или уже понимала утром?

— Сейчас.

Он кивнул. Не простил меня за меня, не стал говорить, что всё пустяк. Это было справедливо.

— Я верну время, — сказала я. — И напишу в чат, что передвинула его без согласования.

— Хорошо.

— Ты всё равно придёшь завтра?

— Если мы оставим встречу на шесть — да.

— Тогда на шесть.

Я открыла календарь и поправила время. Потом отправила в общий чат короткое сообщение с извинением и объяснением, что проверка звука остаётся в плане. Миша не смотрел, что именно я пишу. Он ждал, пока я закончу.

— Готово, — сказала я.

— Спасибо.

— Не за что. Это я должна была сделать сначала.

Он снова придвинул распечатку ко мне.

— Ты убрал Нику из чтения, — сказала я.

— Она попросила.

— Я знаю. Просто проверяю.

— Тогда проверка пройдена.

Я взяла лист и прочитала его целиком. Каждое имя стояло на своём месте, но внизу было пустое время на двадцать минут.

— Почему здесь окно?

— Чтобы можно было задержаться, если понадобится.

— Мы не можем оставить двадцать минут пустыми.

— Можем.

— Это выглядит как ошибка.

— Тогда добавим туда перерыв.

— Кто будет объявлять перерыв на фестивале, где все и так могут просто выйти?

— Можно включить музыку, чтобы не было тишины.

— У нас музыкальная программа не готова.

— Даня согласился играть тихий фон.

Я посмотрела на расписание. В пустом промежутке Миша уже написал «переход и настройка». Это было практично. Я всё равно нашла, к чему придраться.

— А если всё пойдёт не по плану?

— Тогда изменим план.

— А если изменять будет некому?

— Тогда изменит тот, кто заметит проблему.

— Это не распределение ответственности.

— Это реальность.

Я сложила лист пополам.

— Я не хочу, чтобы всё держалось на том, кто заметит проблему.

— Тогда давай распределим, кто за что отвечает.

— Я не хочу отвечать за всё.

— Я и не предлагаю.

— Но ты всё время ждёшь, что я сама решу, что делать.

— Ты говоришь, что не хочешь, чтобы я решал за тебя.

— Это не значит, что я хочу, чтобы ты стоял рядом и смотрел.

— Я не стою и не смотрю. Я предлагаю распределить задачи.

— Ты всё время предлагаешь. Никогда не говоришь, чего хочешь сам.

Он опустил пульт на сцену.

— Хочу, чтобы на фестивале был звук, который не режет уши. Хочу, чтобы люди не боялись выходить. Хочу, чтобы тебе не пришлось делать всё одной. Это мои желания. Что с ними делать — решим вместе.

Я открыла рот, но не сразу нашла ответ. Он не говорил это как признание, не ждал благодарности. Просто наконец произнёс, чего хотел, когда я попросила. Мне было бы легче, если бы он сказал это раньше. Ещё легче — если бы ничего не говорил.

— Ты мог сказать раньше, — выговорила я.

— Мог.

— Почему не сказал?

— Ты спрашивала, что я думаю. Я отвечал.

— Ты отвечал про работу.

— Это тоже часть меня.

— Не вся.

— Нет.

Я опустила глаза на лист. Между нами несколько раз проходил один и тот же разговор, только каждый раз мы подходили к нему с другой стороны.

— Мне не нравится, когда люди используют мою прямоту как доказательство, что я невыносимая, — сказала я.

Миша ничего не сказал. Он просто ждал, пока я продолжу.

— Я знаю, что иногда я давлю. Я могу задавать вопросы, на которые уже не хочу слышать ответ. Я могу шутить так, что человек думает, будто я не всерьёз. Но когда мне говорят «не делай мозг», «ты опять начинаешь», «с тобой невозможно», я потом уже не помню, с чего всё началось. Помню только, что я опять оказалась виновата.

— Это звучит тяжело.

— Не надо говорить так, будто я сейчас сижу у психолога.

— Я не буду.

— И не надо меня жалеть.

— Не жалею.

— Хорошо.

Я снова сложила лист пополам, потом расправила его. Бумага стала мягкой на сгибе.

— Кирилл часто так делал, — сказала я. — Сначала спрашивал, почему я так реагирую. Потом я пыталась объяснить, а он говорил, что я опять устраиваю допрос. Потом я начинала злиться, и это уже становилось доказательством. Что я именно такая. Иногда он говорил это при друзьях. Как будто это просто смешная наша привычка. «Наша вампирюга». Все смеялись. Я тоже.

— Почему? — спросил Миша.

— Потому что если засмеяться первой, меньше заметно, что тебе неприятно.

Он кивнул. Я почти пожалела, что рассказала. Он не стал говорить, что Кирилл неправ, не предложил список признаков токсичных отношений и не начал уверять, что я заслуживаю лучшего. Он просто оставил моим словам место.

— Я не хочу, чтобы ты думал, будто со мной надо ходить на цыпочках, — сказала я.

— Не думаю.

— Или будто я хрупкая.

— Не думаю.

— Или что теперь обязан всегда соглашаться, чтобы не расстроить меня.

— Я не собираюсь всегда соглашаться.

— Хорошо. Потому что это было бы ужасно.

— Я понимаю.

Я села на край сцены и опустила ноги. Внизу лежал моток кабеля, и я осторожно отодвинула его носком ботинка.

— Мне иногда хочется, чтобы ты разозлился, — сказала я.

— На тебя?

— Не знаю. На ситуацию. На меня. На что-нибудь. Чтобы я наконец поняла, что ты не просто терпишь, пока не устанешь.

— Я не терплю тебя.

— Пока.

— Если я устану, я скажу.

— Все так говорят.

— Не все.

— А потом уходят без предупреждения.

— Я не могу отвечать за всех, кто уходил.

— Я знаю.

— И не хочу, чтобы ты проверяла меня так, будто я обязан доказать, что не стану ими.

Я подняла голову. В его голосе появилась твёрдость. Не раздражение, не холод. Граница. Я почувствовала облегчение и тревогу одновременно.

— Ты злишься? — спросила я.

— Немного.

— Почему?

— Потому что ты несколько раз пытаешься заставить меня сказать, что я уйду или останусь, вместо того чтобы спросить, что я делаю сейчас.

— И что ты делаешь сейчас?

— Сижу с тобой в комнате и обсуждаю расписание.

— А кроме этого?

Он посмотрел на меня. Несколько секунд не отвечал.

— Мне с тобой интересно.

Я не ожидала, что это будет так просто. Я была готова к комплименту, к шутке, к осторожному уклонению. Но не к короткой фразе, в которой ничего не нужно было расшифровывать.

— Это всё? — спросила я.

— Пока да.

— Ты опять добавил «пока».

— Потому что не хочу обещать то, чего не знаю.

— А если мне хочется обещания?

— Тогда тебе придётся сказать, какого именно.

— Я не знаю.

— Тогда мы не будем его выдумывать.

Я усмехнулась.

— Ты ужасно портишь драматические моменты.

— Стараюсь.

— Почему?

— Потому что ты их и так умеешь делать.

Я спустилась со сцены и прошла мимо него к столу. Хотелось сказать, что он сам сейчас сказал что-то драматическое. Хотелось спросить, что именно ему во мне интересно. Хотелось, чтобы он повторил. Вместо этого я подняла распечатку и снова посмотрела на список задач.

— Давай распределим, — сказала я. — Я отвечаю за расписание и тексты. Ты — за звук и монтаж. Аня — за участников и посты. Ника — за оформление, только если она сама захочет. Даня — за музыкальную часть. Саша и Илья — за сценку и помощь на входе. Марина Сергеевна — за документы и связь с администрацией.

— А кто будет следить за временем? — спросил он.

— Я могу.

— Ты уже отвечаешь за расписание.

— Тогда Аня.

— Она ведёт открытый микрофон.

— Тогда ты.

— Я отвечаю за звук.

— Таймер.

— Ты вернулась к таймеру.

— Он не жалуется.

— Но звонит как пожарная тревога.

— Пусть это будет частью стиля.

Миша взял лист и записал «таймер — Саша». Саша, который до этого собирал стойку у двери, поднял голову.

— Я согласен. Только если мне не придётся самому выступать.

— Ты уже выступаешь, — сказала я.

— Я показываю сценку. Это другое.

— Тогда таймер — Илья.

— Я могу, — сказал Илья. — У меня громкий голос.

Мы рассмеялись, и на этот раз никто не пытался определить, кто смеётся громче.

Когда остальные ушли, я осталась убрать стаканы. Миша снимал с микрофонных стоек провода и складывал их в отдельную коробку. Я посмотрела на него и сказала:

— Я сегодня тебе весь мозг вынесла.

— Нет.

— Не надо утешать. Это было заметно.

— Ты много говорила.

— Вот.

— Это не одно и то же.

— А если бы было?

Он положил кабель на стол и подошёл ко мне. Не слишком близко, но уже не через всю комнату.

— Ты хочешь, чтобы я сказал, что ты меня утомила?

— Я хочу, чтобы ты сказал что-нибудь настоящее.

— Я уже сказал.

— Например?

— Что мне с тобой интересно.

Я хотела отшутиться. Получилось только вдохнуть.

— Я не знаю, что с этим делать.

— Можно пока ничего.

— Ты всегда оставляешь такое место?

— Какое?

— Между «ничего» и «давай решим прямо сейчас».

— Иногда там есть пространство.

Я отвернулась к стаканам. Руки занялись делом быстрее, чем голова. Я поставила один стакан в стопку, второй рядом, третий положила на бок.

— Ты опять хочешь уйти? — спросил он.

— Я убираю.

— Я вижу.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Потому что ты обычно начинаешь шутить, когда хочешь уйти.

Я остановилась. Это было неприятно точно. Я развернулась к нему и, не успев подумать, сказала:

— Ты тоже иногда делаешь мне мозг.

— Чем?

— Тем, что не споришь. Не уходишь. Не объясняешь мне, какая я. Стоишь тут и ждёшь, пока я сама разберусь, что хотела сказать.

— Я не делаю тебе мозг. Я просто не хочу повторять за другими.

— А если я этого жду?

— Тогда скажи.

— Я не умею.

— Можешь попробовать.

Я рассмеялась, но смех вышел коротким и дрогнул на конце.

— Вот видишь? Ты даже сейчас даёшь мне задание.

— Тогда без задания.

— И что дальше?

— Я могу тебя обнять, если ты хочешь.

Я посмотрела на него. Вопрос был простым, но в нём не было ловушки. Он не тянулся ко мне, не делал шаг, не решал за меня. Просто спрашивал.

— А если я не знаю?

— Тогда не буду.

— А если я сначала скажу нет, а потом передумаю?

— Скажешь.

— Ты выдержишь такое количество изменений?

— Я пережил перенос репетиции.

Я улыбнулась. Он улыбнулся в ответ, и в комнате стало легче дышать. Я шагнула к нему первой.

— Можно, — сказала я.

Он обнял меня осторожно, не сжимая слишком крепко. Одну руку положил мне между лопаток, вторую — на плечо. Я чувствовала через его футболку тепло и слышала, как где-то в коридоре щёлкнул выключатель. В первый миг я осталась напряжённой, как будто ждала, что сейчас последует просьба, объяснение или шутка, которую нужно правильно понять.

Ничего не последовало.

— Ты сейчас проверяешь, не сбежал ли я? — тихо спросил он.

— Возможно.

— Я здесь.

Я сглотнула.

— Не говори это так, будто я должна поверить.

— Тогда просто побудь здесь со мной.

Я закрыла глаза. Он не пытался меня успокоить и не сказал, что всё будет хорошо. Мне не нужно было отвечать. Я вдруг поняла, как сильно устала объяснять, что мои слова — не всегда нападение, а иногда просто слова, которые я не умею произносить иначе.

— Вот скажи, — пробормотала я ему в плечо. — Тебе вообще не надоело, что я всё время цепляюсь?

— Нет.

— Точно?

— Ты же мой вампирчик.

Он произнёс это с такой лёгкой улыбкой, что я сначала не поняла, шутит ли. Потом он тихо рассмеялся, и я почувствовала этот смех щекой. В его голосе не было насмешки, которой я привыкла ждать, когда слышала это слово. Он не превращал меня в проблему и не просил стать удобнее. Просто назвал так, словно это была наша маленькая шутка, в которой не было ничего страшного.

Я хотела сказать: «Не называй меня так». Хотела спросить, не собирается ли он сейчас сделать из этого прозвище на всю жизнь. Хотела защитить себя заранее. Но вместо этого уткнулась ему в плечо сильнее.

— Я вообще-то кусаюсь, — сказала я.

— Я заметил.

— И нервы делаю.

— Тоже заметил.

— И выношу мозг.

— Не весь.

Я отстранилась ровно настолько, чтобы посмотреть на него.

— Это было ужасно.

— Но ты улыбнулась.

— Не доказано.

— Тогда придётся провести дополнительные наблюдения.
— Ты сейчас предлагаешь мне ещё одну встречу?
— Я предлагаю проверить звук завтра.
— Это не свидание.
— Я не говорил, что свидание.
— Хорошо.
— Хорошо.
— Но если ты купишь мне кофе, я не буду его возвращать.
— Договорились.

Я снова уткнулась ему в плечо, прежде чем успела передумать. Миша не обнял крепче и не стал смеяться над тем, что я вернулась. Он просто остался рядом. Я чувствовала, как тает не какая-то часть меня, а привычная необходимость всё время держать оборону. Это было не громко и не навсегда. Просто несколько секунд, когда мне не нужно было придумывать следующую реплику.

Когда мы разомкнули руки, я сделала шаг назад и поправила рукав.
— Не рассказывай Ане, — сказала я.
— Про объятие?
— Про вампирчика.
— Это было только для тебя.
— Я не просила делать это секретом.
— Тогда не буду рассказывать, если ты не попросишь.
— Опять эти условия.
— Хорошо. Не расскажу.
— Спасибо.

Он кивнул. Я взяла сумку, засунула в боковой карман распечатку расписания и пошла к двери. На этот раз не потому, что хотела сбежать. По крайней мере, не только поэтому.

На лестнице мы встретили Марину Сергеевну. Она торопилась вниз с папкой и сказала, что есть новости: администрация согласилась пока оставить «Чердак» в расписании, если фестиваль состоится и соберёт заявленный минимум. Окончательное решение перенесли на месяц после мероприятия.

— Это хорошо? — спросила я.
— Это лучше, чем было утром, — ответила она.

Я почувствовала облегчение, но оно было не полным. Месяц после фестиваля оставался месяцем. Мы всё ещё должны были показать, что здесь происходит что-то важное для людей. Но теперь у нас было время не только спорить о цифрах, а сделать настоящее событие.

— Значит, работаем дальше, — сказал Миша.
— Значит, работаем дальше, — повторила я.

На улице было холоднее, чем казалось из окна. Я застегнула куртку и посмотрела на него.
— Ты правда не расскажешь Ане?
— Правда.
— Даже если она спросит?
— Скажу, что не буду рассказывать.
— Она поймёт.
— Хорошо.
— И не смей ещё раз говорить «вампирчик» при людях.
— Не буду.
— Даже если я сама начну делать мозг.
— Тогда тем более не буду.
— Что, боишься меня разозлить?

— Нет. Просто это должно быть нашим словом, если ты захочешь.

Я не ответила. Слово «нашим» зацепилось где-то под рёбрами. Он произнёс его так тихо и просто, будто не ожидал от меня никакого решения. Я могла принять его, могла не принять. Могла оставить на потом.

На остановке я повернулась к нему:

— Я не обещаю, что буду нормальной.

— Я не просил.

— Я могу опять начать спорить из-за пустяка.

— Можешь.

— И ты не будешь каждый раз гладить меня по голове?

— Не буду.

— Почему?

— Потому что ты не кот.

Я усмехнулась.

— А если попрошу?

— Тогда подумаю.

Подъехал автобус. Я поставила ногу на ступеньку и всё ещё не отпускала поручень.

— До завтра, Миша.

— До завтра, Лера.

Я зашла внутрь и встала у окна. Автобус тронулся. Миша остался на остановке, но не смотрел вслед долго. Он достал телефон, прочитал сообщение и спрятал его в карман. Я не почувствовала себя оставленной. Это было новое ощущение, и я не знала, что с ним делать.

Дома я открыла чат с Аней и набрала: «Он назвал меня вампирчиком».

Я не стала отправлять. Стерла сообщение и написала: «Администрация пока оставляет Чердак. У нас есть месяц после фестиваля».

Аня ответила: «Это хорошая новость».

Я посмотрела на экран, подождала, вдруг она задаст ещё вопрос. Она не задала. Я отложила телефон и впервые за весь день не стала проверять, появилось ли новое сообщение.

Перед сном открыла рабочую таблицу, нашла строку «личное», которую случайно создала вместо «логистика», и закрыла файл, не заполняя её.

На этот раз незаполненная строка не казалась ошибкой.

Глава 5. Чужие истории

Во вторник утром в общем чате было двадцать шесть сообщений, и я прочитала их все, хотя ничего там не происходило. Саша прислал фотографию таймера, который нашёл дома. На корпусе была трещина, зато кнопка звонила громче, чем у нашего. Даня написал, что сможет задержаться после занятий. Ника прислала новую версию афиши. Аня поставила сердечко под моим вчерашним извинением, а потом удалила его и заменила большим пальцем вверх.

Я не знала, что значил этот палец. Поддержка? «Принято»? «Не буду развивать тему»? Я открыла переписку, чтобы спросить, и закрыла её. Не всякое непонятное сообщение требовало расследования.

Миша написал отдельно: «Я буду в пять. Если тебе так удобно». Я ответила: «В пять удобно». Потом добавила: «Спасибо, что сказал прямо». Он поставил короткую реакцию, и я оставила чат в покое.

На паре мы с Аней сидели через ряд. Преподавательница рассказывала, как задавать вопросы в интервью, чтобы собеседник не отвечал только «да» или «нет». Я записала: «просить рассказать о конкретном случае», «не подсказывать ответ», «не заполнять паузу за человека». На последнем пункте обвела слово «паузу». Потом провела рядом вертикальную черту, будто хотела удержать его на месте.

— Ты решила устроить лекции преподавательнице? — написала Аня на полях моей тетради.

— Я просто записываю.

— Ты уже обвела четыре правила.

— Значит, они важные.

— Или ты собираешься применить их ко всем вокруг.

Я отодвинула тетрадь на пару сантиметров.

— Я не допрашиваю людей.

— Я не говорила, что допрашиваешь.

— Но подумала.

Аня посмотрела на меня, потом снова на доску.

— Я подумала, что ты сейчас злишься на мой вопрос. Я не сказала, что ты плохая.

В этом не было упрёка, и я всё равно услышала именно упрёк. Я прикусила щёку изнутри и заставила себя снова смотреть на доску. Преподавательница в этот момент объясняла, почему после личного вопроса нужно дать человеку время. У меня возникло желание спросить её, сколько именно времени считается достаточным и кто это измеряет.

После пары мы отправились в «Чердак». В комнате за сценой пахло пылью и горячим пластиком. Миша проверял рекордер, а Марина Сергеевна разложила на столе новые бланки. На каждом внизу мелким шрифтом было написано, что человек может отозвать своё согласие на публикацию записи.

— Мы не будем снимать всех подряд, — сказала я. — Только тех, кто сам захочет рассказать, почему приходит сюда.

— И если человек передумал уже после записи, удаляем, — добавил Миша.

— Да. Даже если ролик уже смонтирован.

— Даже тогда.

Я кивнула, но поймала себя на том, что смотрю на камеру так, словно она могла обвинить меня в предвзятости. На прошлой неделе Ника попросила удалить свой дубль, и я до сих пор помнила тёмный экран после того, как Миша нажал кнопку. Я не хотела, чтобы кто-то чувствовал себя обязанным продолжать только потому, что мы начали.

— Мы можем записать ответы без видео, — сказала я. — Только голос, а потом спросить, можно ли использовать фрагмент.

— Хорошо, — сказала Марина Сергеевна. — Но не надо обещать, что мы возьмём каждый ответ. Нужно будет выбрать короткие куски.

— Сначала всё послушаем. Потом спросим разрешение на конкретный фрагмент.

— Это займёт больше времени.

— Зато мы будем знать, что именно публикуем.

Миша взглянул на меня, но ничего не сказал. Я не могла понять, одобрил он или просто услышал. Раньше я бы спросила. Теперь промолчала — не из страха, а потому что мы и так оба знали, что делать дальше.

Первыми пришли двое студентов с факультета дизайна. Они попросили не снимать лица, но согласились на запись голосов. Один рассказал, что ходит на «Чердак», потому что здесь можно рисовать декорации, не объясняя, зачем они нужны. Второй сказал, что зашёл однажды переждать дождь, а потом помогал чинить лампу, которая до сих пор мигала.

— Вы хотите, чтобы мы называли вас по имени? — спросила я.

— Не обязательно.

— Тогда мы можем вообще не указывать имена.

— Да. Так лучше.

Я поставила отметку напротив «без имени», а Миша включил рекордер. Он сидел чуть в стороне от микрофона, чтобы люди не смотрели на него, отвечая. Когда первый студент замялся, я удержалась от следующего вопроса. Пауза растянулась, но он сам продолжил.

— Мне нравится, что тут никто не спрашивает, зачем я рисую ночью. Дома спрашивали. В группе спрашивали. Здесь просто говорят: если тебе нужен стол, он свободен.

Я опустила глаза на лист. Это было не то, что я ожидала услышать, но именно поэтому хотелось оставить ответ целиком.

— Можно будет использовать эту часть? — спросила я после записи. — Мы пришлём вам точный фрагмент. Решите потом.

— Да, пришлите.

Миша показал им, как звучит запись. Они послушали и ушли, оставив на столе пакет с маркерами. Я убрала пакет в ящик, чтобы никто не уронил его за батарею.

— Ты сегодня осторожная, — сказал Миша.

— Это замечание или вопрос?

— Наблюдение.

— Я решила не выдавать людям ответы заранее.

— Получается.

— Не говори так, будто я сдала экзамен.

— Не говорю.

— Ты часто отвечаешь одинаковыми фразами.

— А ты часто спрашиваешь, не экзамен ли это.

— Может, я хочу знать, как оценивать результат.

— А может, результата пока нет.

Я взяла лист с вопросами и сложила его пополам.

— Тебе легко сидеть и не знать.

— Нет. Я просто не всегда могу узнать быстрее.

Следующая собеседница пришла одна. Её звали Рита, она училась на третьем курсе и помогала в театральном кружке. На сцену выходить не хотела, но согласилась рассказать о «Чердаке». Она села напротив меня и положила сумку на колени, крепко сжав ручки.

— Мы можем просто поговорить, — сказала я. — Если потом что-то понравится, запишем отдельно.

— А если ничего не понравится?

— Тогда не запишем.

— Мне надо ответить красиво?

— Нет. Нам надо, чтобы это было ваше.

Она кивнула, но взгляд оставался настороженным.

Я начала с нейтрального вопроса о первом вечере, когда она пришла. Рита рассказала, что тогда опоздала на автобус и забрела в старый корпус, не помня, куда идти. За дверью услышала музыку. Она собиралась только посидеть у окна, но кто-то спросил, не хочет ли она чаю. Потом её попросили подержать фонарь, пока чинили стойку.

— Я не была знакома ни с кем, — сказала она. — Но мне не объясняли, что сначала надо заслужить право тут находиться. Просто дали кружку и попросили не светить в глаза.

Я записала эту фразу на полях. Миша поднял палец, показывая, что она прозвучала хорошо и стоит уточнить, можно ли оставить её в монтаже. Я не стала сразу спрашивать. Дала Рите закончить.

— А сейчас ты приходишь, потому что… — начала я.

Рита замолчала.

Я ждала. Секунда, две, три. Я заметила, как Миша опустил глаза к аппаратуре, не подталкивая её взглядом. Наконец Рита сама продолжила:

— Потому что иногда здесь можно ни с кем не разговаривать, и это не будет выглядеть странно.

Я убрала ручку со страницы.

— Спасибо. Это тоже можно записать, если ты захочешь.

— Можно.

Она согласилась на голос, но не на лицо. Мы переспросили, будет ли ей удобно, если её куртка попадёт в кадр. Она попросила снять только руки и кружку. Я предложила ей пересмотреть готовый отрывок, прежде чем мы решим, оставлять ли его. Она сказала «да» и чуть расслабила пальцы на ручках сумки.

Когда она ушла, Миша сказал:

— Ты не спросила, почему она не хочет показывать лицо.

— Потому что она не обязана объяснять.

— Верно.

— Ты так и будешь весь день отвечать «верно»?

— Если ты говоришь верно.

— А если нет?

— Тогда скажу.

— И как это будет звучать?

— Узнаешь.

Я усмехнулась. Это была первая лёгкая улыбка за день, и мне не пришлось её прятать.

После обеда мы разбирали ответы из формы. Несколько человек написали, что хотят прийти, но не уверены, подойдёт ли им формат. Один спросил, можно ли прийти одному. Другая уточнила, нужно ли покупать билет. Я предложила сделать отдельную публикацию: вход бесплатный, регистрация нужна только для примерного количества гостей, а никто не обязан участвовать в программе.

— Ты опять написала «никто не обязан», — заметила Аня.

— Потому что это важно.

— Да. Просто будь осторожна, чтобы текст не звучал как список причин отказаться.

Я перечитала пост. Он начинался словами «Не переживайте, вам не нужно…», а дальше шли три строки о том, чего делать не надо. Аня была права: мы так подробно снимали с людей обязательства, что забыли сказать, зачем им приходить.

— Тогда добавим: можно просто послушать музыку и посидеть, — сказала я.

— И посмотреть выставку, — добавила Ника. — Я сделаю несколько листов с фотографиями, если вы согласны.

— Ты хочешь выставлять свои фотографии? — спросила я.

— Не свои. Те, что уже лежат в архиве «Чердака». Если люди на них не против.

— Значит, сначала проверим согласие.

— Я могу найти исходные посты и спросить авторов.

— Хорошо. Но не обещай, что мы всё успеем.

— Не обещаю.

Мы разделили список. Я взяла публикации о фестивале, Аня — сообщения для чатов, Ника — старые снимки, а Миша остался монтировать запись. Впервые за долгое время я не стала проверять каждую мелочь, которую делали остальные. Когда мне хотелось исправить формулировку Ани, я дочитала её до конца. Когда Ника предложила поставить фотографии у входа, я спросила, как она это представляет. Она показала эскиз на телефоне, и он оказался лучше моего варианта.

Работа шла ровно, пока в комнату не вошла девушка с короткими светлыми волосами. Она принесла две распечатки и спросила, можно ли записаться на открытый микрофон.

— Конечно, — ответила я. — Как тебя зовут?

— Полина.

Я внесла её имя в таблицу и спросила, что она планирует читать.

— Пока не знаю. Может, рассказ.

— Сколько минут нужно?

— Не знаю.

— У нас по три минуты.

— Тогда, наверное, не получится.

Я почувствовала, что начинаю ускоряться. «Три минуты» было правилом, которое придумала я сама; его можно было изменить. Вместо этого я уже собиралась объяснить, почему формат не позволяет растянуть программу.

— Можно прочитать отрывок, — сказала Ника. — А если захочешь, потом поговорим о том, как уложить его в три минуты.

Полина посмотрела на неё.

— Я не хочу, чтобы мне говорили, что вырезать.

— Тогда можешь прочитать сколько успеешь, а мы не будем обещать, что получится весь текст, — ответила я. — Или выбрать другой день, когда у нас будет больше времени. Решать тебе.

— Я подумаю.

— Хорошо.

Она забрала распечатки и ушла, не записавшись. Я посмотрела на Нику.

— Ты могла сказать, что три минуты — это правило.

— Это правило можно менять.

— Не всегда.

— Тогда можно честно сказать, что не можем. Но она ещё даже не выбрала текст.

— Я знаю.

— Ты говоришь «я знаю», когда не хочешь продолжать?

— Иногда.

— А когда хочешь?

— Тоже.

Ника улыбнулась и вернулась к своему телефону.

Я поймала Мишин взгляд. Он стоял у двери, держа два стакана воды. Один поставил возле меня.

— Ты не обязана всё решать в ту же секунду, — сказал он.

— Я знаю.

— Ты сейчас не выглядишь так, будто знаешь.

— А как я выгляжу?

— Как человек, который пытается ответить до того, как закончили спрашивать.

Я сделала глоток воды. На улице гудел автобус, а в соседней комнате кто-то репетировал гаммы. Обычные звуки, без важного подтекста. Я могла просто принять замечание и идти дальше. Но меня задело, что он увидел то, что я сама старалась не замечать.

— Тебе не кажется, что ты начинаешь слишком много наблюдать за мной? — спросила я.

— Может быть.

— Это не должно быть твоей работой.

— Не должно.

— Тогда зачем?

Он помолчал.

— Потому что я рядом.

Я посмотрела на него. Он не улыбался и не пытался смягчить фразу. Мне захотелось сразу выяснить, что значит «рядом»: в комнате, в проекте, сегодня, пока ему интересно. Но я услышала собственный вопрос прежде, чем произнесла его.

— Ты сейчас хочешь спросить, как долго? — сказал он.

Я сжала стакан.

— Да.

— Я не знаю.

— Спасибо за честность.

— Ты хотела честный ответ.

— Хотела бы попроще.

— Я тоже.

Мы замолчали. Из соседней комнаты доносился один и тот же фрагмент гаммы. Кто-то ошибался на четвёртой ноте и начинал сначала.

— Можешь не отвечать, — сказала я.

— Я уже ответил.

— Я имею в виду на всё остальное.

— Хорошо.

Он не спросил, что именно я хотела сказать. Я не стала объяснять. Мы вернулись к работе.

К семи вечера у нас было четыре подходящих аудиозаписи, три разрешения на использование и две просьбы прислать фрагмент на повторное согласование. Один человек передумал после прослушивания. Мы удалили его запись вместе с временной копией из папки монтажа. Я нажала «очистить корзину» сама, чтобы не оставить файл лежать где-то на всякий случай.

— Ты могла бы оставить, пока не закончим, — сказал Миша.

— Он попросил удалить.

— Я знаю.

— Тогда зачем говоришь?

— Просто проверяю, что ты уверена.

— Уверена.

Он кивнул и ничего не добавил.

Когда все разошлись, я осталась дописать вопросы к двум следующим интервью. В таблице было пустое место для имени девушки, которая пока не решила, будет ли выступать. Я

убрала строку из программы, но оставила её контакт отдельно — только потому, что она сама попросила напомнить о сроке регистрации.

— Ты устала? — спросил Миша, собирая рекордер.

— Да.

— Хочешь закончить завтра?

— Нет.

Он посмотрел на меня, но не стал говорить, что я могу не геройствовать. Я была благодарна. Через несколько минут я всё-таки закрыла ноутбук.

— Ладно. Завтра.

— Завтра.

— Это не значит, что я испугалась таблицы.

— Я не думал, что ты испугалась таблицы.

— Ты мог бы хотя бы немного притвориться.

— В следующий раз.

— У тебя будет следующий раз.

— Будет.

На улице уже стемнело. Я шла рядом с ним до перекрёстка и думала о том, как много чужих историй мы сегодня услышали. Никто не рассказывал их так, как я бы написала в сценарии. Они не заканчивались точной фразой, не объясняли героя и не отвечали на все вопросы. Иногда человек просто хотел зайти переждать дождь. Иногда ему нужен был стол. Иногда — чтобы никто не спрашивал, почему он молчит.

Я привыкла искать в людях скрытый смысл. Вдруг смысл был не спрятан? Вдруг некоторые вещи были ровно тем, чем казались: просьбой о воде, плохой шуткой, усталостью, желанием остаться в комнате ещё на пять минут.

— Ты о чём думаешь? — спросил Миша.

Я могла сказать «ни о чём». Могла пошутить, что составляю список его привычек. Вместо этого сказала:

— О том, что я часто задаю вопросы, на которые уже придумала ответ.

— Это мешает тебе услышать другой?

— Иногда.

— Тогда можно в следующий раз оставить место.

— Ты снова говоришь как в методичке.

— Я могу попробовать сказать хуже.

— Не надо. У тебя уже есть талант.

Он улыбнулся. На перекрёстке мы разошлись в разные стороны. Я услышала, как он сказал: «Спокойной ночи». Не «до завтра», не «напиши, если что». Я ответила тем же и вдруг поняла, что мне не хочется переспрашивать, почему именно так.

В среду я принесла на «Чердак» новую версию вопросов. Первый пункт теперь звучал не «Почему вы сюда ходите?», а «Вспомните последний раз, когда вам здесь было хорошо». Я долго выбирала между «хорошо» и «спокойно» и в итоге оставила оба варианта, чтобы собеседник мог выбрать сам.

— Это уже не вопрос, а набор на выбор, — сказала Аня, заглянув через плечо.

— Людям проще, если есть за что зацепиться.

— А если им не подходит ни одно слово?

— Тогда они скажут своё.

— Ты правда веришь, что они скажут своё, если ты уже дала им варианты?

Я положила лист на стол.

— Ты сегодня решила быть моей преподавательницей?

— Нет. Просто я не хочу, чтобы ты превратила интервью в тест с правильным ответом.

— Я стараюсь сделать вопросы понятнее.

— Я знаю.

Она сказала это без снисхождения. Я подождала, не добавит ли она «но». Она не добавила.

— Можно спросить: «Что вы здесь делали в последний раз?» — предложила Ника. — Тогда человек сам решит, что было хорошим.

— А если он ничего не делал?

— Тогда расскажет про это.

— Например?

— Например, сидел.

— Сидеть неинтересно для ролика.

— Может быть, ему интересно.

Я посмотрела на Нику. Она уже не пряталась в дверном проёме, как в первые дни. Но говорила всё ещё тихо, словно не хотела проверять, сколько места ей позволят занять.

— Хорошо. Запишем так.

Я внесла новую формулировку и не стала доказывать, что моя тоже была неплохой. В этот момент в комнату вошла Марина Сергеевна с распечаткой официального письма. Она была в пальто, с мокрыми плечами и усталым лицом.

— Администрация подтвердила зал для даты фестиваля, — сказала она. — Но хотят видеть промежуточный отчёт через две недели. Количество участников, подтверждённые заявки и план продвижения.

— Мы уже собираем всё это, — сказала я.

— Да. Но цифры нужно подкрепить списком. И ещё они хотят понимать, кто отвечает за безопасность и вход.

— Это Саша и Илья, — сказала Аня.

— Они согласны помогать, но нужно назначить взрослого ответственного.

— Марина Сергеевна, вы? — спросила Ника.

— Скорее всего, но пока не подтверждаю. Я уточню.

Я сразу открыла таблицу.

— В промежуточном отчёте у нас сейчас семьдесят восемь регистраций, шесть выступающих и одиннадцать тех, кто отметил, что готов помочь. Из них трое не оставили фамилий.

— Не называй их участниками, пока не подтвердили, — сказала Марина Сергеевна.

— Я внесу как предварительные.

— И не обещай администрации количество гостей, которого у нас пока нет.

— Я знаю.

— Лера, — сказала Аня, — никто не обвиняет тебя заранее.

Я закрыла таблицу, но пальцы остались на клавиатуре.

— Я понимаю.

Марина Сергеевна посмотрела на меня.

— Тогда хорошо. Нам нужен отчёт, а не идеальная картина.

Когда она вышла, я снова открыла файл. В строке «план продвижения» стояли два ролика, три публикации и афиши. Всё выглядело достижимым, если никто не передумает, не заболеет и не столкнётся с проблемой. То есть не выглядело достижимым вообще.

— Ты сейчас добавишь в таблицу раздел «все способы, которыми люди могут нас подвести»? — спросила Аня.

— Не подвести. Просто риски.

— Ты можешь записать риск, не обвиняя человека заранее.

— Я не обвиняю.

— Я знаю.

Она повторила это тем же тоном, что и раньше. Я заметила, как легко могла бы превратить её спокойствие в доказательство, что она устала от меня и просто не говорит. Но Аня продолжила листать список ответов, не отдаляясь и не замолкая демонстративно.

— У нас интервью в пять, — сказала я. — Давай подготовим место.

Первым пришёл студент по имени Павел. Он учился на инженера, но играл в маленькой группе на клавишах. Он был готов говорить только о музыке. Я спросила, что ему нравится в «Чердаке», и он сказал: «Здесь не спрашивают, почему я играю, если на факультете всё равно есть практика». Я хотела уточнить, кто именно спрашивает, но остановилась. Записала ответ целиком и потом спросила, хочет ли он оставить эту фразу.

— Можно. Только не называйте кафедру.

— Не будем.

— И не показывайте преподавателя, если он вдруг там окажется.

— Не покажем.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Миша посмотрел на меня через камеру. Я поняла, что ответила слишком быстро и могла звучать неубедительно.

— Мы покажем тебе готовый кусок, — сказала я. — Если там будет что-то, что тебе не подходит, уберём.

Павел подумал и кивнул.

— Ладно.

После записи он попросил прослушать фрагмент. Пока мы включали файл, он стоял рядом с Мишей и смотрел на экран. Его слова прозвучали чуть тише, чем в комнате, но чётко. Он попросил убрать последнюю фразу, где упомянул, что однажды его преподаватель назвал музыку «занятием на свободное время».

— Это важная часть, — заметила я.

— Для меня, да. Но я не хочу, чтобы это было в ролике.

— Поняла. Уберём.

Я не стала убеждать. Миша вырезал фрагмент и показал ему новую версию. Павел проверил ещё раз и ушёл, оставив нам своё «спасибо» и короткую улыбку.

— Ты могла спросить, почему он передумал, — сказал Миша.

— Могла.

— Почему не спросила?

— Потому что он не обязан мне это объяснять.

— Верно.

— Теперь ты опять это делаешь.

— Что?

— Ставишь галочку, когда я поступаю правильно.

— Я ничего не ставлю.

— Ты вообще замечаешь, как часто говоришь «верно»?

— Замечаю.

— И продолжишь?

— Если это будет верно.

Я закатила глаза. Он усмехнулся и убрал наушники в коробку. В такие моменты он переставал казаться неуязвимым. Он был не каменной стеной, а человеком, который выбирал, когда отвечать. Это различие почему-то было важным.

Вечером мы с Аней понесли афиши на доски объявлений. В главном корпусе было шумно, в старом — почти пусто. На одном стенде кто-то закрыл наши листы объявлением о продаже учебников. Аня сняла его и переложила наверх.

— Ты не должна была это делать, — сказала я.

— Там было пустое место.

— Это не наше место.

— Теперь наше объявление видно.

— А если человек придёт за учебником?

— Он всё равно сможет прочитать объявление.

— Это не ответ.

— Это ответ, который у меня есть.

Мы дошли до лестницы. Я приклеивала афишу по краям, а Аня придерживала нижнюю часть. Клейкая лента не хотела отходить ровно. Один угол снова поднялся, и я прижала его ногтем сильнее, чем нужно.

— Ты думаешь, что я не понимаю, почему ты так делаешь? — спросила Аня.

— Что именно?

— Пытаешься заранее исправить то, что может пойти не так.

— Это называется организация.

— Иногда. А иногда ты наказываешь себя за то, что не можешь проконтролировать всех.

— Я не наказываю себя.

— Ты уже третий раз переклеиваешь один угол.

Я отпустила ленту. Под ногтем появилась красная полоска.

— Ты опять хочешь поговорить о Кирилле?

— Нет. Я хочу поговорить о тебе.

— Это одно и то же.

— Не всегда.

Я посмотрела на неё. Аня стояла на ступеньку ниже, держа лист с афишами. В её лице не было желания меня поймать или разоблачить. Она просто устала угадывать, где мой «я в порядке» значит «оставь меня», а где — «не уходи пока».

— Я не умею просить, — сказала я.

— Просить о чём?

— Чтобы остались. Чтобы не делали из меня шутку. Чтобы сказали, если я уже перешла черту, но не собирали вокруг этого аудиторию.

Аня опустила лист.

— Это можно говорить прямо.

— Мне кажется, тогда человек делает это только потому, что я попросила.

— А если он и правда хочет?

— Тогда мог бы сам догадаться.

— Это очень высокие требования к людям.

— Я знаю.

— И к себе тоже.

Я прислонилась плечом к стене. Внизу хлопнула входная дверь. Кто-то спускался по лестнице, насвистывая мелодию, которую я не узнала.

— Кирилл когда-то сказал, что я всегда устраиваю сцену, даже когда прошу о простом, — произнесла я. — Я поверила. Потом каждый раз, когда мне что-то было нужно, я либо говорила слишком резко, либо делала вид, что мне вообще ничего не надо.

— Ты не обязана выбирать между этими вариантами.

— Я знаю, что не обязана. Я просто не знаю третий.

— Тогда будем искать.

— «Будем»? Ты не устала?

— Устала. Но от афиш. Не от тебя.

Я посмотрела на неё и увидела, что она ждёт. Не обещает, что будет рядом всегда, не говорит, что всё простит. Просто сейчас стоит на лестнице и держит лист, пока я пытаюсь подобрать слова.

— Спасибо, — сказала я.

— Пожалуйста.

— Это я умею говорить.

— Уже неплохо.

Мы закончили с афишами и пошли в ближайшую булочную. Я купила чай, Аня — два пирожка. Мы сели у окна и смотрели, как люди торопятся через перекрёсток, пытаясь укрыться от дождя газетами и сумками. Я спросила, не раздражает ли её, что я часто задаю вопросы. Она ответила, что раздражает, когда я задаю один и тот же вопрос пятью разными способами, а потом делаю вид, что не услышала ответ.

— А если ответ мне не нравится?

— Тогда скажи, что он тебе не нравится.

— А если я хочу другой?

— Тогда придётся признать, что ты просишь не ответа, а утешения.

— Это звучит ужасно.

— Иногда утешение нужно.

— Но не надо просить его напрямую?

— Почему нет?

Я подумала об этом. Просить утешения было намного страшнее, чем делать вид, что мне ничего не нужно. Если человек отказывал, оставалось не за что зацепиться. Не было даже ссоры, которую можно было бы потом пересказать себе иначе.

— Я попробую, — сказала я.

— Хорошо.

— Ты опять сказала «хорошо».

— Но это не Миша.

— Пожалуй.

На следующий день в общий чат пришёл ответ от девушки, которая интересовалась открытым микрофоном. Она написала, что решила не выступать, но готова помочь с оформлением. Я ответила, что это тоже участие и что ничего не нужно решать прямо сейчас. Потом перечитала сообщение и отправила Ане скриншот.

«Нормально звучит?» — спросила я.

Она поставила реакцию в виде зелёной галочки.

«Без скрытого упрёка», — добавила.

«У меня бывает скрытый упрёк?»

«У всех бывает. У тебя иногда он открывается автоматически».

Я хотела ответить колко, но поставила смеющийся смайлик. Это оказалось проще, чем обидеться.

В четверг днём в «Чердак» пришли трое первокурсников. Они принесли свои анкеты и сразу уточнили, что могут прийти только на первую половину фестиваля, потому что вечером у них поезд домой. Я внесла это в таблицу и спросила, согласны ли они помочь оформить вход до своего выступления.

Один из них, Тимур, нахмурился.

— Мы можем, но не хочу, чтобы это было условием для участия.

— Это не условие. Я просто спросила.

— В прошлый раз так сказали, а потом оказалось, что без этого нас не включат в программу.

— Тогда вам неправильно объяснили. Вы можете участвовать без дополнительной работы.

Он не сразу расслабился.

— А если мы не будем помогать, вас это не разозлит?

Я услышала в вопросе не недоверие лично ко мне, а опыт, который не знала. Мне захотелось спросить, кто именно так поступил и когда. Но это не имело отношения к тому, что нужно сейчас.

— Нет, — сказала я. — Я могу расстроиться, если мы не успеем всё подготовить. Но это не будет вашей виной.

Миша, который настраивал камеру, посмотрел на меня. Я не искала его одобрения, но заметила этот взгляд.

Тимур кивнул.

— Тогда мы только выступаем.

— Хорошо. Запишу.

— А вы точно не будете потом говорить, что мы не командные?

— Не буду.

— Ладно.

Они заполнили анкеты и ушли. Я долго смотрела на пустой стул, где только что сидел Тимур. Миша протянул мне лист с новыми заявками.

— Ты сегодня не стала спрашивать, кто его подвёл, — сказал он.

— Потому что это не помогло бы с расписанием.

— Только поэтому?

— Не знаю.

— Хорошо.

— Сейчас не говори это слово.

— Ладно.

Я улыбнулась.

— Так лучше.

— Записал.

— Не записывай.

— Не буду.

В тот вечер мы слушали записи, которые можно было использовать. В одной девушка рассказывала, что ей понравилось, как на «Чердаке» можно «просто сидеть». Миша оставил паузу перед этой фразой. Она была короткой, но я вдруг услышала, что в ней есть не только про тишину. Я хотела добавить после неё голос за кадром: «Здесь ты можешь быть собой».

Миша посмотрел на набранный текст.

— Это слишком громко.

— Почему?

— Она сказала простую вещь. Если мы добавим лозунг, её слова станут декорацией.

— Тогда что поставить вместо?

— Ничего. Оставить паузу и шум комнаты.

— Люди могут решить, что видео зависло.

— Тогда оставим короткий звук двери.

Я надела наушники и прослушала фрагмент. В самом начале записи действительно слышался тихий скрип двери, а потом шаги и лёгкий гул. Пауза села на место. Я сняла наушники.

— Ты прав.

— Это не часто случается? — спросил он.

— Не привыкай.

— Не буду.

Мы выключили ноутбук ближе к десяти. На выходе я увидела в чате новое сообщение от Кирилла: «Я не хотел выставить тебя виноватой. Просто у тебя всегда есть ответ, даже когда никто не спорит». Я перечитала его дважды. Потом закрыла экран.

Миша шёл рядом и не видел, что я прочитала. Или видел и не спросил. В этот раз я не стала проверять.

У подъезда я остановилась.

— Можешь пять минут со мной посидеть? — спросила я.

Миша посмотрел на часы.

— Пять минут могу.

— Если тебе неудобно, скажи.

— Мне удобно.

Мы сели на холодную скамейку под навесом. Я рассказала ему про сообщение Кирилла, не показывая экран. Миша слушал, не перебивая. Когда я закончила, он не сказал, что Кирилл неправ. Он спросил:

— Ты хочешь ответить ему?

— Нет.

— Тогда не отвечай.

— А если он решит, что победил?

— Что именно он выиграет?

— Не знаю.

— Тогда, может, не надо давать ему соревнование.

Я посмотрела на дорожку перед подъездом. В свете фонаря несколько листьев прилипли к мокрому асфальту.

— Ты всегда умел так разговаривать? — спросила я.

— Нет.

— Кто научил?

— Никто. Я много раз делал наоборот.

— Например?

Он долго молчал. Я уже решила, что вопрос оказался лишним, когда он заговорил:

— В школе у меня был близкий друг. Мы играли в одной группе. Он мог пропасть на несколько дней, потом появиться и ждать, что я отменю всё, потому что ему плохо. Я отменял. Сначала потому, что хотел помочь. Потом потому, что боялся, что он решит, будто мне всё равно. Через какое-то время он перестал спрашивать, могу ли я. Просто писал, что я должен быть рядом.

— И что ты сделал?

— Однажды не пришёл.

— Он разозлился?

— Да.

— Вы перестали общаться?

— Не сразу. Мы ещё долго пытались вернуть то, что было. Но я понял, что если всё время доказывать, что ты хороший друг, в какой-то момент дружбы не остаётся. Остаётся только экзамен.

Я вспомнила, как весь день проверяла, не устал ли Миша от моих вопросов. Как пыталась заметить его раздражение, будто оно было доказательством, что я важна. Мне захотелось сказать, что я не такой человек. Потом я вспомнила, как однажды утром поменяла расписание только чтобы посмотреть, станет ли он сердиться.

— Я не хочу, чтобы тебе приходилось сдавать экзамен, — сказала я.

— Тогда не устраивай его.

— Я могу попробовать.

— Это всё, что от тебя нужно.

— Нет. Наверное, нужно ещё извиняться, когда я всё-таки устраиваю.

— Да.

— Ты мог бы сказать это мягче.

— Мог.

— Но не сказал.

— Ты спросила, что нужно.

Я коротко рассмеялась и сразу замолчала. С ним было странно: он мог сказать неприятную вещь, не превращая её в оскорбление. А я могла услышать её и не обязана была притворяться, что мне приятно.

— Спасибо, что рассказал, — сказала я.

— Пожалуйста.

— Ты не обязан рассказывать мне всё.

— Знаю.

— И я не буду спрашивать, если ты не захочешь.

— Хорошо.

— Ты тоже можешь попросить меня остановиться.

— Я уже просил.

— Когда?

— В воскресенье. Когда сказал, что проверка расписанием нечестная.

— Это не просьба остановиться.

— Это была граница.

— Ты прав.

Я посмотрела на него. Он не выглядел довольным тем, что оказался прав. Он просто сидел рядом, уставший после дня, и держал ладони между коленями, чтобы согреть пальцы.

— Ты хочешь, чтобы я рассказала что-нибудь? — спросила я.

— Если хочешь.

Я подумала о Кирилле, о школьной компании, о том, как я смеялась вместе со всеми, когда он называл меня вампирюгой. Вспомнила, что в тот день он сказал это не впервые. Первые разы звучало почти ласково. Мне даже нравилось, что он придумал для меня прозвище. Потом оно стало удобным объяснением любой ссоры. Я хотела сказать всё сразу, но не хотела отдавать рассказ целиком.

— Я расскажу тебе кусок, — сказала я. — Остальное, может быть, потом.

— Хорошо.

— В первый раз он назвал меня так, когда я заставила его вернуть чужую куртку. Он унес её с вечеринки, потому что перепутал. Я сказала, что это не его. Он ответил: «Ты как вампир, всем кровь пьёшь». Я тогда засмеялась. Мне показалось, что он меня понял.

— А потом?

— Потом он стал говорить это каждый раз, когда я просила его не шутить при других. Или когда хотела знать, придёт ли он. Или если я замечала, что он не слушает. Он говорил «вампирюга», и все сразу знали, что я опять сложная.

— Он отвечал на вопрос прозвищем.

— Да.

— А ты продолжала спрашивать.

— Да.

— Почему?

— Потому что иногда он отвечал нормально. И потому что я хотела, чтобы нормальный ответ был правилом, а не исключением.

Миша ничего не сказал. Я посмотрела на него, ожидая, что он попробует возразить. Он не стал.

— Ты не обязан теперь всё время следить, чтобы я не расстроилась, — добавила я.

— Не буду.

— И не обязан называть меня вампирчиком.

— Это я тоже понял.

— Но ты можешь, если я сама захочу.

— Могу.

— Только не часто.

— Как часто можно?

— Пока не знаю.

— Тогда не буду, пока не скажешь.

Я кивнула. У меня было ощущение, что мы договорились о чём-то важном, хотя никакого большого обещания не прозвучало.

Миша посмотрел на часы.

— Пять минут закончились.

— Ты можешь уйти.

— Я знаю.

— Я не пытаюсь удержать.

— Я тоже знаю.

Он поднялся первым и протянул руку, чтобы помочь мне встать. Я приняла её. Его пальцы были холодными, мои — тоже. Мы отпустили друг друга почти сразу.

— До завтра? — спросил он.

— До завтра.

— Будем проверять интервью и писать музыку к ролику.

— Работа в паре.

— Именно.

Я поднялась по лестнице, не оглядываясь. На середине пролёта заметила, что всё ещё думаю о его школьном друге. Мне хотелось узнать больше. Я не стала возвращаться и задавать вопрос. Если Миша захочет, расскажет сам.

В пятницу утром я проснулась и не стала проверять чат. Потом, уже в автобусе, всё-таки открыла его, но не листала вверх, чтобы посмотреть, когда Миша был онлайн. Я просто прочитала новое сообщение от Ники: «Я закончила эскизы. Можно показать после пары?»

Я ответила: «Да. И спасибо, что сделала».

Она написала: «Мне самой нравится».

Я улыбнулась. Это было хорошее сообщение. Не потому, что она поблагодарила меня, а потому, что сказала, что ей нравится.

В тот день у нас было ещё два интервью. Один студент рассказывал, что впервые вышел на сцену из-за спора с соседом по комнате. Другая девушка сказала, что приходит на «Чердак», потому что здесь её не спрашивают, почему она всё время опаздывает. Она опаздывала и на интервью, и на лекции, и в тот день тоже пришла на десять минут позже. Я не стала спрашивать, почему. Мы записали её ответ, потом вместе посмотрели тайм-код, чтобы вырезать длинную паузу перед первой фразой.

Миша предложил ей послушать монтаж. Она сняла наушники и сказала:

— Вы оставили, как я смеюсь?

— Да, — ответила я. — Но если не хочешь, уберём.

— Оставьте. Я там впервые не извиняюсь за опоздание.

После её ухода я осталась смотреть на временную шкалу. В её фразе не было никакой исповеди, но я понимала, что именно она хотела оставить.

— Давай не будем делать ролик только из слов, — сказала я Мише. — Пусть останутся шаги, дверь, таймер, кто-то двигает стул.

— Ты сама сейчас предлагаешь шум комнаты.

— Да. Иногда я учусь.

— Заметил.

— Ты не можешь просто согласиться?

— Могу.

— Скажи.

— Согласен.

— Спасибо.

Когда Рита ушла, в комнате осталось слишком тихо. Миша прокрутил дорожку назад, и из наушников вылетел её смех — короткий, совсем не похожий на тот, каким смеются, когда ждут одобрения. Я уже потянулась к клавиатуре, чтобы поставить отметку на этом месте, но телефон на столе завибрировал.

«Я подумала и не хочу, чтобы в ролике было моё лицо», — написала Рита. — «Фраза про кружку — можно. А кадр, где я смеюсь, лучше убрать».

— Уберём, — сказала я.

Миша ничего не ответил. Он даже не посмотрел на меня — просто поставил курсор в начало фрагмента и выделил дорожку.

— Не надо весь кадр убирать, — сказала я. — Можно оставить руки. Она не просила удалять весь звук.

— Спросим, какой именно звук оставить, — сказал он.

Я открыла чат.

«Конечно. Уберём лицо и смех. Фразу оставим только если тебе по-прежнему комфортно. Могу прислать новый вариант перед тем, как мы покажем его кому-то ещё».

Я перечитала сообщение. Оно звучало нормально, но в голове уже разворачивалась другая версия: Рита просит убрать кадр, потому что смутилась; если объяснить ей, что лицо там мелькает меньше секунды, она передумает; если мы уберём смех, сцена станет пустой. Я почти написала: «Там тебя едва видно». Удалила эти слова, прежде чем отправить.

Ответ пришёл не сразу. Мы за это время успели разобрать две дорожки звука и найти щелчок, который Миша сначала принял за помеху, а я — за чей-то ноготь по столу.

«Да, фразу можно оставить. Спасибо, что спросили».

Я повернула телефон экраном к Мише.

— Значит, оставляем фразу, убираем лицо и смех.

— Да.

— А если без смеха кадр станет странным?

— Найдём другой.

— Ты говоришь так, будто кадры растут на деревьях.

— В этой комнате их больше, чем кажется.

Я хотела возразить, но передумала. Мы пересмотрели записи: кружка, которую кто-то поворачивал ручкой наружу; две пары рук, делившие скотч; пустая сцена до прихода людей. Всё это не выглядело «сильным» материалом. Зато ничьё лицо не нужно было вырезать из чужого согласия.

— Вот этот кусок, — сказала я. — Здесь слышно, как она говорит про кружку. Кадр можно поставить на чайник.

— Ты уже монтируешь.

— Я предлагаю.

— Хорошо. Предлагай.

Мы прослушали фразу снова. Рита произнесла её не как готовый вывод, а будто вспоминала мелочь, которую до этого не замечала. Я убрала щелчок, оставила вдох перед словом «просто» и не стала подрезать паузу после него.

— Ты оставила длинную тишину, — заметил Миша.

— Она там думает.

— Да.

Я посмотрела на него: он не похвалил меня и не сделал из этого отдельного достижения. Просто согласился с конкретным решением. От этого почему-то было легче, чем от похвалы.

Рита прислала сообщение через десять минут: «Можете прислать мне превью, когда закончите?»

— Пришлём, — сказала я.

— До отправки в общий чат? — спросил Миша.

— Да. Сначала ей.

— Тогда так и сделаем.

Я записала это в список задач, хотя забыть было сложно. Потом подняла глаза и увидела, что Миша смотрит на экран с таймлайном.

— Ты мог сказать мне, что я опять хотела её уговорить, — сказала я.

— Ты сама заметила.

— А если бы не заметила?

— Я бы спросил, хочешь ли ты услышать, что думаю.

— Даже если бы уже было поздно?

— Тогда сказал бы прямо. Но не решил бы за тебя, что ты должна чувствовать.

Я перевела взгляд на экран. Там шёл кадр пустого стола, и в отражении окна едва заметно двигались ветки.

— Ты не обязан всё время подбирать правильные слова, — сказала я.

— Я и не подбираю. Иногда говорю не то.

— И что тогда?

— Тогда можно переспросить. Или сказать, что задело.

— Просто так?

— Не просто. Но можно.

Я могла бы ответить шуткой. Вместо этого закрыла список задач и сказала:

— Я попробую.

— Хорошо.

Он не потянулся обнять меня и не сказал, что всё будет хорошо. Мы снова вернулись к монтажу. От этого разговор не стал менее важным; он просто не требовал, чтобы мы немедленно превратили его во что-то красивое.

Мы работали над монтажом до закрытия корпуса. На экране выстроились пять голосов, звук двери и короткий отрезок тишины. Я не добавила фразу «здесь каждому найдётся место». Мы закончили ролик без неё.

Перед уходом Миша отправил мне черновик. Я открыла его на телефоне уже дома. Он длился сорок две секунды. В нём были руки, кружки, пустые стулья и чьи-то плечи. Лица появлялись только там, где люди дали согласие. На финале свет выключался, но звук оставался ещё на секунду: кто-то смеялся за кадром.

Я досмотрела до конца.

Потом посмотрела ещё раз.

«Оставляем», — написала я.

Миша ответил: «Нравится?»

Я написала: «Да».

Подумала и добавила: «Мне».

Он ответил: «Этого достаточно».

Я положила телефон экраном вниз. Впервые это не было способом убедить себя, что мне всё равно.

Перед сном я написала Ане: «Ты ещё не спишь?» Она ответила почти сразу: «У меня в руках чай и телефон. Так что формально нет».

Я отправила ей ролик. Она посмотрела его один раз, а потом попросила ссылку, чтобы открыть на ноутбуке. Пока она молчала, я успела проверить, не поставила ли случайно неправильный файл, не вырезала ли один из голосов и не оставила ли в конце пустой экран дольше, чем нужно.

— Хорошо, — написала Аня. — Только тихо.

— Это плохо?

— Нет. Просто обычно мы пытаемся объяснить людям, почему им должно быть хорошо в «Чердаке». А тут видно, что хорошо бывает без объяснения.

Я перечитала её сообщение и нажала на клавиатуру.

«Я хотела добавить фразу про то, что тут всем рады».

«Знаю».

«Откуда?»

«Ты сегодня три раза говорила, что ролик должен быть понятным».

Я отложила телефон на подушку. Даже в переписке мне хотелось спорить с её наблюдением. Но она не сказала, что я всё испортила, и не потребовала ничего исправить.

«Ты злишься на меня?» — набрала я.

На этот раз она ответила не сразу.

«Нет. Я рада, что ты вообще спросила, а не решила за меня».

Я почувствовала, как в горле поднимается знакомое раздражение. Оно было направлено не на Аню, а на то, что простые слова всё равно отзывались сильнее, чем должны были.

«Я учусь», — написала я.

«Вижу».

Я чуть не спросила, считает ли она это похвалой. Потом остановилась. Мне не нужно было проверять каждую фразу на скрытый смысл, пока никто не давал повода.

— Ты с Мишей поговорила? — пришло следом.

— О чём именно?

— Лер.

Я включила беззвучный режим, потом снова выключила. Можно было сказать, что мы работали. Это было бы правдой. Можно было добавить, что он мне нравится. Это тоже было правдой, хотя я не привыкла оставлять такие вещи без запасного выхода.

«Мы разговариваем», — написала я.

«Это уже ответ», — отозвалась Аня.

Я не стала уточнять, какой именно. Пожелала ей спокойной ночи и убрала телефон в ящик стола, чтобы утром не начинать день с проверки сообщений. Уже в темноте я вспомнила, как Миша сказал, что могу переспросить или сказать, если он задел. Мне ещё не верилось, что эти слова будут работать каждый раз. Но сегодня они не оказались ловушкой.

Глава 6. Работа в паре

В субботу в «Чердаке» пахло кофе, мокрыми куртками и чем-то сладким из соседней комнаты. Там кто-то праздновал день рождения, хотя было только одиннадцать утра. На столе стояла коробка с печеньем, рядом — ваза с пластиковыми ложками. Ни одного торта не было видно.

— Это чей праздник? — спросила я у Саши.

— Мы пока не знаем. Но нас угостили.

— Кто?

— Женщина в синем свитере.

— Ты спросил её имя?

— Нет. Она ушла.

— Значит, мы отмечаем чей-то день рождения, не зная чей.

— Мы не отмечаем. Мы едим печенье.

Я взяла одно. Оно было с изюмом и крошилось в пальцах.

— Это вполне можно считать праздником.

Миша сидел на полу у сцены и подключал рекордер к ноутбуку. Я опустилась рядом, оставив между нами достаточно места для кабелей.

— Сегодня мы закончим общий ролик, — сказала я. — Потом начнём заявку на оборудование. Если успеем.

— Что значит «если успеем»?

— Это значит, что у нас не будет хватать времени на всё.

— Тогда выберем, что важнее.

— А если важно всё?

— Тогда выберем, что сломается последним.

Я рассмеялась.

— Ты очень обнадёживающий.

— Я реалист.

— Реализм — это когда люди перестают стараться?

— Нет. Это когда перестают обещать невозможное.

Я открыла ноутбук. В папке лежали аудиозаписи, короткие видео и несколько фотографий, которые Ника отобрала из архива. На снимках были сцена, стулья, плакаты и руки, которые держали бумажные стаканы. Лиц почти не было. Некоторые фотографии выглядели случайными, будто их сделали, пока человек поворачивался к двери.

— Вот эти я хочу поставить между интервью, — сказала я. — Чтобы у ролика не было ощущения, что люди сидят на собеседовании.

— Подойдут.

— Но не все. На этой у девушки лицо видно, а согласие мы не нашли.

— Уберём.

— Можно обрезать.

— Тогда останется рука и полплеча.

— Может быть, хватит.

— Если тебе нравится.

Я увеличила фотографию. В углу кадра была видна часть лица, но не настолько, чтобы узнать человека. Я попробовала обрезать, посмотрела, как меняется композиция, и закрыла файл.

— Не будем.

Миша ничего не сказал. Мы открыли монтаж, и я начала переставлять фрагменты. Сначала дверь, потом короткий общий план, затем голоса. На середине ролика стояла пауза, которую мы накануне решили оставить. После неё шёл смех за кадром. Я добавила перед ним снимок пустого стула, а после — короткий кусок, где Ника раскладывает афиши на полу.

— Она разрешила снимать руки, — сказала я. — Но этот кадр мы у неё ещё не спрашивали.

— Тогда не добавляй, пока не спросим.

— Я думала, это видно только издалека.

— Она всё равно узнает свои руки.

Я убрала кадр из основной версии и оставила его в отдельной папке «проверить». Раньше такая папка означала, что я потом сама решу, что делать. Теперь я написала рядом имя Ники и дату, когда мы должны спросить.

— Ты стала аккуратнее с файлами, — сказал Миша.

— Я стала бояться, что случайно отправлю лишнее.

— Это тоже аккуратность.

— И тревога.

— Иногда они выглядят одинаково.

— Тебе не кажется, что ты слишком легко всё объясняешь?

— Не всё. Только то, что вижу.

Я взглянула на него. Он сидел на полу, облокотившись на сцену. Наушники лежали рядом. Его волосы падали на лоб, и он откинул их запястьем, не отрывая взгляда от экрана.

— Ты сейчас вообще спал? — спросила я.

— Спал.

— Когда?

— Ночью.

— Это не конкретное время.

— После часа.

— И сколько?

— Достаточно.

— Ты отвечаешь как человек, которого спрашивает следователь.

— Ты сама спросила.

— Я проверяю, не перегоришь ли ты раньше фестиваля.

— Если перегорю, скажу.

— А если не заметишь?

— Тогда ты заметишь и спросишь.

Я прищурилась.

— Ты только что переложил на меня обязанность следить за тобой.

— Нет. Я сказал, что ты можешь спросить. Это не то же самое.

— И если я спрошу, ты ответишь честно?

— Постараюсь.

— Не «да»?

— Я не всегда знаю ответ сразу.

Мне хотелось потянуться за наушниками и накинуть их себе на голову, чтобы закрыться от разговора. Вместо этого я посмотрела в экран. Мы оба продолжили монтаж, не делая вид, будто вопрос решён.

В полдень пришли Аня и Ника. Они принесли бумажные образцы афиш. На одной было слишком много текста, на другой — название и дата, а на третьей только «Открытая дверь» и маленький красный квадрат в углу.

— Мне нравится третья, — сказала я.

— Мне тоже, — ответила Ника. — Но Марина Сергеевна попросила добавить, что вход свободный.

— Это можно поставить мелко внизу.

— А если никто не заметит?

— Тогда напишем в публикации отдельно.

— А время? — спросила Аня.

— Пока ждём подтверждения расписания корпуса.

— Заявки на регистрацию уже растут. Люди спрашивают, когда начало.

Я открыла форму. За ночь добавилось двадцать человек. Всего было девяносто восемь. Я сперва обрадовалась, потом увидела письмо от Марины Сергеевны с темой «Вместимость зала».

Она писала, что в помещении можно одновременно находиться не более шестидесяти пяти человек, включая участников и организаторов. Из-за планировки и эвакуационного выхода больше нельзя. До этого мы думали о цифре в сто гостей, основываясь на старых фестивалях, но тогда использовали соседний зал, который сейчас занят курсами.

Я прочитала письмо дважды.

— Что там? — спросил Миша.

Я развернула экран.

— У нас девяносто восемь регистраций, а в зал можно шестьдесят пять человек.

— Регистрации не билеты, — сказала Аня.

— Но мы не можем делать вид, что место бесконечное. И нельзя приглашать всех, а потом разворачивать у двери.

— Можно провести два блока, — сказал Миша. — Ранний и поздний.

— Тогда нужен перерыв, чтобы люди вышли и мы пересчитали зал. И это увеличит время, которое мы обязаны держать помещение.

— Если администрация разрешит, звук можно не выключать. Поставить короткий фон, пока мы меняем людей.

— Люди не будут менять людей, как декорации.

— Я не это имел в виду.

— Я знаю.

Мне пришлось закрыть форму, чтобы не смотреть на цифру. Я ожидала, что меня затопит паника. Вместо этого голова начала быстро считать: участники, организаторы, выступающие, гости, запас для тех, кто придёт без регистрации. Мы должны были пересмотреть сам формат.

— Сколько из девяноста восьми сказали, что готовы выступить? — спросила я.

Аня открыла список.

— Двенадцать. Но часть уже записалась в программу.

— Сколько точно участников?

— Семь подтверждённых, трое пока думают.

— Если провести два коротких блока, можно дать выступающим возможность выбрать один. Но мы не можем гарантировать, что все придут.

— Им не нужно выбирать прямо сейчас, — сказала Ника. — Сначала спросить, хотят ли они участвовать.

— Да. И нужно написать зарегистрированным, что регистрация не бронирует место. Это не очень приятно.

— Но лучше, чем не предупредить, — ответил Миша.

Я повернулась к нему.

— Ты сейчас говоришь это, потому что согласен или потому что видишь, что я собираюсь спорить?

— Согласен.

— А если бы не согласился?

— Сказал бы.

— Хорошо.

Я открыла черновик письма. Написала: «Из-за ограниченной вместимости зала мы планируем два блока фестиваля». Потом остановилась.

— Мы ещё не знаем, разрешат ли два блока.

— Тогда не обещай, — сказала Марина Сергеевна, которая вошла как раз в этот момент.

— Я собираюсь спросить у администрации.

— Сначала спроси. Потом сообщи.

Я удалила первое предложение и написала: «Мы уточняем формат, чтобы всем было понятно, как попасть на мероприятие». Это звучало менее уверенно, зато соответствовало правде.

— Отправим после ответа? — спросила Аня.

— Да. Пока сделаю два варианта расписания.

— Один короткий блок и два? — спросил Миша.

— И вариант с предварительной регистрацией по времени. Хотя я не хочу, чтобы люди чувствовали, что им выдали номерок.

— Можно дать выбор без очереди: ранний или поздний блок, пока есть места.

— Это уже похоже на запись.

— Да, на запись. Не на очередь.

Я кивнула и внесла эту мысль. Чем больше мы обсуждали, тем яснее становилось: никакой идеальной схемы не будет. Можно сделать её понятной, честной и достаточно гибкой, чтобы не превратить людей в цифры. Этого было мало для моей тревоги и достаточно для работы.

Весь день мы переделывали ролик и план мероприятия. Аня сверяла списки, Ника оформляла афиши, Саша и Илья проверяли проходы в зале. Я разговаривала с администрацией по электронной почте и получала короткие ответы: «уточним», «нужна схема», «по регламенту», «вернёмся с решением». Миша проверял, сможет ли аппаратная поддержать два блока без перезапуска оборудования.

Около четырёх мы решили снять новую финальную сцену. В ролике оставался пустой коридор и голос девушки, которая говорила, что пришла переждать дождь. Но после письма о вместимости мне казалось, что пустой зал может выглядеть как обещание свободного места, которого у нас не будет.

— Нам нужен кадр снаружи, — сказала я. — Дверь и табличка. Чтобы было понятно, куда идти.

— И время пока не ставить, — сказал Миша.

— Да. Название и ссылка на регистрацию.

— Кто будет в кадре?

— Не знаю.

— Можно снять только руки, как кто-то открывает дверь.

— Уже было похожее.

— Тогда снять тебя.

Я приподняла бровь.

— Ты хочешь поставить меня в ролик?

— Я предложил вариант.

— А если я скажу нет?

— Тогда снимем дверь без тебя.

— И ты не будешь уговаривать?

— Нет.

Я посмотрела на коридор. В кадре мне предстояло просто открыть дверь и зайти внутрь. Не говорить, не улыбаться в камеру, не рассказывать свою историю. Но я уже понимала, что все увидят меня. В том числе те, кто знал, как я выгляжу.

— Снимай, — сказала я.

— Точно?

— Да. Но если получится странно, удалим.

— Хорошо.

Мы поставили камеру у входа. Я вышла в коридор и закрыла дверь. Миша попросил меня подождать пять секунд, затем открыть её и войти. На первом дубле я дёрнула ручку слишком резко. На втором посмотрела прямо в объектив. На третьем зацепилась сумкой за табличку. На четвёртом вошла нормально, но в кадре промелькнул парень, который шёл в туалет.

— Кажется, он стал участником, — сказала я.

— Он не давал согласия, — напомнил Миша.

— Поэтому вырежем.

— Лучше переснять с коридором пустым.

— Тогда подождём.

Мы сидели на полу возле двери, пока поток людей не стих. Миша прислонился спиной к стене. Я держала в руках листок с расписанием и перечитывала его, хотя все пункты уже знала.

— Ты можешь отложить его, — сказал он.

— Я проверяю.

— Ты проверяла четыре раза.

— Значит, пятый будет контрольным.

— Ты не обязана всё контролировать.

— Я знаю.

— Ты говоришь это быстрее, чем успеваешь подумать.

Я сложила лист пополам и положила рядом.

— Ты же понимаешь, что если я ничего не проверю, что-нибудь точно сломается.

— Да. Но если проверять всё самой, первой сломаешься ты.

— Это опять звучит как метафора.

— Это наблюдение.

— Ты слишком много наблюдаешь.

— Я уже отвечал.

— Отвечал не на это.

— Тогда спрашивай.

Я повернулась к нему. Вопрос стоял на языке, но я хотела сформулировать его так, чтобы не получить отказ. Я не могла придумать такой вариант.

— Тебе нравится со мной работать? — спросила я.

— Да.

— Даже когда я спорю?

— Не каждый спор нравится.

— А я?

— Ты мне нравишься.

Он сказал это без улыбки и без подготовки. Мне понадобилось несколько секунд, чтобы понять, что я не ослышалась.

— Как человек? — спросила я.

— Да.

— Только как человек?

Он отвёл взгляд к двери.

— Я не уверен, что понимаю, чего ты сейчас хочешь от ответа.

— А если я скажу, что сама не понимаю?

— Тогда я не буду делать вид, будто понял.

Я смотрела на его профиль. На щеке у него была маленькая тёмная точка от чернил. Хотелось стереть её пальцем. Я не стала.

— Я тоже не уверена, что хочу, — сказала я. — Иногда мне кажется, что я просто хочу проверить, сколько ты выдержишь.

— Я не хочу, чтобы это было соревнованием.

— Я знаю.

— И я не собираюсь всё выдерживать.

— Тоже знаю.

— Но сейчас мне с тобой хорошо.

Я сглотнула. Он не сказал «всегда» и не сказал «пока». Не обещал, что ничего не изменится. Это было ровно столько, сколько он мог сказать честно.

— Мне тоже, — ответила я.

В этот момент дверь открылась, и в коридор вышла женщина с папкой. Мы оба отодвинулись от прохода. Она извинилась, хотя мы и не мешали, и пошла к лестнице.

— Пусто, — сказал Миша.

— Что?

— Коридор. Можно снять.

— Конечно.

Мы встали. Я снова вышла за дверь и открыла её на камеру. На этот раз не дёрнула ручку и не посмотрела в объектив. Вошла, будто действительно пришла куда-то, где меня ждут. Когда дубль закончился, Миша не сказал, хорошо ли получилось. Он показал запись.

Я смотрела на себя со стороны. На секунду лицо показалось слишком серьёзным. Потом я заметила, что, войдя, автоматически отодвинула дверь и придержала её, будто за мной должен был пройти кто-то ещё.

— Оставим, — сказала я.

— Хорошо.

— Не потому что я хорошо выгляжу.

— Я не собирался говорить, что ты хорошо выглядишь.

— Почему?

— Потому что ты спросила про кадр.

Я ощутила, как щёки становятся горячими. Мне было проще, когда люди делали комплименты и я могла их отвергнуть. Здесь он просто не воспользовался возможностью, и я не знала, как на это реагировать.

— Иногда можно говорить не только о кадре, — сказала я.

— Можно.

— Ты же понимаешь, что это было разрешение?

— Понимаю.

— И всё равно не скажешь?

Он посмотрел на меня. На секунду в его лице появилось что-то похожее на улыбку.

— Ты хорошо выглядишь.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

— Всё. Сцена закончена.

Он засмеялся, но тихо. Я отвернулась, чтобы проверить кабель, хотя кабель был подключён.

В половине шестого администрация ответила, что два блока провести можно, если между ними будет двадцатиминутный перерыв и в зале останутся только ответственные организа-

торы. Для этого нужно было прислать новую схему и подтвердить, кто контролирует вход. Аня вызвалась заниматься списком по времени, Саша и Илья — встречать людей, Марина Сергеевна — оставаться главным ответственным. Миша предложил записать на камеру короткое обращение с объяснением регистрации.

— Говорить буду я, — сказала я. — Ты снимаешь.

— Хорошо.

— Ты опять согласился слишком быстро.

— Потому что это нормально.

— Я не уверена, что хочу сама объяснять ограничения.

— Тогда можем снять вдвоём.

— Это будет выглядеть, как будто мы оправдываемся.

— Мы можем просто объяснить, как будет устроен вход.

— И что регистрация не билет.

— И что места ограничены.

— И что если человек не попал в первый блок, он может записаться на второй.

— Если останутся места.

— Не говори так, будто мы продаём билеты на самолёт.

— Тогда сформулируй по-своему.

Я подумала. Мне не нравилось говорить о дефиците места. Я хотела, чтобы человек мог прийти, не проходя через систему и ожидание. Но это помещение не становилось больше от того, что мне хотелось. Если мы не назовём границы заранее, людям придётся узнавать о них у входа.

— «Чтобы всем было удобно, мы разделим программу на два блока. При регистрации выберите время, которое вам подходит. Если планы изменятся, пожалуйста, снимите себя со списка — место сможет занять кто-то другой», — произнесла я.

— Хорошо, — сказал Миша.

— Это звучит как просьба, а не как наказание.

— Потому что это просьба.

Я повернулась к нему.

— Сними меня, пока я не передумала.

Он установил камеру. Я встала рядом с афишей. Первый дубль вышел слишком сухим. Во втором я сбилась на слове «регистрация». В третьем услышала за кадром, как кто-то смеётся, и сама едва не рассмеялась.

— Четвёртый, — сказала я.

— Можно оставить третий. Ты звучишь живо.

— Я звучала так, будто забыла текст.

— Ты и правда забыла.

— Это не помогает.

— Тогда сделаем четвёртый.

В этот раз я говорила медленнее. Не читала текст, а объясняла. Миша не подсказывал и не вмешивался, только держал камеру. Когда я закончила, он спросил, хочу ли я посмотреть.

— Да.

Мы сели рядом. В кадре я начинала с серьёзного лица, потом запиналась, чуть улыбалась и продолжала. Я хотела вырезать запинку, но Миша попросил послушать весь кусок ещё раз.

— В чём проблема? — спросила я.

— Там ничего не случилось.

— Я запнулась.

— Да.

— И это не проблема?

— Нет.

Я посмотрела на экран. В момент запинки я не выглядела растерянной. Просто остановилась на секунду, нашла слово и сказала дальше.

— Оставим, — решила я.

— Хорошо.

— Не потому, что это живо.

— А почему?

— Потому что это я.

Он кивнул и не стал уточнять.

Когда мы показали обращение Ане, она сказала, что в нём наконец слышно не только правила, но и зачем мы их придумали. Я не стала спрашивать, нравится ли ей мой голос. Она сама добавила, что я не выгляжу так, будто собираюсь отчитывать зрителей.

— Это комплимент? — спросила я.

— Да.

— Ты можешь уточнить, что обычно я выгляжу именно так?

— Не буду.

— Почему?

— Потому что это не было бы комплиментом.

— Вот так лучше.

Мы опубликовали ролик в воскресенье вечером, после того как получили подтверждение на два блока. В описании написали, что количество мест ограничено и можно выбрать одно из двух времён. Я перечитала текст несколько раз, прежде чем нажать «опубликовать». Миша сидел рядом, но не торопил. Аня ушла за чаем, оставив нас вдвоём в аппаратной.

— Ты уверена? — спросил он.

— Нет.

— Хочешь подождать?

— Если подождём, я найду ещё одну запятую.

— Может, она там есть.

— Ты не помогаешь.

— Я пытаюсь понять, чего ты хочешь.

Я посмотрела на экран. Кнопка публикации была синей. В комментариях под постом уже появилось несколько вопросов, хотя мы ничего не выложили. Один человек спросил, будет ли музыка. Другая — можно ли прийти с другом, если он не зарегистрирован.

— Я хочу, чтобы люди знали, что мы делаем, — сказала я. — И чтобы они не думали, будто мы обещаем каждому место.

— Тогда публикуй.

Я нажала.

Первые минуты никто не реагировал. Потом посту поставили сердечко, затем ещё одно. Один человек написал, что придёт на первый блок. Кто-то спросил, будет ли место для коляски. Я ответила, что проверю, потому что не знала, насколько свободен проход. Миша встал и пошёл измерить ширину двери.

— Зачем ты проверяешь? — спросила я.

— Чтобы ответить точно.

— Мы можем просто сказать, что уточняем.

— Можем. Но я сейчас рядом с дверью.

Он измерил проход рулеткой, потом посмотрел на порог. Дверь открывалась внутрь, а у стены стоял шкаф с коробкой старых проводов. Мы вдвоём передвинули шкаф на несколько сантиметров, но проход всё равно оставался узким.

— Надо спросить Марину Сергеевну, можно ли убрать коробку, — сказала я.

— Я спрошу.

— Почему ты?

— Потому что я уже стою тут.

— Это подозрительно просто.

— Не всё требует общего заседания.

— Ты говоришь это человеку, который делает таблицу для каждой встречи.

— Именно поэтому и говорю.

Я рассмеялась. Он наклонился, чтобы поднять коробку. Я тоже взялась за её край. Пальцы встретились на картоне. Мы оба остановились, будто коробка внезапно стала тяжёлой.

— Я могу сама, — сказала я.

— Я знаю.

— Но ты всё равно помогаешь.

— Да.

— Почему?

— Потому что мне проще поднять её вдвоём.

Мы подняли коробку и переставили к стене. Ничего больше не произошло. Но когда мы разжали пальцы, у меня ладонь ещё несколько секунд помнила его прикосновение.

В понедельник утром мы получили ответ от администрации: шкаф убрать можно, если ничего не подключено к розетке, а ширину прохода должен проверить ответственный за помещение. Марина Сергеевна согласилась прийти в среду. Я внесла это в таблицу и отметила жёлтым, не красным.

Пост набрал сто тридцать регистраций за ночь. Половина людей выбрала первый блок, почти столько же — второй. Несколько человек отметили оба, и нам пришлось написать им, чтобы они выбрали один вариант. Я хотела отправить каждому личное сообщение, но Аня предложила сделать общий комментарий и обновить форму. Мы так и сделали.

К обеду стало ясно, что часть людей отказывается от регистрации, когда видит, что нужно выбрать время. Я смотрела на число и чувствовала, как внутри растёт разочарование.

— Они не передумали приходить, — сказала Аня. — Они просто не знают, когда будут свободны.

— Тогда зачем регистрировались?

— Потому что хотели узнать, что будет.

— Это не интерес, если человек не может выбрать время.

— Это всё равно интерес. Просто не обещание.

Я смотрела на форму. Мне хотелось вернуть её к первоначальному варианту: «Нажми здесь, если тебе нравится идея». Тогда число снова выросло бы. Но цифра стала бы бессмысленной.

— Давай добавим вариант «пока не знаю», — сказала я.

— Тогда администрации не понравится количество подтверждённых мест.

— Мы не обязаны делать вид, что «пока не знаю» равно билету.

Аня кивнула.

— Хорошо. Сделай так.

Я добавила третий вариант. Часть ответов переместилась из первого и второго блока в неизвестное. Итоговое число стало меньше, зато реальнее. Я отправила обновление Марине Сергеевне с пояснением, что отметки «пока не знаю» не входят в прогноз посещаемости.

После пары я пришла в аппаратную. Миша сидел за столом и настраивал звук для двух вариантов программы. Он перебирал короткие фрагменты, сравнивая громкость. Я положила перед ним распечатку с реальным количеством гостей.

— Теперь у нас семьдесят три уверенных ответа, — сказала я. — И сорок один пока не знает.

— Это нормально.

— Я уже не хочу слышать «нормально».

— Это понятно.

— Тоже не надо.

— Тогда я помолчу.

Он снял наушники и оставил их на столе. Я села напротив.

— Ты не обязан менять слова, которые говоришь, только потому, что мне не нравится, как они звучат.

— Я знаю.

— Но ты всё равно меняешь.

— Иногда мне кажется, что ты слышишь не те слова, которые я произношу, а те, которых боишься.

Я посмотрела на распечатку. Семьдесят три было достаточно, чтобы показать интерес. Сорок один «пока не знаю» не означал провал. Я знала это. Но любая цифра могла стать приговором, если смотреть на неё достаточно долго.

— Я не всегда могу отделить одно от другого, — сказала я.

— Я заметил.

— Ты мог бы не замечать.

— Мог бы.

— Почему не делаешь?

— Я не умею решать, что тебе неважно.

Это прозвучало почти нежно. Я подняла на него глаза и тут же отвела. Если бы он улыбнулся, я могла бы обесценить ответ. Если бы сказал это нарочито, могла бы назвать его манипуляцией. Но он просто продолжил работу, и мне не за что было зацепиться.

— Мне надо проверить субтитры, — сказала я.

— Они в общей папке.

— Знаю.

— Тогда проверяй.

— Не командуй.

— Я не командую.

— Ты точно не хочешь управлять мной?

— Нет.

— Даже если я попрошу?

— Тогда сначала уточню, что именно ты имеешь в виду.

— Ужасно романтично.

Он посмотрел на меня поверх ноутбука.

— Ты хотела сказать «практично»?

— Возможно.

— Я бы не стал угадывать.

Я открыла файл с субтитрами. Мы начали читать по очереди: я вслух произносила фразы из записи, Миша сверял их с таймкодом. Через десять минут мы оба начали говорить одновременно. Я перепутала две строки, он сбился на фамилии, которую мы вообще договорились не публиковать.

— Это потому, что ты не умеешь читать субтитры, — сказала я.

— Я умею. Просто у тебя скорость выше нормы.

— Я читаю нормально.

— Ты читаешь так, будто в конце каждой строки стоит дедлайн.

— Потому что он там стоит.

— Нет. Там стоит точка.

Я положила лист на стол.

— Ты сейчас опять делаешь из простой вещи метафору.

— Это была шутка.

— Плохая.

— Согласен.

— Можешь исправить.

— Как?

— Не знаю. У тебя микрофон. Запиши извинение.

Миша включил рекордер.

— Я сожалею, что сравнил чтение субтитров с дедлайном. Это было неточно.

Я не удержалась и засмеялась.

— Очень официально.

— Я старался.

— Ты должен был сказать: «Ты читаешь быстро, потому что нервничаешь».

— Но я не знаю, нервничаешь ли ты.

Смех у меня закончился. Я посмотрела на экран и поняла, что сейчас он снова не будет делать вывод за меня.

— Я нервничаю, — сказала я. — Когда цифры меняются, мне кажется, что всё разваливается.

— Понятно.

— Это не значит, что я прошу тебя следить за цифрами за меня.

— Я знаю.

— Я просто говорю.

— Я слушаю.

Я не стала добавлять ничего. Он не прижал мою руку к своей и не предложил обнять. Просто слушал. И в этот раз я не испытала обиды из-за того, что он не сделал следующий шаг. Мне было достаточно, что он услышал.

В среду Марина Сергеевна пришла проверить проходы. Она измерила дверь, попросила убрать коробку и запретила ставить стойку возле запасного выхода. Из-за этого пришлось переставить аппаратуру на другую сторону зала. Миша оценил, сколько длины кабеля нужно, а я передвинула на схеме стойку регистрации.

— Если мы поставим входной стол здесь, очередь перекроет проход, — сказал Миша.

— Тогда стол будет у стены.

— Там розетка.

— Кабель можно закрыть коробом.

— Короба нет.

— Закажем.

— Не успеют привезти до отчёта.

— Тогда попросим у соседнего корпуса.

Марина Сергеевна посмотрела на нас.

— Вы можете сначала выяснить, есть ли короб в кладовой?

Мы оба замолчали.

— Можем, — сказала я.

— Я схожу, — сказал Миша.

— Я с тобой.

— Не обязательно.

— Я хочу проверить, что у нас есть.

— Хорошо.

В кладовой было темно, и дверь заедала. Миша включил фонарик на телефоне. Короба там не нашлось, зато лежало два рулона плотного картона и несколько отрезков серого коврового покрытия.

— Можно сделать временную накладку, — сказала я.

— Если она не будет скользить.

— Приклеим края.

— И проверим, что дверь не цепляется.

— Ты умеешь радоваться находкам?

— Я рад, что нашли материал.

— А если бы не нашли?

— Тогда бы искали другой вариант.

— Ты правда никогда не паникуешь?

— Паникую.

— Когда?

— Когда понимаю, что паника не помогает, обычно уже поздно.

Я посмотрела на него. Он говорил не о каком-то секретном прошлом, а о конкретной привычке. Это было не откровение, но почему-то воспринималось более близким, чем красивый рассказ о детстве.

— А что помогает? — спросила я.

— Сначала сделать то, что можно сделать руками.

— Ты поэтому постоянно трогаешь кабели?

— Да.

— А если руками ничего нельзя сделать?

— Тогда приходится ждать.

— Самое ужасное.

— Знаю.

Мы вынесли картон и проверили проход. Коробка с проводами мешала меньше, когда её переставили, а временная накладка на кабель не скользила. Марина Сергеевна попросила прислать фотографию схемы и список ответственных. Я сделала снимок, Миша в это время убирал клейкую ленту. На фото попали только его руки и моё плечо.

— Можно отправить? — спросила я.

— Да.

— Ты уверен, что тебе нормально быть в кадре?

— Здесь меня почти не видно.

— Всё равно хочу спросить.

— Тогда да. Можешь отправить.

Я отправила снимок и отдельно написала, что Миша согласен. Он посмотрел на меня.

— Ты не обязана каждый раз пересказывать мне согласие.

— Знаю. Но я хочу, чтобы было точно.

— Хорошо.

— Не говори это из вежливости.

— Я говорю, потому что согласен.

К вечеру мы закончили заявку. Там были список оборудования, схема расстановки, расписание двух блоков и правила для регистрации. Я перечитала всё, нашла две опечатки и одну неточность в количестве участников. Потом попросила Мишу проверить техническую часть, а Аню — текст письма. Я не стала делать всё сама.

Когда письмо ушло, в комнате стало тихо. Мы сидели рядом у стола, и я чувствовала, что устала сильнее, чем хотела признать. Миша убрал ноутбук и спросил, поеду ли я домой на автобусе.

— Да.

— Пойдём вместе.

— Это просьба или сообщение?

— Предложение.

— Я могу отказаться?

— Конечно.

— Тогда пойду.

Мы вышли на улицу. Дождя не было, но воздух пах мокрыми листьями. У остановки стояло несколько человек. Один студент держал в руках скрипичный футляр, другой смотрел в расписание автобусов. Мы встали рядом, но не касались друг друга.

— Ты устала? — спросил Миша.

— Да.

— Хочешь, чтобы я тебя обнял?

Я посмотрела на него. Он спросил без улыбки, но не так, будто ожидал нужного ответа. Просто оставил мне выбор.

— Нет, — сказала я. — Сейчас не хочу.

— Хорошо.

Я подождала секунду, вдруг он обидится или отдалится. Он посмотрел на дорогу. В его лице ничего не изменилось.

— Но можешь постоять рядом, — добавила я.

— Могу.

Мы стояли молча. Я не чувствовала, что отказ разрушил что-то важное. Это было новое. Автобус приехал через пять минут. Я поднялась, а он остался внизу.

— До завтра, — сказала я.

— До завтра.

В автобусе я не достала телефон. Смотрела на отражение своих рук в окне и думала о том, что иногда «нет» не значит «уходи». Иногда оно означает ровно то, что сказано. И если я хочу чего-то другого, можно добавить это после.

На следующий день мы получили ответ по регистрации. Администрация одобрила два блока, но попросила закрыть форму, когда каждый достигнет своей вместимости. Числа на экране снова стали конкретными: по сорок пять человек в каждом блоке, плюс участники и организаторы. Мы пересчитали состав и поняли, что в первом блоке осталось всего двадцать мест.

Ролик принёс новых людей. За сутки пришло ещё тридцать семь заявок. Это была хорошая новость и плохая одновременно.

— Мы всё сделали правильно, — сказала Аня. — Теперь надо не допустить, чтобы правильное стало проблемой.

— Мне не нравится, что людей нужно остановить, — сказала Ника.

— Мы не отказываем им навсегда, — ответила я. — Просто предлагаем второй блок или лист ожидания.

Я написала сообщение и показала остальным. Оно было коротким и ясным: «Первый блок почти заполнен. Если вам удобно, выберите второй. Если ни один вариант не подходит, оставьте контакты в листе ожидания — мы напишем, если освободится место». Я не стала обещать, что место освободится. Не добавила «к сожалению» три раза.

— Хорошо, — сказала Аня.

— Нормально, — сказал Миша.

— Я не собираюсь спорить ни с одним из этих слов.

— Это прогресс, — заметила Ника.

— Не говори так, будто я лечусь.

— Тогда я просто скажу: текст понятный.

— Вот это принимаю.

Мы отправили сообщение. Через несколько минут несколько человек выбрали второй блок, а один отказался от участия. Я отметила освободившееся место и не стала искать за этим скрытый смысл.

Вечером мы с Мишей остались доделать финальную версию ролика. Нужно было убрать лишний звук, выровнять громкость и добавить субтитры. Когда я потянулась через него к мышке, он поднял руку, чтобы подвинуть ноутбук, и наши плечи соприкоснулись. На этот раз я не отодвинулась сразу.

— Ты собираешься что-то сказать? — спросил он.

— Нет.

— Хорошо.

— Ты сам собираешься?

— Не знаю.

— Это честно.

— Пытаюсь.

Я продолжила двигать субтитр на таймлайне. Он не отодвинулся, но и не приблизился. Его плечо оставалось рядом с моим, тёплое сквозь тонкую ткань футболки.

— Ты можешь не делать из этого событие, — сказала я.

— Я не делаю.

— А если я хочу, чтобы ты сделал?

— Тогда скажи.

Я повернулась к нему. На этот раз расстояние между нами было совсем маленьким. Я увидела в его глазах отражение экрана, и на мгновение захотела поцеловать его. Не потому, что боялась, что он уйдёт, а потому что мне хотелось понять, как это будет.

— Я хочу, чтобы ты меня поцеловал, — сказала я.

Миша не двинулся сразу.

— Ты уверена? — спросил он.

Я хотела сказать «а ты как думаешь?» и превратить вопрос в игру. Но уже знала, что этот вопрос не был проверкой.

— Сейчас — да.

Он приблизился медленно, оставив мне время передумать. Я могла остановить его. Не остановила. Поцелуй оказался коротким и немного неловким: мы оба повернули головы в одну сторону, потом одновременно исправились и тихо рассмеялись. Никакой музыки не было, только негромкий гул аппаратной и щелчок мыши, которую я всё ещё держала в руке.

— Это было не очень кинематографично, — сказала я.

— Хорошо.

— Почему?

— Потому что мы не снимали.

— А если бы снимали?

— Ты бы попросила посмотреть дубль.

— И, скорее всего, запретила бы выкладывать.

— Тогда я бы удалил.

— Ты опять слишком быстро соглашаешься.

— Нет. Я просто знаю ответ.

Я отложила мышь и посмотрела на него.

— Мне понравилось.

— Мне тоже.

— Это ещё не значит, что мы теперь должны всё решить.

— Не должны.

— И не значит, что я перестану спорить.

— Я не просил.

— И не значит, что ты должен всё время быть спокойным.

— Я не всегда спокойный.

— Я знаю. Сегодня ты сказал, что злишься.

— Да.

— И не ушёл.

— Я остался на встрече.

— Ты умеешь портить красивые фразы.

— Зато они остаются точными.

— Возможно.

Я снова придвинулась и поцеловала его — уже без столкновения лбами и без внезапного смеха. Он положил руку мне на плечо, но не притянул ближе, пока я сама не коснулась его ладони. Тогда он обнял меня, и я прижалась к нему на несколько секунд.

Когда мы отстранились, в дверях появилась Аня с двумя стаканами чая. Она посмотрела на нас, потом на экран.

— Я не видела ничего, — сказала она.

— Ты только что вошла, — ответила я.

— Я очень быстро отвела взгляд.

— Это не делает тебя невидящей.

— Тогда я ничего не комментирую.

Она поставила стаканы на стол. Я почувствовала, что краснею, и потянулась к чаю, будто он был срочной задачей.

— Ты можешь спросить, если хочешь, — сказала я.

— Я не хочу.

— Почему?

— Потому что это ваша история. Я спрошу, когда ты сама расскажешь.

Я посмотрела на неё. Она улыбнулась и пошла к аппаратуре.

Миша наклонился ко мне.

— Она не спросила.

— Я заметила.

— Тебе нравится?

— Очень.

— Хорошо.

— Не повторяй.

— Не буду.

Мы закончили ролик около десяти. В последнем кадре дверь медленно закрывалась, а звук оставался ещё на долю секунды. Не было лозунга, музыки, объяснения, что именно должен почувствовать зритель. Просто люди, которые пришли в старую комнату и ненадолго там задержались.

Я отправила финальный файл Марине Сергеевне и всем участникам, чьи голоса были в записи. Мы попросили проверить свои фрагменты до воскресенья. Три человека ответили сразу, одна попросила убрать строку с фамилией, ещё один сказал, что всё нормально.

Миша закрыл ноутбук.

— Ты довольна?

— Роликом — да.

— А остальным?

— Остальное ещё продолжается.

— Это ответ.

— Я стараюсь.

— Заметил.

Я забрала сумку и застегнула куртку. У двери задержалась.

— Мы теперь вместе? — спросила я.

Он не улыбнулся и не попытался отшутиться.

— Я хочу попробовать быть с тобой. Не знаю, как быстро у нас получится и что будет дальше. Но хочу попробовать.

— А если я снова начну проверять тебя?

— Я скажу.

— А если я начну спорить?

— Я тоже могу спорить.

— А если я буду делать мозг?

Он улыбнулся.

— Тогда я скажу: «Лера, ты сейчас делаешь мне мозг».

— И я что отвечу?

— Надеюсь, что-нибудь честное.

— Не обещаю.

— Я знаю.

Я протянула руку и взяла его за пальцы. Он сжал их в ответ — не крепко, просто давая понять, что заметил.

— Тогда попробуем, — сказала я.

На улице уже было темно. Мы шли к остановке, и я не выдумывала, что означает каждый его шаг. Когда автобус подъехал, я поцеловала его на прощание. На этот раз он не рассмеялся.

— До завтра, вампирчик, — сказал он тихо.

— Не злоупотребляй.

— Не буду.

Я зашла в автобус и нашла место у окна. Через стекло Миша поднял руку. Я улыбнулась и села, не пытаясь решить, что теперь будет с нами через месяц, после фестиваля или после следующей ссоры.

На телефоне появилось уведомление: Марина Сергеевна прислала ответ от администрации. Она написала, что промежуточный отчёт принят, но в следующую среду к нам придёт комиссия — проверить площадку, список участников и готовность к двум блокам.

Я перечитала сообщение и почувствовала, как снова тянусь к блокноту, чтобы записать всё, что может пойти не так.

Потом убрала телефон.

До среды оставалось пять дней. Мы уже знали, кто будет за что отвечать.

Глава 7. Пять дней до комиссии

В пятницу утром я проснулась от того, что телефон вибрировал под подушкой. Не звонил — именно вибрировал, короткими толчками, будто пытался выбраться из ткани и сбежать первым.

Я вытащила его и увидела сообщения от Риты. Она посмотрела превью и просила вернуть один вдох перед фразой про кружку. «Мне кажется, он там важен», — написала она. Следом пришло сообщение от Дани: он не мог найти свою куртку и подозревал, что оставил её на «Чердаке». Потом Аня напомнила, что в десять у нас встреча с Мариной Сергеевной.

Я набрала ответ Рите, пока глаза ещё плохо фокусировались: «Вернём. Спасибо, что посмотрела». Перечитала и добавила: «Финальную версию пришлю сегодня».

За окном шёл мокрый снег. Он не падал красиво, а летел почти горизонтально, цеплялся за стекло и оставлял на нём водяные полосы. Я поставила чайник, умылась и открыла файл с отчётом. В документе было шестнадцать страниц, из которых для администрации имели значение три: список участников, регистрация зрителей и описание того, как мы собираемся провести два блока, если людей придёт больше, чем ожидалось.

На экране всё выглядело яснее, чем было в комнате. В таблице у каждого стояло имя и задача. Не было только графы «кто успеет устать первым».

Я добавила туда себя.

Потом стёрла.

На встречу я приехала на двадцать минут раньше. Марина Сергеевна сидела в кабинете с открытым ноутбуком, рядом лежала папка с печатными документами. Она была из тех людей, которые не повышали голос: им не требовалось. Когда она смотрела на тебя поверх очков, хотелось сразу вспомнить все сроки, даже те, о которых она ещё не спросила.

— Здравствуйте, — сказала она. — Ты одна?

— Миша будет. Он забирает у техника запасной переходник.

— Он уже дважды забирал у техника запасной переходник.

— Значит, у него будет три.

Она улыбнулась краем губ, но продолжила листать бумаги.

— Файл я получила. Ролик посмотрела. Он хороший. Не рекламный, и это его достоинство. Но на комиссии спросят, зачем нам два блока, если регистраций пока меньше сотни.

— Сейчас семьдесят четыре, — сказала я. — Мы добавили форму после публикации ролика, цифра может вырасти.

— А если не вырастет?

— Тогда оставим второй блок как резервный. Он не будет отдельным мероприятием, если не понадобится.

— Это уже конкретнее. Кто следит за количеством людей на входе?

— Ника и Даня.

— Кто принимает решения, если список участников расходится с фактическим количеством?

Я замолчала. В отчёте это не было указано. Я знала, что мы разберёмся, но не знала, кто именно скажет «стоп» и кому остальные должны будут поверить.

— Мы решим на встрече, — сказала я.

— Комиссия будет в среду. Решите до воскресенья. В понедельник я хочу получить план без фразы «разберёмся на месте».

— Поняла.

В дверь постучали. Миша вошёл с переходником, размотанным вокруг пальцев. Он поздоровался, сел рядом со мной и первым делом посмотрел на отчёт.

— Что пропустили? — спросил он.

— Пока только человека, который отвечает за окончательное решение при переполнении, — сказала я.

— Хорошо. Значит, мы нашли дыру до комиссии.

— Это называется «планирование», — заметила Марина Сергеевна. — Не каждую дыру надо называть дырой.

— Как назвать эту? — спросил Миша.

— Неопределённая ответственность.

Я отметила фразу в блокноте. Миша передал мне переходник, и наши пальцы на секунду соприкоснулись. Ерунда. Я всё равно заметила.

Мы распределили вопросы. Я объясняла структуру программы и показывала регистрацию, Миша отвечал за технику, Марина Сергеевна уточняла, кто сможет замещать каждого участника. Она не позволяла нам прятаться за общее «команда». Когда я сказала, что Аня умеет держать зал, она спросила, что будет, если Аня заболеет. Когда Миша сказал, что звук проверит сам, она спросила, кто будет рядом, если сломается пульт.

К концу встречи отчёт был испещрён комментариями.

— Не переписывайте всё сегодня, — сказала Марина Сергеевна, закрывая папку. — Соберите команду и ответьте на вопросы. Ваша задача — не сделать красивый документ. Ваша задача — показать, что вы понимаете, кто за что отвечает.

— Поняла, — сказала я.

— Ты говоришь это так, будто уже начала переписывать.

— Я записала только список.

— Лера.

Я закрыла блокнот.

Миша хмыкнул, но удержался от шутки.

Снаружи он спросил:

— Ты правда собиралась переписывать весь документ?

— Нет.

Он посмотрел на меня.

— Да, — призналась я. — Но не прямо сейчас.

— Ты можешь не делать это одна.

— Я не одна. Ты тоже в команде.

— Я имею в виду — не брать на себя каждый вопрос, на который можно ответить.

— Я не беру каждый.

— Только те, на которые никто другой не ответил.

— Если никто не отвечает, кто-то должен.

— Да. Но этот кто-то не всегда должна быть ты.

Я надела перчатки и застегнула пальто. На улице снег стал крупнее. Люди шли, подняв воротники, и обходили лужи не поодиночке, а одним и тем же движением, будто им показали невидимую дорожку.

— Я знаю, — сказала я. — Просто не всегда понимаю, кому передать.

— Тогда спроси.

— А если человек скажет «не знаю»?

— Можно найти того, кто знает.

— Ты всегда так спокойно относишься к тому, что никто ничего не знает?

— Нет. Иногда я нервничаю. Просто не считаю, что моё волнение автоматически делает меня главным.

Мы остановились у ступенек корпуса. Мне хотелось ответить, что я тоже не считаю себя главной. Но прошлой ночью я доработала список участников, проверила согласия на съёмку и составила две версии рассадки, хотя меня никто об этом не просил.

— Я не думала, что ты главный, — сказала я.

— Я и не говорил.

Он поправил ремень рюкзака и посмотрел на меня так, будто ждал продолжения, но не требовал его.

— Ты сейчас говоришь про отчёт или вообще? — спросила я.

— Про отчёт. Но если хочешь — можем поговорить вообще.

— Я пока не хочу.

— Хорошо.

Он не сделал вид, что понял больше, чем услышал. Я почувствовала лёгкое разочарование, хотя сама закрыла дверь. Иногда я ждала, что человек всё равно постучит.

— Увидимся вечером? — спросил он.

— В шесть.

— Я буду.

— Я тоже.

— Тогда до вечера.

Он ушёл к остановке. Я осталась у ступенек и достала телефон. Сообщение от Ани: «Марина уже отпустила вас? Я в “Чердаке”, у нас внезапно спор о том, нужен ли микрофон для открытого чтения».

«Нужен», — написала я.

«А ты можешь приехать и сказать это так, чтобы никто не ушёл?»

«Не обещаю».

«Тогда приезжай».

В «Чердаке» спорили не о микрофоне. Даня считал, что для открытого чтения он будет мешать; Аня считала, что без него люди в заднем ряду ничего не услышат. Ника молча подрезала бумажные карточки для регистрации. Саша держал микрофон на вытянутой руке и проверял, дотянется ли кабель до окна.

— Ты опять держишь его как улику, — сказала Аня.

— Я проверяю длину.

— Длина кабеля не зависит от того, как ты на него смотришь.

— Может, он нервничает.

— Он пластмассовый, Саш.

— Вот именно. Никто не знает, что он чувствует.

— Я за микрофон, — сказала я, снимая пальто. — Он нужен, если будет больше двадцати человек. Но его надо поставить сбоку, чтобы не превращать чтение в концерт.

— То есть нам нужен микрофон, но мы не должны его использовать? — спросил Даня.

— Мы используем его, если зал полный или если человеку так удобнее. В остальных случаях он стоит рядом.

— А если человек не хочет, чтобы его голос усиливали?

Вопрос задала Ника. Она отложила ножницы и посмотрела на меня.

— Тогда он говорит без микрофона, если слышно. Или мы сдвигаем стулья ближе.

— Вот, — сказала Аня. — Я про это.

— Ты говорила, что микрофон необходим, — напомнила я.

— Необходим, чтобы был выбор. Не чтобы мы заставляли всех в него говорить.

Я кивнула. Было приятно обнаружить, что она не спорила со мной ради спора. Я привыкла искать в каждом возражении скрытый вызов. Иногда там просто была мысль, которую я не заметила.

— Хорошо. Запишем: микрофон — запасной, место — сбоку, стулья можно придвинуть.

Саша положил микрофон на стол.

— А я думал, сейчас будет голосование.

— Проведи, если хочешь, — сказала я. — Только посчитай и тех, кто промолчит.

Он посмотрел на Нику, потом на Аню.

— Это уже нечестно.

— Почему?

— Потому что молчание тоже не всегда означает согласие.

— Верно, — сказала Ника. — Иногда я просто режу бумагу.

Она подняла карточку, на которой отрезала букву в слове «регистрация».

— Теперь это «регистьация», — заметил Даня.

— Человек всё равно поймёт.

— Администрация может не понять, — сказала я.

— Пусть попробует, — ответила Ника.

Она сказала это почти без улыбки, но Аня тихо засмеялась. Ника тоже усмехнулась и выбросила испорченную карточку.

После обеда мы провели короткое собрание. Я попыталась не начинать его с перечня проблем. Получилось не сразу.

— До комиссии пять дней, — сказала я. — Есть три вопроса, на которые нам надо ответить сегодня: кто останавливает вход при заполнении зала, кто остаётся запасным за микрофон и что мы делаем, если участник не приходит.

— А что уже решено? — спросил Даня.

— Ничего. Поэтому я и спросила.

— Ты спросила так, будто у нас уже три неправильных ответа, — сказала Аня.

Я открыла рот. Потом закрыла.

— Хорошо. Переформулирую. У кого есть идеи?

— Вход останавливает тот, кто видит зал, а не тот, кто держит список, — сказал Миша. Он пришёл после обеда и сел на край сцены. — Если человек с регистрацией будет каждый раз бегать внутрь, очередь никуда не исчезнет.

— Тогда кто смотрит на зал? — спросила я.

— Я могу быть там до начала. Потом нужно передать кому-то из ребят.

— Я буду, — сказала Ника. — Я могу стоять у двери и отмечать тех, кто вошёл.

— А если тебе нужно будет уйти? — спросил я.

— Тогда скажу Ане.

— А если Ани нет? — спросила я, сама не заметив, как снова стала проверять каждую схему на исключение.

Ника опустила ножницы.

— Тогда я напишу в чат, что ухожу, и кто-то меня заменит. Мы же не запираем дверь изнутри.

— Точно, — сказала я. — Прости. Я усложнила.

— Ты не усложнила, — отозвалась Ника. — Просто у нас всегда найдётся ещё один «а если».

— Моя любимая часть, — сказал Саша. — «А если стул решит не выдерживать ответственность».

— Тогда посадим его на другой стул, — сказала Аня.

На этот раз рассмеялись все. Даже Ника подняла голову от карточек.

Мы записали решения на доске. Не идеальные, но достаточно ясные: у входа два человека, один отмечает регистрацию, второй следит за вместимостью и при необходимости зовёт Мишу. Если один отходит, он говорит об этом вслух и передаёт место. На каждую роль есть

запасной. Если участник не приходит, мы не заполняем паузу случайным номером, а сокращаем переход или передвигаем один из коротких блоков.

— То есть можно не заполнить всё время? — спросил Даня.

— Да, — ответил Миша. — Пустые две минуты хуже, чем плохое выступление?

— Зависит от выступления.

— Лучше оставить паузу, чем заставить человека выйти на сцену, если он не готов, — сказала Аня.

Я отметила её слова. Не как лозунг, а как решение, которое можно применить.

После собрания Миша попросил меня остаться. Остальные разошлись: Ника унесла афиши в соседний кабинет, Саша пошёл искать куртку Дани, Аня обещала забрать у охраны ключи от шкафа. Мы остались возле сцены среди стульев, которые ещё не были расставлены.

— Ты сегодня несколько раз успела остановиться, — сказал Миша.

— Ты следишь за количеством?

— Нет. Просто заметил.

— Это похвала?

— Ты хочешь, чтобы она была похвалой?

— Я хочу понять, что ты имеешь в виду.

— Я имею в виду, что ты услышала Аню и не стала спорить с её формулировкой.

— Я всё ещё думаю, что она могла сказать это мягче.

— Могла. Но ты тоже могла не превращать вопрос в обвинение.

Я сдвинула носком ботинка ножку стула. Он качнулся и заскрипел.

— Ты всегда замечаешь такие вещи.

— Какие?

— Что люди могли сказать мягче. Что я могла ответить иначе. Вроде бы мелочь, но ты её вытаскиваешь.

— Я не всегда замечаю. И не всегда говорю.

— А что ты не говоришь?

Он посмотрел на стулья, потом на меня.

— Сейчас? Что я соскучился.

Я почувствовала, как что-то внутри меня чуть сдвинулось. Не растаяло, не исчезло — просто перестало упираться в рёбра.

— Мы виделись вчера, — сказала я.

— Знаю.

— Тогда как можно соскучиться?

— Не знаю. Я не готовил ответ.

Я усмехнулась.

— Это опасно.

— Что именно?

— Не готовить ответы. Я могу воспользоваться паузой.

— Можешь.

— Ты не боишься?

— Боюсь. Но не настолько, чтобы всё время говорить по плану.

Я прислонилась к краю сцены. Миша стоял напротив, не приближаясь, и мне вдруг стало заметно, что я сама ждала, когда он это сделает. Ждала и сердилось на него за то, что он не угадывает.

— Можно я тебя обниму? — спросил он.

— Ты спрашиваешь, потому что я выгляжу так, будто хочу сбежать?

— Я спрашиваю, потому что хочу обнять.

Я не ответила сразу. В комнате гудел старый холодильник, где-то в коридоре кто-то уронил связку ключей. Миша не повторял вопрос и не подталкивал меня плечом.

— Можно, — сказала я.

Он подошёл и обнял меня. Не прижал, не поднял, не запер в руках. Я сама придвинулась ближе, лбом упёрлась ему в плечо и задержала дыхание, будто проверяла, не произойдёт ли что-то неприятное, если мне будет хорошо.

Ничего не произошло.

— Ты пахнешь кофе, — сказала я.

— А ты снегом.

— Это не запах.

— У тебя волосы холодные.

Я подняла голову.

— Вот это тоже лучше не использовать как аргумент.

— Я не спорю.

— Пока.

— Если начнёшь спорить, я узнаю.

Он улыбнулся и отпустил меня. Я не стала ловить его за рукав, хотя на секунду захотела.

В субботу мы должны были проверить площадку и снять несколько общих кадров для отчёта. Я пришла в «Чердак» в половине десятого. Внутри пахло пылью и мокрой шерстью. На сцене стояли коробки с декорациями; одна была открыта, из неё торчала бумажная луна, приклеенная к деревянному обручу.

— Она переживёт ещё один переезд? — спросила я.

— Если никто на неё не сядет, — сказал Даня.

— Кто садился?

— Я не хочу давать показания без адвоката.

— Он сел на коробку, — объяснил Саша. — Луна не пострадала. Пострадала его репутация.

— Я до сих пор считаю, что коробка была крепче, — сказал Даня.

— Ты весишь больше картона, — заметила Ника.

— Это домыслы.

Аня попросила его поднять коробку. Он поднял, но поморщился, и она отобрала её.

Мы начали с расстановки. В первом блоке стулья ставили полукругом, во втором — плотнее, рядами. Между рядами оставили проход, чтобы не пришлось протискиваться через людей, если кому-то понадобится выйти. Я измеряла расстояние рулеткой, пока Ника отмечала его кусочками малярной ленты.

— Если стулья раздвинут, лента не поможет, — сказал Даня.

— Поэтому мы поставим их после проверки, — ответила я.

— А если кто-нибудь всё равно раздвинет?

— Попросим не раздвигать.

— Ты удивительно рассчитываешь на разговоры с людьми.

— Иногда они работают.

— У тебя с ними личный конфликт.

— Мы его решаем.

Он приподнял бровь.

— Мы?

— Я и люди.

— Звучит, как название документального фильма.

— Тебе не дадут права на музыку.

Миша включил пульт, и в колонках щёлкнуло. Звук разошёлся по залу ровно, без треска. Он проверил микрофон, затем попросил каждого сказать по одной фразе с разных точек комнаты.

— Проверка, — сказала Аня.

— Раз, два, три, — сказал Саша.

— Я не люблю микрофоны, — сказала Ника.

— Это тоже слышно, — отозвался Даня.

— Не надо проверять, слышно ли меня. Я уже сказала.

Миша выключил микрофон.

— Принято. Не будем тебя просить в него говорить.

Я посмотрела на Нику. Она кивнула и вернулась к декорациям.

— Спасибо, что не стала спорить, — шепнула Аня.

— Я не всегда спорю.

— Ты иногда споришь до того, как человек закончил фразу.

— Я знаю.

— Тогда почему ты делаешь вид, что не знаешь?

— Потому что иногда знание не помогает.

— А иногда помогает.

Она ушла за коробкой с тканью. Я не ответила, но запомнила.

После проверки мы снимали зал на телефон. В кадре не должно было быть лиц тех, кто не дал согласие на съёмку; мы снимали сцену, проходы, табличку у входа, пустые ряды. На последнем кадре Даня случайно задел бумажную луну, и та закачалась. Он поймал её, прежде чем она упала.

— Вот это оставим, — сказала я.

— Серьёзно? — спросил он. — Я спас декорацию от собственной глупости.

— Это и есть история фестиваля.

— Мы разве не должны выглядеть подготовленными?

— Мы должны выглядеть настоящими.

— Настоящие люди падают?

— Иногда. Но не надо специально.

Миша держал телефон, и на экране было видно, как Даня ловит луну, а потом смотрит в камеру, будто пытается понять, заметили ли мы.

— Не выкладывай, — сказала Ника.

— Не буду, — ответил Миша. — Это пока рабочий материал.

— Удали после, — добавила она.

— Конечно.

Я кивнула, хотя он уже слышал её.

— Я не просила подтверждения от тебя, — сказала Ника.

— Я не подтверждала. Просто кивнула.

— Вот это иногда выглядит одинаково.

— Поняла.

Я отвела взгляд. Было неприятно понимать, что даже жест, который казался мне поддержкой, мог выглядеть как контроль. Я не знала, что с этим делать, кроме как не повторять его в следующий раз.

В обед мы заказали пиццу. Она приехала холодной, с одним недостающим соусом и лишней коробкой маргариты. Даня сказал, что это знак, что Вселенная поддерживает нашу работу. Аня сказала, что Вселенная просто перепутала заказ.

— Ты всегда заказываешь слишком много, — сказала я.

— Я не заказывал, — ответил Даня.

— Ты говорил, что нам хватит двух пицц.

— Я сказал, что две пиццы хватит, если никто не голоден.

— А кто-то был голоден?

— Судя по тому, что коробка пустая, да.

На самом деле пустой коробка стала потому, что Саша съел три куска подряд и ушёл проверять кабель. Я хотела сделать замечание, но поймала себя на том, что это никому не поможет.

— Оставьте один кусок на потом, — сказала я.

— Кому? — спросил Саша.

— Любому, кто ещё не ел.

Он отложил кусок на тарелку. Даня сделал вид, будто собирается его забрать, и Саша прикрыл кусок ладонью.

— Это уже не еда, — объявил он. — Это резерв.

— Положи на салфетку, — сказала Ника. — И не держи руками.

Он послушался, но продолжал смотреть на коробку.

Я села рядом с Мишей. Мы не держались за руки и не обменивались тайными взглядами. Просто делили пиццу и слушали, как Аня спорит с Даней о том, можно ли считать фразу из старого фильма цитатой, если никто не помнит фильм.

— Ты сейчас думаешь о комиссии? — спросил Миша.

— Да.

— Сильно?

— Настолько, что знаю, сколько у нас стульев и сколько человек надо добавить в список запасных.

— А обо мне?

Я повернулась к нему.

— Это вопрос или проверка?

— Вопрос.

— Немного думаю.

— Хорошо.

— А ты?

— Я думаю о комиссии и о том, что ты сказала «немного» так, будто это признание в преступлении.

— Мне непривычно говорить о тебе при других.

— Ты не обязана.

— Я и не сказала, что обязана.

— Тогда всё нормально.

Он не стал спрашивать, что именно мне непривычно. Иногда его сдержанность казалась мне почти несправедливой: я сама привыкла заставлять людей раскрывать карты, а он оставлял свои на столе рубашкой вверх и не торопил меня.

Вечером, когда остальные ушли, мы с Аней остались закрывать шкаф с техникой. Она держала дверь, а я проверяла, не торчит ли провод из коробки.

— Ты сегодня весь день была мягче, — сказала она.

— Ты уже второй раз это говоришь.

— Потому что второй день замечаю.

— Ты можешь не отслеживать меня как проект?

Она замерла. Я сразу поняла, что сказала грубее, чем хотела.

— Прости, — произнесла я. — Это прозвучало так, будто я обвиняю тебя.

— Ты меня обвиняешь?

— Нет. Я просто не хочу быть проектом, над которым все ведут наблюдения.

Аня прислонилась к дверце шкафа.

— Я не веду наблюдения. Я подруга. Я замечаю, когда ты вроде бы хочешь, чтобы тебя увидели, а потом сердишься, если я что-то замечаю.

— Я не сержусь.

Она посмотрела на меня.

— Ладно. Иногда сержусь.

— Почему?

— Потому что у меня не всегда получается понять, что тебе нужно. И я боюсь спросить, чтобы ты не решила, что я лезу.

— Ты можешь спросить.

— А ты можешь ответить не колкостью?

Я закрыла шкаф. Замок щёлкнул громче, чем должен был.

— Могу попробовать.

— Хорошо.

— Но если я скажу «не хочу говорить», это не значит, что я на тебя злюсь.

— Поняла.

— И если я отвечу грубо, ты можешь сказать мне об этом.

— Я говорю.

— Да. Но не всегда сразу.

— А ты не всегда слышишь.

— Тоже правда.

Мы стояли в узком коридоре, и в нём было слишком тепло. Аня убрала с плеча нитку, которую я не заметила.

— Ты боишься, что с Мишей всё будет так же, как с Кириллом? — спросила она.

Я почувствовала, как спина напряглась.

— Не хочу сравнивать.

— Я не сравниваю их. Я спрашиваю про тебя.

— Я боюсь, что начну всё портить, прежде чем он успеет уйти.

Аня не сказала, что я ничего не порчу. Не произнесла, что Миша другой и всё будет хорошо. Она только кивнула.

— А ты ему это говорила?

— Нет.

— Почему?

— Потому что это звучит как просьба пообещать, что он не уйдёт.

— А если ты попросишь не обещание, а просто сказать, как он видит вас сейчас?

— Он уже сказал.

— Тогда, может, не нужно снова спрашивать сегодня.

Я посмотрела на неё.

— Ты удивительно умеешь не давать совет.

— Я его дала.

— Нет. Ты предложила вариант.

— Это одно и то же?

— Не знаю. Но легче слышать.

Она взяла пальто и направилась к двери.

— Я подумаю.

— Пожалуйста. Только не составляй таблицу.

— Я уже составила.

— Лера.

— Шучу.

— Не уверена.

Она рассмеялась. Я тоже улыбнулась, но на этот раз не стала прятать улыбку за словом.

Позже в субботу, когда я уже собиралась уходить, в «Чердак» заглянул Кирилл. Он не написал заранее. Просто открыл дверь, остановился на пороге и осмотрел зал, будто проверял, остался ли здесь кто-нибудь, кто мог его помнить.

Я помнила.

На нём была тёмно-синяя куртка, которую я когда-то считала красивой, потому что он носил её на наших первых прогулках. Сейчас я заметила только мокрые плечи и распущенную молнию.

— Привет, — сказал он.

— Привет.

— Я думал, тут никого не будет.

— Мы заканчиваем.

— Я не мешаю?

Он спросил это достаточно вежливо, чтобы я не могла ответить «мешаешь» без причины. Я посмотрела на комнату. Аня подписывала коробки, Ника собирала афиши, Миша складывал провода. Все слышали его голос, но делали вид, что заняты.

— Зачем пришёл?

Кирилл поднял ладони.

— Забрать штатив. Я оставлял его здесь прошлой осенью.

— Он в кладовой?

— Не знаю. Я думал, ты знаешь.

— Я не отвечаю за все вещи, которые тут кто-то забыл.

— Я не говорил, что отвечаешь.

— Но спросил именно меня.

Он посмотрел на меня внимательнее.

— Потому что ты раньше знала, где всё лежит.

— Раньше — не сейчас.

— Понял. Тогда я сам посмотрю.

Он направился к кладовой. Я шагнула в сторону, чтобы пропустить его, но он остановился, не дойдя до двери.

— Ты в порядке? — спросил он.

— Да.

— Не похоже.

— Ты пришёл за штативом, Кирилл.

— Я пришёл за штативом. И спросил, как ты.

— Ты не обязан спрашивать.

— Я знаю.

— Тогда зачем?

— Потому что мы не враги.

Слова попали в то место, которое я не хотела ему показывать. Несколько месяцев назад он говорил почти то же самое, когда после очередной ссоры я собирала вещи с его дивана. «Я же не враг тебе, Лер». Тогда он произносил это мягко, а потом добавлял, что я всё воспринимаю слишком остро. Мягкость от этого не становилась теплее.

— Я не говорила, что ты враг, — ответила я.

— Но разговариваешь так, будто я что-то сделал.

— Ты делал.

Он вдохнул, словно собирался спорить, но передумал.

— Да. Делал. Я знаю, что говорил про тебя за спиной. Я извинился.

— Ты объяснил, почему так говорил.

— Я сказал, что мне жаль.

— И сразу следом рассказал, как сложно со мной разговаривать.

Он отвёл взгляд. За его спиной Саша уронил моток скотча, и тот покатился под стол.

— Я не думал, что это прозвучит так, — сказал Кирилл.

— Вот в этом проблема.

— Я пытаюсь наладить отношения.

— Какие отношения?

— Нормальные. Чтобы мы могли хотя бы здороваться.

— Мы поздоровались.

— Ты понимаешь, что я имею в виду.

Я чувствовала, как во мне растёт желание заставить его назвать всё точнее. Пусть объяснит, что именно хочет: дружбы, прощения, возможности вернуться к привычным шуткам. Пусть скажет, что скучает, или что больше не будет делать вид, будто моё раздражение придумано мной самой.

— Я не знаю, чего ты от меня ждёшь, — сказала я.

— Ничего. Я не пришёл требовать прощения.

— Тогда хорошо.

— Но ты всё равно отвечаешь так, будто ждёшь от меня нового удара.

— Потому что я не знаю, будет ли он.

— Я не собираюсь тебя задевать.

— Ты говоришь это после того, как уже задевал.

— Лера, ну правда. Я не могу сделать прошлое небывшим.

— Я не прошу.

— Тогда что ты хочешь?

— Чтобы ты не приходил с вопросом «ты в порядке?» и не сердился, если я не отвечаю так, как тебе хочется.

— Я не сержусь.

— Ты уже говоришь громче.

Он замолчал. Я тоже. В комнате стало непривычно тихо: все одновременно притворялись, что не слушают, и поэтому не двигались.

— Я не сердился, — повторил Кирилл тише. — Я расстроен.

— Это твое чувство. Я не обязана его исправлять.

— Я не прошу исправлять.

— Ты спрашиваешь, почему я холодная, и ждёшь, что я скажу: «Извини, ты ни при чём».

Он потер большим пальцем край рукава.

— Может быть, я правда ждал этого.

— Вот. Это уже честнее.

— Ты всегда заставляешь меня признавать самое неприятное.

Я почувствовала, как у меня вырывается знакомая улыбка. Та самая, после которой люди начинали говорить, что я «вампирюга» и будто специально вытягиваю из них признания.

— Я ничего не заставляю, — сказала я. — Ты можешь не отвечать.

— А если не отвечу, ты решишь, что я трус.

— Может быть.

— Вот об этом я и говорю.

— О чём?

— Ты говоришь, что я могу уйти, но заранее назначаешь мне плохую роль.

Я хотела отрезать: «Это ты сам её выбрал». Но заметила, что в этот раз он не повысил голос, не обесценил мои слова и не попросил меня «не делать мозг». Его раздражение было настоящим, и он не прикрывал его шуткой. Мне было неуютно от того, что он попал в точку.

— Ты прав, — сказала я после паузы. — Я уже решила, что ты скажешь.

Кирилл приподнял брови.

— Я думал, ты не умеешь это говорить.

— Не привыкай.

— Не буду.

Он улыбнулся едва заметно. Я не улыбнулась в ответ.

— Штатив, — напомнила я.

— Да. Штатив.

Я открыла кладовую, но не стала заходить внутрь. Кирилл поискал на верхней полке, потом на нижней, вытащил коробку со старыми кабелями и поставил её на пол.

— Тут нет, — сказал он.

— Может, ты забрал его после последнего мероприятия.

— Возможно.

— Тогда я не знаю, где он.

— Понял.

Он поставил коробку на место. Когда повернулся, Миша уже стоял рядом с дверью, держа в руках моток скотча.

— Мы скоро будем закрываться, — сказал Миша. — Если тебе нужно что-то ещё найти, я могу открыть шкаф после того, как закончим.

В его голосе не было угрозы. Он просто обозначил время. Кирилл кивнул.

— Я уже всё.

Он снова посмотрел на меня.

— Я правда не хочу ссориться.

— Я тоже.

— Ты могла бы иногда не отвечать так, будто мы ссоримся.

Внутри у меня мгновенно стало тесно. Я успела услышать и слова, и то, как легко он возвращает ответственность мне. Я могла бы снова достать список всех его фраз, снова заставить его признать каждую, снова вытянуть из разговора победу и остаться с ней одной.

— Я сейчас не готова продолжать, — сказала я. — Если тебе правда нужно, чтобы мы просто здоровались, давай пока будем здороваться. Без разговоров о том, какая я.

Кирилл нахмурился.

— Я не говорил, какая ты.

— Ты только что сказал, что я отвечаю так, будто мы ссоримся.

— Это наблюдение.

— А мне оно сейчас не нужно.

Он помолчал. Потом кивнул.

— Ладно.

— Спасибо.

Он ушёл без хлопка дверью. Это не было примирением и не было новым разрывом. Просто разговор закончился там, где я его остановила.

Я вернулась к коробкам. Аня сняла с одной крышку и заглянула внутрь, хотя прекрасно знала, что там лежит.

— Ты в порядке? — спросила она.

— Да. Мне просто надо пять минут.

— Хорошо.

Она не спросила, что случилось. Не заставила меня объяснять, не стала называть Кирилла козлом. Я была благодарна ей и одновременно хотела, чтобы она сказала что-нибудь резкое за меня. Это противоречие раздражало.

Миша подошёл позже, когда Аня уже ушла за машиной Ники.

— Хочешь, чтобы я спросил, как ты? — спросил он.

— Я не знаю.

— Тогда не буду.

— Ты можешь просто постоять здесь.

— Могу.

Он встал рядом, оставив между нами небольшое расстояние. Мы складывали коробки в тишине. Через минуту я сама коснулась его локтя.

— Я была грубой?

— В начале — да. Потом сказала, что тебе не нужно. Это было ясно.

— Ты считаешь, я должна была быть мягче?

— Я считаю, что ты могла сказать это раньше и без того, чтобы сначала пытаться угадать, зачем он пришёл.

Я кивнула. Мне не понравилось услышанное, но оно не звучало как приговор.

— Ты всегда на его стороне?

— Нет.

— На моей?

— Я рядом с тобой. Это не значит, что я соглашусь с каждым твоим ответом.

— А если я попрошу?

— Тогда скажу, где согласен, а где нет.

Я посмотрела на него. Ничего нового в его ответе не было. И всё же мне хотелось проверить, выдержит ли он вопрос.

— Я не прошу тебя решать за меня.

— Я знаю.

— И мне не нужно, чтобы ты спасал меня от каждого неприятного разговора.

— Я тоже знаю.

— Но если он снова начнёт…

— Ты можешь позвать меня. Я не буду отвечать за тебя. Просто останусь рядом, если захочешь.

Я вдруг поняла, что это именно то, о чём хотела попросить, и именно то, что боялась услышать. Не обещание, что неприятных людей не будет. Не клятва, что Миша всегда выберет меня. Только возможность не стоять в одиночестве, если я сама попрошу.

— Ладно, — сказала я.

— Ладно — это согласие или ты пока думаешь?

— Я думаю. Но не против.

— Подходит.

Он улыбнулся и взял следующую коробку.

В автобусе домой я написала Ане: «Прости, что сказала про проект. Ты не ведёшь наблюдение. Я просто не умею, когда меня замечают».

Она ответила: «Я не обиделась. Но спасибо, что написала».

Я набрала ещё: «Не спрашивай меня, всё ли в порядке, если не готова услышать “не знаю”».

Ответ: «Договорились. А ты не говори “всё нормально”, если хочешь, чтобы я просто посидела рядом».

Я сохранила переписку не в закладки, а просто оставила её в чате. Это было достаточно.

В воскресенье утром я проснулась раньше будильника. Снег за ночь растаял, оставив на подоконнике серую полоску воды. Я проверила рабочий чат. Никто не писал. Это должно было облегчить мне жизнь; вместо этого я открыла список дел.

Отчёт. Запасной ведущий. Тест микрофона. Список согласий. Уточнить про стулья. Подтвердить время комиссии. Проверить, кто дежурит у двери. Внести изменения по Рите. Отправить ролик участникам.

Я поставила отметку напротив последнего пункта. Потом закрыла файл и позавтракала.

В полдень мы собрались в «Чердаке» на репетицию переходов. Аня опаздывала из-за автобуса, поэтому Даня пытался вести блок, хотя не хотел. Он стоял у сцены с листом в руке и читал вступление ровным голосом.

— Добрый день. Мы рады видеть вас на фестивале… — Он остановился. — Это звучит, как будто я сейчас предложу купить страховку.

— Попробуй без листа, — сказала Ника.

— Я забуду текст.

— Тогда скажи, что забыл.

— Зрителям?

— Да. Они не получат травму.

— А если получат?

— Тогда мы вызовем скорую, а не продолжим выступление.

Даня посмотрел на меня.

— Можно мне не вести?

Я хотела сказать: «Мы рассчитывали на тебя». Слова уже стояли на языке. Но он не отказывался от выступления — он говорил о ведущем блоке, который мы оставили ему на случай опоздания Ани.

— Конечно. Кто-нибудь хочет попробовать вместо него?

Молчание повисло над сценой.

— Я могу, — сказал Миша. — Но тогда кто-то должен проверить звук.

— Я проверю, — сказала я.

— Ты в отчёте, — напомнил он.

— Я могу делать оба дела, если не в одно время.

— А если комиссия попросит тебя объяснить регистрацию в этот момент? — спросил Даня.

Я посмотрела на него. Он не издевался. Он просто вернул мне тот же вопрос, который мы задавали друг другу на собрании.

— Тогда Ника покажет схему, — сказала я.

— А если Ники не будет? — спросила Аня, появившаяся у входа. — Извините, автобус решил, что мы живём в разных городах.

— Тогда Саша покажет схему, — ответила я.

— А если Саши нет? — спросил Саша из-за декорации.

— Тогда кто-то из зрителей станет нашим запасным, — сказал Даня.

Мы рассмеялись. Я тоже, хотя внутри оставалось беспокойство от того, что у плана появлялось всё больше запасных веток.

Репетиция заняла два часа. Миша провёл вступление, но выбрал не торжественную речь, а простое объяснение, где туалет и можно ли выходить во время выступления. Аня предложила добавить, что никто не обязан оставаться до конца. Даня сказал, что так зрители решат, будто мы сами хотим, чтобы они ушли.

— Если им надо уйти, они уйдут в любом случае, — сказала Ника. — Лучше пусть не думают, что должны просить разрешения.

— Мы можем сказать это после приветствия, — предложила Аня. — Без акцента. Просто как часть информации.

Мы попробовали три версии. В первой звучало слишком официально. Во второй все хихикали. В третьей Миша сказал: «Если вам нужно выйти, можно выйти. Если захотите вернуться, мы будем рады», — и никто не нашёл, что добавить.

— Оставляем, — сказала я.

— Почему? — спросил Миша.

— Потому что ясно.

— А не потому что тебе понравилось, как я сказал?

— Мне понравилось, как ты сказал. Но оставляем, потому что ясно.

— Записал.

— Не записывай.

— Я запомню.

— Это хуже.

Он улыбнулся и снова посмотрел на лист.

После репетиции мы раскладывали стулья по схеме. Я заметила, что Миша отодвинул один на полшага от прохода. Хотела поправить, но удержалась и спросила:

— Ты меняешь проход?

— Нет. Здесь ножка стоит на ленте, стул качается.

Я посмотрела. Он был прав.

— Хорошо.

— Ты хотела поправить.

— Хотела.

— Почему не поправила?

— Потому что спросила.

— Заметил.

— Ты можешь перестать говорить «заметил» так, будто ставишь мне отметку?

— Могу. Не буду.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Он не сказал, что я молодец. Я не сказала, что это было не нужно. Мы просто продолжили двигать стулья.

Вечером я отправила Марине Сергеевне обновлённую схему и список замещений. Ответ пришёл через несколько минут: «Принято. В понедельник обсудим финальные детали». Я поставила телефон рядом с чашкой и поняла, что уже несколько минут не проверяла его.

Миша написал: «Как день?»

Я набрала: «Нормально», потом стерла.

«Мы прогнали переходы. Даня решил, что не хочет вести, и мы нашли замену. Получилось лучше, чем я думала».

Он ответил: «Ты разрешила ему отказаться?»

Я напряглась, но заставила себя прочитать вопрос ещё раз.

«Да. Он не отказывался от фестиваля, только от запасного выхода».

«Хорошо».

Я чуть не спросила, правда ли он так считает. Вместо этого написала: «Мне было непривычно не уговаривать».

«Верю».

Через секунду он добавил: «Хочешь поговорить об этом или просто сообщаешь?»

Я посмотрела на экран. Вопрос был точным, но не требовал ответа, которого я не хотела давать.

«Просто сообщаю. Но можешь приехать завтра раньше?»

«Могу. Во сколько?»

«В шесть».

«Буду».

Я положила телефон на стол, экраном вверх. Сообщение не требовало, чтобы я придумала, что оно означает. Он приедет в шесть, потому что я попросила. Этого хватало на сегодняшний вечер.

Вечером Аня позвонила, когда я уже почти закрыла ноутбук. Она не стала здороваться обычным способом: сразу спросила, успела ли я отправить участникам финальную версию ролика.

— Отправила, — ответила я. — Двое попросили не пересылать дальше, пока не посмотрят. Я оставила их фрагменты отдельными.

— Хорошо. Ты сегодня свободна?

— Для чего?

— Для прогулки. Мне надо выйти из комнаты, а одной идти скучно.

— Ты могла просто сказать, что хочешь погулять.

— Я сказала.

— Ты сказала, что тебе скучно одной. Это другое.

— Может быть, я не всегда умею просить без объяснения причины.

Я закрыла ноутбук.

— Через полчаса?

— Давай.

Мы встретились у небольшой кофейни возле остановки. Внутри было шумно, поэтому взяли напитки с собой и пошли в сторону старого парка. Дорожки блестели после дождя, возле лавочек лежали мокрые листья. Аня шла, засунув руки в карманы пальто.

— Ты сегодня всё время была в телефоне, — сказала она.

— Я отвечала по фестивалю.

— Я знаю. Просто заметила.

— Ты опять наблюдаешь?

Она остановилась.

— Я хочу поговорить с тобой, но если ты сейчас не готова, скажи.

— Готова. Я не хотела опять звучать так, будто ты следишь за мной.

— Я не слежу. Но иногда мне кажется, что я существую для тебя только в те моменты, когда могу помочь с чем-то. Я редактирую текст, нахожу людей, спорю с тобой, когда ты говоришь за всех. А потом ты уходишь к Мише, и разговор заканчивается.

Я посмотрела на неё. Внутри сразу нашлись несколько ответов. Я могла перечислить, сколько раз сама была рядом с Аней. Могла сказать, что она никогда не просила меня оставаться. Могла напомнить, что мы разговаривали и после фестиваля. Ни один ответ не отменял того, что она сказала.

— Ты чувствуешь, что я пользуюсь тобой? — спросила я.

— Не совсем. Я чувствую себя твоим штабом. Как будто у тебя есть отношения, проект, проблемы, а я тот человек, к которому ты приходишь за советом. Мне хочется, чтобы иногда ты спрашивала, как я, и не только перед тем, как попросить о помощи.

Я опустила глаза на крышку стакана. На ней осталась капля кофе.

— Я не знала, что так выглядит.

— Я знаю. Поэтому говорю сейчас.

— Ты давно так чувствуешь?

— Не с сегодняшнего дня. Но я не хотела говорить, пока ты переживала из-за Кирилла и пока проект горел. Потом всё время находилось что-нибудь срочное.

Мне стало стыдно. Не той виной, от которой хочется немедленно обещать всё исправить, а более тихой: я действительно так делала. Когда Аня спрашивала про меня, я говорила о себе. Когда она рассказывала что-то своё, я часто переводила разговор на следующий список задач.

— Что у тебя сейчас происходит? — спросила я.

Она улыбнулась без веселья.

— Сейчас? Я устала. Я хочу, чтобы фестиваль прошёл нормально, но иногда мне страшно, что я всё время соглашаюсь на лишнее, потому что боюсь, что без меня не справятся. А потом злюсь на людей, что они попросили.

Я услышала знакомое. Не точно то же, но близко.

— Ты можешь отказаться от второго блока, если он появится, — сказала я.

— Могу. Но я хочу его вести. Мне нравится работать с людьми, когда они не стоят в очереди и не ждут, что им скажут, как надо себя вести.

— Тогда я помогу тебе организовать это так, чтобы ты не осталась одна.

— Вот видишь? Я не просила сейчас план.

Я замолчала. Она не сказала это резко. Просто вернула мне её же просьбу: быть рядом, а не сразу исправлять.

— Извини. Я услышала, что ты хочешь вести второй блок и сразу стала придумывать, как облегчить тебе работу.

— Я не против помощи. Я просто сначала хотела, чтобы ты услышала, что мне страшно и что я всё равно хочу попробовать.

— Я слышу. Тебе страшно, но ты хочешь попробовать.

— Да.

— И ты устала соглашаться на лишнее, потому что боишься, что без тебя не справятся.

— Да.

Я не стала добавлять «я тоже». Это было бы правдой, но сейчас разговор был о ней.

— Спасибо, что сказала, — произнесла я.

— Спасибо, что не обиделась.

— Я немного обиделась. Но не на тебя. Мне неприятно думать, что я могла тебя так оставить без внимания.

— Это не значит, что ты плохая подруга.

— Знаю.

— Точно?

— Нет. Но я не хочу превращать свою ошибку в приговор себе. Это не поможет тебе.

Аня глянула на меня и улыбнулась уже по-настоящему.

— Ты слушала Мишу?

— Иногда.

— Я рада.

— Не говори так, будто я наконец научилась быть человеком.

— Не буду.

Мы пошли дальше. Аня рассказала, что на следующей неделе у неё защита проекта по истории искусства. Я знала, что она готовится, но не знала, насколько сильно переживает. Она боялась, что преподаватель задаст вопрос про одну картину, которую она включила в презентацию, хотя сама не была уверена в датировке.

— Ты можешь проверить это сегодня вечером? — спросила я.

— Могу. Но хочу сначала просто пожаловаться.

— Тогда жалуйся.

Она рассказала, что уже трижды переписала слайд и каждый раз возвращалась к первой версии. Я слушала и не предлагала проверить дату, пока она сама не спросила. Когда спросила, я нашла каталог музея, но оставила ей ссылку, а не написала ответ поверх её работы.

— Вот так лучше, — сказала она.

— Как?

— Ты рядом, но не делаешь за меня.

— Я стараюсь.

— Заметно.

— Не надо было это слово.

— Тогда скажу: мне приятно.

— Так лучше.

Мы дошли до остановки. Автобус Ани должен был прийти через пять минут. Она посмотрела на меня, будто собиралась что-то добавить.

— Что? — спросила я.

— Когда ты будешь готова рассказать маме про Мишу, расскажи. Но не потому, что я считаю, будто пора.

— Я знаю.

— И если не хочешь рассказывать, тоже нормально.

— Я знаю.

— Тогда всё.

— Ты хотела ещё что-то сказать.

— Хотела спросить, как ты сама. Но мы уже поговорили.

Я усмехнулась.

— Я могу ответить сейчас. Я устала, но мне стало легче. Не потому что ты решила за меня что-то, а потому что я не одна это держу.

— Спасибо. Я тоже рада, что мы поговорили.

Автобус подъехал. Аня обняла меня, и на этот раз я обняла её в ответ сразу.

Дома я открыла календарь и увидела, что на понедельник у меня нет свободного вечера: встреча с Мариной, проверка списков, звонок технику, монтаж ролика. Я могла заполнить и вторник. Вместо этого отметила себе только две задачи, а остальные распределила по команде. Потом отправила Ане ссылку на каталог музея и написала: «Если захочешь, посмотрю с тобой презентацию завтра. Если нет — просто пришли, как прошла защита».

Она ответила: «Договорились».

Я выключила ноутбук. На этот раз я не стала открывать общий чат перед сном.

Глава 8. Когда погас свет

В понедельник «Чердак» встретил нас запахом мокрых курток и едва слышным писком из колонок. Писк появлялся на секунду, исчезал, потом возвращался. Как будто помещение пробовало подать сигнал и каждый раз передумывало.

Я положила сумку на пол и посмотрела на Мишу.

— Это нормально?

— Нет.

— Ты проверял звук вчера.

— Вчера писка не было.

— Может, кабель?

— Может. Сначала проверим, потом решим.

Он говорил спокойно, но не так, как люди говорят, когда хотят успокоить. Он просто начал отключать приборы один за другим. Я встала рядом, записывая, что именно он трогал, чтобы потом не спрашивать.

— Не записывай, — сказал он.

— Я хочу понимать порядок.

— Тогда смотри. Я выключу пульт, отсоединю микрофон, поменяю кабель. Если писк останется, проверим колонку отдельно.

Я закрыла блокнот.

— Хорошо.

В дверях появилась Аня с пакетом булочек. Она остановилась, услышав звук.

— Это новый эффект для входа?

— Если он станет частью программы, мы его подпишем, — сказала я.

— Я надеялась на бесплатную выпечку, но писк тоже сойдёт.

Миша отсоединил микрофон. Писк исчез. Он поменял кабель, включил микрофон снова — и звук вернулся. Мы оба посмотрели на один и тот же провод.

— Кабель, — сказала я.

— Скорее всего.

— Слава богу.

— Не торопись. Нужно проверить с другим микрофоном.

Я хотела сказать, что это очевидно, но не стала. Даня как раз вошёл с Никой, и в руках у него была коробка с маркерами и старая колонка, которую мы позаимствовали у студенческого клуба. Он поставил её на пол.

— Нашёл. У неё иногда пропадает звук, если сильно выкрутить громкость.

— Кто её проверял? — спросила я.

— Я. Позавчера.

— И ты решил, что она нам подходит?

— Я проверил на обычной громкости.

— А почему не сказал, что она иногда отключается?

— Потому что она не отключалась. Она трещала.

— Это не лучше.

— Я знаю.

— Ты мог предупредить.

— Я думал, что предупредил, когда сказал «иногда пропадает звук».

— Ты сказал, что она старая.

— И ещё сказал, что иногда пропадает звук.

— Это разные вещи.

Даня сложил руки на груди.

— Лера, я не пытаюсь спрятать проблему. Я нашёл то, что было в клубе.

— А я пытаюсь понять, почему мы узнали об этом за два дня до комиссии.

— Мы проверяли заранее.

— Проверяли недостаточно.

Он посмотрел на меня так, будто собирался ответить резко, но удержался.

— Возможно. Тогда давай проверим сейчас.

Аня поставила пакет на стол.

— Сначала булочки, потом разбор полётов?

— Это не разбор, — сказала я.

— Тогда почему у тебя голос как у человека, который уже вынес решение?

Я почувствовала, что в комнате снова стало тихо. Миша ничего не говорил; он держал в руке кабель и смотрел на меня. Я хотела спросить, что он думает, но не стала. Я уже знала.

— Извини, Даня. Я не должна была делать вывод, что ты не предупредил. Давай проверим колонку вместе.

Даня не сразу отреагировал.

— Ладно.

— Ты можешь показать, как проверял?

— Могу.

— Хорошо. Я запишу, что тестируем. Это полезно, а не потому что я тебе не верю.

— Я не говорил, что ты не веришь.

— Но я так прозвучала.

— Да.

Он поднял колонку, поставил её на сцену и объяснил, что проверял вход в небольшой комнате. Там звук был ровный. На большой громкости в зале возникал треск. Мы повторили всё вместе и услышали тот же скрежет, только теперь он длился дольше.

— Эта колонка не подходит для второго блока, — сказала я.

— Для первого подойдёт, — заметил Даня.

— Если звук остаётся ровным.

— Можно ограничить громкость.

— А микрофон будет слышно?

— Если мы поставим его ближе.

— А если зал заполнится?

— Тогда используем основную систему.

— Которая пищит.

— Пока пищит только микрофонный кабель.

— Мы не знаем, только ли кабель.

Миша подключил другой микрофон и короткий запасной провод. Писк не появился. Он повторил проверку дважды.

— Работает, — сказал он. — Старый кабель убираем. Данину колонку оставляем как запасную для музыки, если тест на обычной громкости пройдёт.

— А если не пройдёт? — спросила я.

— Тогда не используем.

— У нас нет другой запасной.

— Я могу спросить у студии на третьем этаже.

— Ты говорил, они не одалживают технику.

— Они не одалживают усилитель. Колонку могут.

— Ты уверен?

— Нет. Я спрошу.

Он не добавил «успокойся». Я была благодарна за это, хотя сама не знала, как успокоиться.

Когда мы закончили с микрофоном, Миша попросил меня не включать ноутбук, пока он не разберётся с розеткой у сцены. Я остановилась, уже протянув руку к удлинителю.

— Она неисправна?

— Не знаю. Вилка держится плохо.

— Тогда вызовем техника.

— Я уже написал.

— Хорошо.

Миша убрал удлинитель, не проверяя его «на всякий случай». Я заметила, как легко мне захотелось спросить, не мог ли он сам это сделать быстрее, но не стала. Это был его участок ответственности.

Техник корпуса пришёл через двадцать минут. Его звали Сергей Павлович, у него были седые усы и привычка говорить с людьми, не отрывая взгляда от того, что он чинит. Он осмотрел розетку, проверил напряжение и попросил показать, что именно мы подключаем.

— Одновременно сценический свет, колонку и зарядки? — спросил он.

— Только во время переходов, — сказала я.

— Тогда переходы у вас будут короткие.

— Мы можем разнести подключение?

— Можете. Но нельзя включать всё в одну линию. Вот эта розетка идёт через старый автомат. На ней будет только пульт и микрофон. Свет — в соседнюю, если не включать обогреватель.

— Обогревателя нет, — сказал Даня.

— Хорошо. И не ставьте коробки на распределительную коробку. До неё должно быть можно добраться.

Я посмотрела на схему и увидела, что пометила там место для декораций.

— Мы уберём их.

Сергей Павлович показал, как аккуратно уложить провода вдоль стены и закрыть защитным каналом. Мы с Мишей записали инструкции. Ника перенесла коробки, Даня принёс крепления. Никто не стал спорить, что провод всё равно не мешает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.